

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД

БОЛДАЧЧИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЭКСПРЕСС

ГИГАНТ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА ОТКРЫВАЕТСЯ С НЕОЖИДАННОЙ СТОРОНЫ

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Annotation

Побитый жизнью журналист Том Лэнгдон не может путешествовать самолетами в результате неприятного инцидента в аэропорту. Поэтому ему придется добираться с восточного побережья США на западное поездом – чтобы встретить Рождество в объятиях подруги. Почему бы и нет? Отличный шанс проехать сквозь всю Америку, увидеть ее подлинную жизнь и сделать из этого хитовый материал! Однако поездка обернется чем-то совсем иным – путешествием по изрытым ухабами землям собственной души Тома. Его ждет череда совершенно неожиданных встреч, потерь и обретений, рождественские чудеса – и пробуждение к новой жизни...

- [Дэвид Болдаччи](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Часть 1. «Кэпитол Лимитед», Вашингтон – Чикаго](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Часть 2. «Саутвест Чиф», Чикаго – Лос-Анджелес](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
-

Дэвид Болдаччи

Рождественский экспресс

David Baldacci
The Christmas Train

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается всем,
кто любит поезда и
праздники*

Глава 1

Журналист Том Лэнгдон объездил весь мир: любовь к странствиям была у него в крови. Другим такая жизнь казалась нестабильной и опасной, однако Том наслаждался свободой. Большую часть времени он проводил в зарубежных командировках, делая репортажи о войнах, восстаниях, голоде, эпидемиях и прочих бедствиях... Его цель была проста: Том надеялся изменить мир к лучшему, привлекая внимание к творящейся повсюду несправедливости. К тому же он обожал приключения.

Однако, несмотря на все описываемые ужасы, человечество продолжало скатываться все ниже, и Лэнгдон вернулся в Америку разочарованным. Он пытался найти противоядие от меланхолии в сочинении статей для дамских журналов, изданий о дизайне, садоводстве и т. д. Но даже узнав все о чудесах, на которые способны компостные удобрения, и как это потрясающе – собственноручно настелить деревянный пол, он ощущал неудовлетворенность жизнью.

Близилось Рождество. Перед Томом стоял важнейший вопрос: ехать ли на праздники со своего Восточного побережья в Лос-Анджелес?

Причина стара как мир: в Лос-Анджелесе жила его подруга Лелия Гибсон. Она начинала как киноактриса и годами снималась в третьесортных ужастиках, а позднее стала голосом за кадром. Теперь Лелия зарабатывала на жизнь уже не тем, что ее резали перед камерой, а озвучкой разнообразных персонажей для чрезвычайно популярных утренних субботних мультфильмов. В детской телеиндустрии все знали, что никто не озвучит смешных зверушек талантливее и разностороннее, чем блистательная Лелия Гибсон. Доказательством тому служили уставленная наградами полка, неприличная цифра дохода и серьезная доля в правах на синдициацию^[1].

Том с Лелией сблизилась во время ночного перелета из Юго-Восточной Азии в Штаты. Сначала он думал, что, возможно, дело в большом количестве выпитого ими спиртного, но, когда спустя пару часов после приземления в Лос-Анджелесе опьянение прошло, Лелия по-прежнему казалась привлекательной и интересной – пусть и слегка взбалмошной и эксцентричной. И она была увлечена им. Он переночевал у нее, и они сблизилась еще больше. Впоследствии Лелия приезжала к нему в гости на Восточное побережье, и с тех пор у них сложились приятные, хотя и свободные отношения.

Могло показаться странным, что делающая успешную карьеру голливудская дива остановит выбор на колесящем по всему свету мужчине, пусть и меняющем паспорта как перчатки и умеющем шутить (не всегда пристойно) на тридцати языках, но материально не обеспеченном. Однако Лелии надоели люди ее круга. Как она однажды тактично объяснила, все они – лживые и ненадежные абсолютные подонки, Том же репортер и хотя бы время от времени имеет дело с правдой. Кроме того, Лелия обожала его грубоватую наружность: глубокие морщины на лице расценивались как следствие репортажей среди суровых пустынных ветров и перестрелок. И в самом деле, ему ради безопасности нередко приходилось падать лицом в песок.

Она с восторгом слушала рассказы Тома о том, как он добывал материалы для громких статей по всему земному шару. Он, в свою очередь, восхищался профессионализмом, с которым Лелия делала карьеру своим потешным голосом. Кроме того, они не жили вместе круглый год, что, по мнению Тома, являлось большим плюсом: не надо решать проблемы, досаждающие всем живущим бок о бок парам.

Когда-то он был женат – недолго и без детей. Теперь его бывшая жена не желала и слышать о нем, даже истеки он кровью посреди улицы. Тому исполнился сорок один, его мать совсем недавно умерла от сердечного приступа, отца уже несколько лет не было в живых. Поскольку он был единственным ребенком, теперь он остался совершенно один. Одиночество сделало его склонным к самоанализу. Уже половина отмеренного земного срока истекла, а все, чем Том мог похвастаться, – неудачный брак, отсутствие наследников, неофициальные отношения с королевой озвучки из Калифорнии, куча газетных материалов да несколько наград: жалкие крохи по любым меркам.

Ему выпал шанс начать замечательную жизнь с другой женщиной, однако каким-то образом они умудрились разойтись. Теперь он прекрасно осознавал: то, что он не женился на Элеоноре Картер, – главная ошибка всей его жизни. Тем не менее, будучи человеком действия и вновь испытывая тягу к путешествиям, Том ехал на Рождество поездом в Лос-Анджелес.

Можно задаться вопросом: почему именно поездом, когда добраться самолетом в несколько раз быстрее? Что ж... от постоянных досмотров службы безопасности в аэропортах, лезущих в интимные места рук, требований снять брюки перед посторонними людьми, обшаривания сумок терпение рано или поздно заканчивается и следует взрыв. Собственно, однажды Том так и поступил в аэропорту Ла-Гуардия – даже не взорвался,

как ядерный реактор, а извергся подобно вулкану, уничтожившему Помпеи.

Тогда он только что прилетел из Италии, где осваивал очередную тему – на сей раз виноделие, – и надыхался, пожалуй, в большей степени, чем требовалось, парами знаний про модификацию почвы и брожение винограда. В результате Лэнгдон был усталым, раздраженным и страдал от похмелья. Он проспал всего три часа в квартире друга в Нью-Йорке, прежде чем отправиться в аэропорт, чтобы не опоздать на самолет в Техас. Там он должен был написать статью про подростковые конкурсы красоты.

На пропускном пункте в Ла-Гуардии палка-детектор досматривающего прошла по тем частям тела Тома, касаться которых не имела никакого права. Тем временем другой сотрудник службы безопасности вывалил все содержимое сумки Лэнгдона на ленту. Том мог лишь беспомощно смотреть, как его очень личные вещи становятся достоянием внезапно заинтересовавшихся незнакомцев.

В довершение этой чудесной сцены его проинформировали, что серьезные подозрения вызвало то ли удостоверение личности Тома, то ли цвет волос, то ли одежда, то ли размер носа (они так и не объяснили, в чем дело). Поэтому вместо перелета в Даллас придется неизвестно сколько наслаждаться компанией сотрудников ФБР, Управления по борьбе с наркотиками, ЦРУ и Департамента полиции Нью-Йорка. Он даже расслышал фразу «от пяти до десяти часов». Что – наряду с личным досмотром – превысило лимит терпения Тома. И лава выплеснулась наружу.

В Лэнгдоне было шесть футов два дюйма^[2] роста, около двухсот двадцати фунтов^[3] веса, он был довольно мускулист, и из его ушей шел пар праведного гнева. Он употребил слова, которые обычно не пустил бы в ход в радиусе четырех миль от церкви, налетел на сотрудников безопасности, выхватил доставивший столько неприятностей детектор и сломал пополам. Том и по сей день стыдится своего тогдашнего всплеска насилия, хотя одобрительные возгласы некоторых пассажиров – свидетелей произошедшего – немного приподняли ему настроение.

К счастью, женщина-судья, перед которой предстал Том, сама недавно перенесла процедуру чрезмерно рьяного обыска, так что, когда он давал показания, обменялась с Томом понимающими взглядами. К тому же подозрения в его адрес оказались – какой сюрприз! – ошибкой. Потому ограничились тем, что вынесли Тому строгое предупреждение с предписанием записаться на курсы управления гневом. Что он и планировал сделать, как только исчезнет неконтролируемое желание

придушить типа с детектором. Однако у эмоционального срыва были и другие последствия: бедолаге Тому запретили сроком на два года летать рейсами в пределах континентальных Соединенных Штатов. Он и не подозревал, что так можно, пока ему не продемонстрировали соответствующие полномочия, указанные в тексте соглашения с авиакомпанией микроскопическим шрифтом, под столь же микроскопическим текстом «лимит выплат за утерянный багаж составляет пять долларов».

Вот тогда наступило прозрение. Невозможность путешествовать привычным способом – по воздуху – была важным знаком, знамением свыше. Потому Том и решил сесть в поезд до Лос-Анджелеса. Он напишет историю путешествия от океана до океана в рождественские праздники. И желание провести их с Лелией было не единственной причиной. Том Лэнгдон был из числа тех Лэнгдонов, что жили в Эльмире, штат Нью-Йорк. А хорошо знакомые с историей литературы при слове «Лэнгдоны из Эльмиры» вспомнят Оливию Лэнгдон. Оливия сама по себе была приятной особой со стойким характером, хоть и с трагической судьбой, но помнят ее благодаря тому, что она вышла замуж за словоохотливого оратора, вспыльчивого человека, плодовитого писателя, известного своим друзьям как Сэмюэл Клеменс, а всему миру – как Марк Твен.

Том знал об этой семейной связи с тех пор, как научился писать свое имя. Такой родственник вдохновлял его зарабатывать на жизнь писательством: ведь Твен тоже был журналистом. Он начинал карьеру в «Территориал Энтерпрайз» в Виргиния-сити в Неваде, прежде чем к нему пришли слава, богатство, банкротство и вновь слава и богатство.

В свою очередь, Тому довелось дважды побывать заложником террористов и с дюжину раз едва не погибнуть, освещая войны, стычки, перевороты и революции, посредством которых «цивилизованные» общества разрешали разногласия. Он видел, как надежда сменяется ужасом, ужас – злостью, а злость... злость ничем не сменялась, поскольку лишь копилась и создавала всем неприятности.

Он получал престижные премии, но не считал себя талантливым писателем, чьи произведения способны выдержать испытание временем. Не таким, как Марк Твен. Тем не менее даже дальнейшее родство с автором «Приключений Гекльберри Финна», «Жизни на Миссисипи» и «Человека, который совратил Гедлиберг», чьи творения останутся в веках, вызывало в Томе потрясающее чувство, что он (пусть и за чужой счет) особенный.

Перед смертью отец Тома попросил сына завершить то, что, согласно легенде, Твен так и не успел. Отец рассказал ему, что тот,

путешествовавший, пожалуй, больше всех своих современников, уже будучи пожилым человеком, в мрачный период своей жизни отправился поездом через весь континент в рождественские праздники. Очевидно, после всех пережитых им и его родными трагедий^[4] ему хотелось увидеть в окружающем мире что-то хорошее. Предположительно, он сделал много записей в ходе своей поездки, но по каким-то причинам они так ни во что и не вылились. Об этом и попросил отец: поехать поездом, написать рассказ, завершить начатое Твенем дело, и тогда Лэнгдоны будут им гордиться.

Тогда Том только-только вернулся из безумно насыщенной заокеанской поездки, проведя сутки в самолете, чтобы успеть повидаться с отцом до его кончины. Услышав сбивчивую просьбу, он был ошеломлен. Пересечь всю страну на поезде под Рождество, чтобы закончить то, что Марк Твен якобы не сумел? Том принял это за предсмертный бред, так что желание отца так и осталось неисполненным. Однако теперь, раз уж он не мог летать в пределах Штатов – если не хотел, чтобы его опознали по отпечаткам и заковали в наручники, – он собирался все-таки предпринять этот вояж ради старика. И, возможно, ради себя тоже.

Том хотел попытаться найти себя в этом путешествии длиной почти в три тысячи миль. Он отправлялся именно в рождественские праздники потому, что Рождество – время обновления. Для него это, возможно, последний шанс разгрести созданный им самим бардак. По крайней мере, он попробует.

Но знай он, как круто изменится его жизнь спустя всего пару часов после посадки в поезд, возможно, предпочел бы пройтись до Калифорнии пешком.

Часть 1. «Кэпитол Лимитед», Вашингтон – Чикаго

Глава 2

Когда Том вышел из такси и оказался перед вокзалом Юнион-Стейшн Вашингтона, округ Колумбия, с которого и начнется его путешествие, то вспомнил свои немногочисленные поездки по железным дорогам в пределах Соединенных Штатов. Все они прошли Северо-восточным коридором^[5] – маршрутами между Колумбией, Нью-Йорком и Бостоном – на новейших высокоскоростных экспрессах «Асела» компании «Амтрак»: быстрых, красивых и просторных, ничуть не уступающих своим европейским собратьям. Разделяющие вагоны стеклянные двери, открывающиеся при приближении, смотрелись здорово и напоминали Тому портал на мостике корабля «Энтерпрайз»^[6]. Недаром, когда он впервые оказался на «Асела» и эти двери открылись в первый раз, Том невольно начал озираться в поисках вулканца^[7] в униформе Звездного флота.

Лэнгдон забронировал место в спальном вагоне поезда «Кэпитол Лимитед» на маршрут от Колумбии до Чикаго. Собственно говоря, добираться до Западного побережья пришлось бы в два приема: сначала – «Кэпитол Лимитед», затем пересадка (и гораздо более длительная поездка) на старый почтенный «Саутвест Чиф». У «Кэпитол Лимитед» была славная история – эти поезда были частью знаменитой линии «Балтимор и Огайо»: первого грузопассажирского оператора страны и первой железной дороги, занимающейся перевозкой людей. «Кэп» – так ласково называли «Кэпитол Лимитед» – всегда считался самым стильным и комфортным поездом дальнего следования в США.

В меню одно время присутствовал ньюбергский омар^[8], в ресторане – фарфоровая посуда, а из украшенных куполообразными смотровыми площадками вагонов можно было разглядывать мелькающие мимо пейзажи. Были в поезде и пульмановские вагоны^[9] со знаменитыми проводниками, которые, по слухам, зарабатывали фантастические чаевые. За свою долгую историю «Кэп» перевозил из Чикаго в Колумбию и обратно королей, принцев, президентов, кинозвезд и промышленных магнатов; рассказы об их поездках попали в железнодорожные легенды. Если бы Том занимался репортажами о светской жизни, то мог бы сделать успешную карьеру, просто собирая байки следующих этим маршрутом пассажиров.

В молодости Лэнгдон увлекался биографией, творчеством и юмором Марка Твена – из-за фамильных связей и живейшего интереса отца к этой личности. Готовясь к поездке через континент, он перечитал «Простаков за

границей» – рассказ Твена о пятимесячном турне на пароходе «Квакер-Сити» по Европе и Святой земле. Это была одна из самых забавных и беззаботных книг о путешествиях, которые он читал. Только представить Сэмюэла Клеменса – в то время худощавого молодого человека только что с Дикого Запада, очень мало похожего на утонченного литератора, которым он в будущем станет, – совершающим свою первую поездку в Старый Свет в компании благочестивых выходцев со Среднего Запада: какие перед ним открывались возможности! Том собирался не за границу, однако во многом ощущал себя паломником на родине, поскольку, по иронии судьбы, повидал гораздо больше чужих стран, чем Америку.

«Кэпитол Лимитед» покидал Колумбию ровно в 16.05, делал двенадцать остановок по пути из Вашингтона в Чикаго и прибывал в Город ветров^[10] точно в срок – 9.19 утра. Том собирался побыть здесь, а после полудня сесть на «Саутвест Чиф» и отправиться в Лос-Анджелес. План был неплох, и эта перспектива будоражила Лэнгдона куда сильнее, чем написание статей про то, когда лучше обрезать падуб или откачивать отстойник.

Он взял билеты, проверил, в порядке ли лыжное снаряжение – они с Лелией собирались покататься в Рождество с живописных склонов вокруг Тахо^[11], – и окинул взглядом величественное здание вокзала Юнион-Стейшн. До реконструкции оно напоминало объект под снос: в конце 1960-х и в 1970-е здание служило Национальным центром посетителей^[12] – по сути, никому не нужной показухой. После этого промаха ценой в 30 миллионов долларов Национальный центр посетителей без посетителей втихую закрыли, и о нем напоминал только тот уголок здания, где находилась зона посадки.

По пути домой с фронтов Второй мировой в 1945-м отец Тома проходил через этот украшенный в романском стиле транспортный терминал. Теперь, когда Лэнгдон-младший прогуливался по уставленным многочисленными скульптурами мраморным залам, он представлял себя на месте отца: возвращающимся к мирной гражданской жизни после того, как помог спасти мир от тирании, будучи вооруженным только винтовкой и собственной храбростью. Казалось символичным, что его путешествие начнется там же, где отец закончил одну жизнь и начал другую, пройдя через этот портал. Сыну оставалось надеяться, что он добьется не меньшего.

Несколько минут Том разглядывал гигантскую модель рождественского поезда в западном крыле главного зала. Там толпилось

множество детей и взрослых, явно заинтригованных маленькими творениями из металла, которые разъезжали вокруг тщательно выполненных моделей городов и по миниатюрной стране в целом. У поездов был какой-то магнетизм, притягивающий и вызывающий ностальгию даже у тех американцев, которые никогда на них не ездили. И, захваченный этим настроением, Том улыбался, глядя, как крошечные вагоны бегают по крошечным рельсам.

Поезд должен был вскоре отбыть, так что он направился в зону посадки. Хотя на некоторых станциях с недавних пор начали практиковать досмотр багажа, пассажир по-прежнему мог прибыть буквально в последнюю минуту и все равно успеть сесть. Тут не было ни пропускных пунктов, ни назойливых детекторов, ни бессмысленных вопросов вроде «а не предлагал ли вам незнакомец в мужском туалете пронести в сумке термоядерное взрывное устройство?», – как будто вы сами не сообщили бы о подобном происшествии. Можно было просто садиться и ехать. В современном мире, полном бесконечных ограничений, такая простота не могла не радовать.

Том уселся в зале ожидания и стал разглядывать других пассажиров. Когда он ехал в Нью-Йорк поездом «Асела», практически все ожидающие посадки были бизнесменами, модно одетыми и с соответствующими аксессуарами: сотовыми, смартфонами «Блэкберри», КПК «Палм Пайлот», ноутбуками, наушниками, лазерными указками и прочими гаджетами. У этих людей была конкретная цель, они торопились, и, когда двери открылись для пассажиров, они хлынули туда потоком. С Тома чуть не сорвали одежду лишь потому, что он устремился внутрь недостаточно поспешно. Какая-то крошечная, но решительно настроенная гендиректриса так яростно на него наседала, как будто он был замаскированным преступником, а ее единственной целью в жизни было его разоблачение.

Ждать «Кэп» собралась более пестрая компания. Тут были и белые, и афроамериканцы, и индейцы, и мусульмане в традиционных одеяниях, и американцы азиатского происхождения – прекрасный пример разнообразия рас и национальностей, причем мужчин и женщин было примерно поровну.

Симпатичная молодая парочка по соседству с Томом пила кока-колу «лайт» и держалась за руки, выглядя крайне взволнованной. Возможно, оба впервые оказались вдали от дома. Лэнгдон столько путешествовал с юных лет, что мог понять их беспокойство. Сидящий рядом с парочкой пожилой священнослужитель отдыхал, положив ноги на свою сумку.

Напротив священника сидела хрупкого телосложения женщина с острыми, почти геометрическими чертами лица. Определить ее возраст

мешал многократно обернутый вокруг головы – почти как тюрбан – длинный разноцветный шарф. Обута она была в деревянные туфли размером с тридцатифунтовые гантели. На соседнем с ней кресле были разложены карты Таро, которые женщина внимательно рассматривала. Любого прохожего она одаряла взглядом «я знаю о тебе все». Это несколько нервировало. Как-то на Виргинских островах Тому гадал по руке один старик. Он наобещал ему долгую жизнь, кучу детей, любящую жену, счастье и успех. Лэнгдона часто посещала мысль, что неплохо бы отыскать этого лжеца и потребовать обратно деньги.

Том смотрел, как пожилая дама перемещается на ходунках. Она напомнила ему мать. Та после инсульта не могла говорить, так что Лэнгдон придумал, как общаться знаками: он клал перед ней фотографию себя малыша на груди у матери, а та подбирала фото здоровой рукой. Это означало, что с ней все хорошо, что она воспринимает окружающую реальность. Том никогда не забудет тот момент, когда он положил перед ней фотографию и прождал восемь часов, но мать так и не прикоснулась к ней. На следующий день она умерла.

Несколько минут спустя пассажиры, и Лэнгдон в их числе, подхватили багаж и встали с мест. Их звал «Кэпитол Лимитед».

Глава 3

Снаружи было очень холодно. Сбившиеся в кучу облака обещали снег или, как минимум, дождь со снегом. В такую погоду пассажиры самолетов волновались насчет задержки рейсов и обледенения крыльев, но стойкому «Кэпу» было плевать на непогоду; он отправлялся в Чикаго. Настроение Тома стало подниматься; в начале любого путешествия он испытывал прилив адреналина. В своей последней опубликованной статье (для журнала о здоровье) он исследовал огромный потенциал шестинедельной диеты, состоящей из чистого чернослива, помноженного на близость туалета. Теперь ему отчаянно хотелось приключений.

Лэнгдон подошел к поезду спереди и увидел пару дизельных электромоторов, которые помчат «Кэп» по рельсам. Он читал об этих монстрах. Это были «Дженерал Электрик Р-42» – каждый весом аж в 268 000 фунтов, с шестнадцатью цилиндрами и мощностью 4250 лошадиных сил. Его взгляд задержался на механических великанах, а воображение нарисовало картину, как замечательно было бы ехать на таком по загруженной вашингтонской автомагистрали. Что «Р-42» не обгонит, то просто переедет.

Шагая обратно вдоль протянувшейся под станцией обгонной колеи, он заметил любопытный старый вагон зеленого охотничьего цвета. Том спросил у стоящего неподалеку сотрудника «Амтрака», что это такое.

– Бывший вагон Франклина Делано Рузвельта – «Марко Поло», или «Вагон номер семь». Теперь принадлежит «Норфолк Саутерн». Здесь, внутри, устраивают ужины для высокопоставленных лиц.

Пока они стояли и беседовали, в тоннель рядом с бывшим вагоном Рузвельта въехал длинный лимузин.

– Что, приехали на ранний ужин в «Марко Поло»? С Черчиллем и Сталиным, наверное? – улыбнулся Том.

Собеседник не уловил юмора.

– Нет, это какая-то большая шишка садится в «Кэп Лимитед». Они заезжают через этот проход. Под станцией есть погрузочная рампа для лимузина. Все ради сохранения инкогнито – как кинозвезд тайком провозят через аэропорт.

– И кто эта путешествующая одним со мной поездом большая шишка? Небось какой-нибудь политик, верно?

Сотрудник «Амтрака» посмотрел на Тома. Он выглядел ветераном

железнодорожной службы и наверняка мог бы поведать массу занимательных историй, если бы только у Лэнгдона было время.

– Если бы я вам рассказал, это перестало бы быть тайной, не так ли?

Том немного выждал, но из лимузина так никто и не вышел. Впрочем, велик шанс, что он еще столкнется с этим высокопоставленным лицом, которому в поезде будет трудно оставаться незамеченным. Дайте Тому Лэнгдону несущийся по рельсам поезд, ручку, бумагу, старый добрый бинокль и свободу действий – и он разоблачал бы по ВИП-персоне в день.

Конфигурация сегодняшнего поезда – «состава» на железнодорожном языке – состояла из двух локомотивов, одного багажного вагона, трех купейных, вагона-ресторана, двух спальных и одного переходного вагона. В последнем размещалась большая часть обслуживающего персонала. Там были две пары дверей – верхние и нижние, что позволяло переходить из двухэтажных вагонов в одноэтажные; отсюда название вагона – «переходный». Том дошел до проводника спального вагона и предъявил ему билет.

– Вам в следующий вагон, сэр. Реджина будет вашим проводником, – сказал мужчина.

Том отправился к Реджине. Та стояла перед впечатляющих размеров двухэтажным вагоном в шестнадцать футов высотой. В «Амтраке» такие назывались «Суперлайнерами» – самые крупные пассажирские вагоны в мире. Хотя некоторые и считали поезда устаревшим способом перемещения, в глазах Тома их окутывал загадочный ореол. Он прочел немало классических детективов, где действие происходило на колесах, со всеми составляющими захватывающего сюжета: романтика неторопливого путешествия в замкнутом пространстве, ограниченный и вместе с тем пестрый круг подозреваемых. В лучших (по мнению Тома) такого рода историях пассажиры сидели в темноте, затаив дыхание, ощущая, что вот-вот произойдет нечто ужасное. И когда напряжение достигало пика, вспыхивал свет, раздавался крик и с глухим стуком валилось чье-то тело. Утром труп с вытаращенными глазами и бледной кожей обнаруживала крайне недогадливая горничная и вопила во всю мощь легких добрые десять минут, в то время как из темного угла за ней пристально следила пара глаз. Том был убежден, что человеку, не впечатлившемуся вышеописанным сценарием, следует проверить свой пульс.

У Реджины была безупречная темная кожа. Она выглядела слишком юной, чтобы работать проводницей... и вообще работать; собственно, Тому показалось, что ей в самую пору учиться в средней школе и готовиться к выпускному балу и первому серьезному поцелую. Высокая, хрупкая с виду,

привлекательная девушка явно наслаждалась своей работой. На голове у нее красовалась красно-белая рождественская шляпа, как у помощников Санты. Она была занята тем, что помогала той нервной молодой парочке, которая ранее держалась за руки в зале ожидания. Тем временем священник уже зарегистрировался и теперь втаскивал свою огромную сумку в поезд. Как только Реджина закончила с парочкой, Том шагнул вперед и продемонстрировал билет.

Девушка взглянула на его имя и поставила галочку у себя в списке:

– Хорошо. Мистер Лэнгдон, ваше место на верхнем этаже в купе D. Лестницы располагаются по правую сторону от вас и слева в холле.

Том поблагодарил ее и осторожно ступил в величественный «Кэпитол Лимитед». Его опыт путешествий в спальнях вагонов ограничивался просмотром фильма Альфреда Хичкока «На север через северо-запад». Там снимались такие актеры, как безукоризненно элегантный Кэри Грант, прекрасная Ева Мария Сэйнт и зловещий Джеймс Мейсон. Многие фанаты фильма помнят знаменитую сцену с самолетом-опылителем, в которой Кэри стоит в безупречном сером костюме посреди бескрайнего поля и ждет встречи с таинственным Джорджем Капланом, которого, конечно же, не существует. Коварные заговорщики в ЦРУ придумали Каплана для воплощения своих зловещих замыслов и постоянно лгали, что делают все, чтобы мир стал более демократичным. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что все это вылилось в увлекательный сюжет.

Больше всего Тому запомнилась жаркая сцена, где внутри просторных спальных апартаментов Евы Марии Сэйнт очень много целовались. Тогда Кэри с Евой зашли довольно далеко даже по нынешним меркам. Том вспомнил, как после просмотра фильма ему – тогда молодому человеку с бушующими гормонами – лезли на ум непристойные мысли обо всех окружающих женщинах. Или, как минимум, о тех, кто похож на Еву Марию Сэйнт.

Помня фильм, Том твердо знал, что его железнодорожные апартаменты окажутся столь же элегантно обставленными и комфортными. Там будет достаточно места для пары кроватей, рабочего стола, мини-фойе, в котором можно встречать посетителей, ванны с джакузи, опционально комнаты для прислуги и, возможно, выхода во внутренний дворик и балкончик. Неспроста в конце фильма Кэри с Евой провели медовый месяц в том самом вагоне: там было просторнее, чем в любых апартаментах, где доводилось останавливаться Тому.

Он начал взбираться по лестнице, на которую указала Реджина. С учетом багажа приходилось нелегко, лестница была крутая. Том

предположил, что таким образом экономилось пространство, которое ушло на огромное спальное купе. Затем поглядел вверх и осознал, что перед ним выросло серьезное препятствие.

Оно оказалось пожилым, облаченным, кажется, в пижаму, хотя еще не было и четырех часов дня, и вразвалку спускающимся с верхней ступеньки лестницы. Том в этот момент находился на второй сверху ступеньке; ему оставался один, последний шаг, после чего можно отправиться в свой особняк на колесах – фантазировать о Еве Марии.

– Прошу прощения, – обратился он вежливым тоном.

– Проходите, – ответила женщина громогласным баритоном, в сравнении с которым голос самого сурового бывшего военного корреспондента показался бы женственным.

– Если вы позволите мне протиснуться... – ответил Лэнгдон. Но шансы были нулевые. Хотя он намного выше ростом этой дамы, она, мягко выражаясь, значительно шире в талии.

– Привет, Реджина, – обратилась женщина к стоящей внизу девушке.

– Здравствуйте, Агнес Джо, – сказала Реджина.

Поскольку ни один не уступал дорогу, Том с Агнес Джо начали неуклюжее танго: шаг вперед – шаг назад. «Танец» происходил на вертикальной лестнице, что вызвало у журналиста легкий приступ тошноты.

– Агнес Джо, я Том Лэнгдон, – в конце концов заговорил он. – У меня место в купе D. Если бы вы были так любезны отойти на секунду...

Он так и не сумел закончить предложение: вместо того чтобы отступить, женщина слегка толкнула его локтем. Соприкосновение мясистого предплечья с головой заставило его, уже теряющего равновесие, попятиться вниз по ступенькам, споткнуться о нижнюю и рухнуть на спину.

Агнес Джо спустилась следом и любезно перешагнула через его распростертое тело. Том сильно засомневался, что путешествие Марка Твена поездом по стране начиналось именно таким образом. Женщина подошла к Реджине, которая занималась приемом пассажиров и не видела случившегося, чему Том был рад. Ведь, в конце концов, эта пожилая дама только что обыграла его в «царя горы».

– Вот, дорогая. Спасибо, что разобралась с моим багажом, – Агнес Джо протянула Реджине деньги.

Поднявшийся на ноги Том направился к проводнице. Проходя мимо пожилой женщины, он одарил ее недобрый взглядом.

– Я принесу ваш багаж, мистер Лэнгдон. Оставьте его здесь, пока я

занята регистрацией пассажиров.

– Спасибо. Можете обращаться ко мне просто Том, – он протянул Реджине несколько купюр, та благодарно улыбнулась. Затем Лэнгдон снова бросил взгляд на Агнес Джо, которая медленно взбиралась обратно по лестнице.

– А как давно вы работаете здесь? – спросил он у девушки.

– Четыре года.

– Немалый срок.

– Пустяки, у нас есть сотрудники, которые уже лет двадцать проработали в этом поезде.

Том оглянулся на Агнес Джо – та все еще стояла на лестнице. Ее ноги перемещались, но в целом она топталась на месте. Весьма интересное зрелище.

– Значит, вы знакомы с Агнес Джо?

– О, разумеется. Она ездит этим поездом уже лет десять, как я слышала.

– Десять лет! Должно быть, ей очень нравится ездить.

Реджина рассмеялась:

– Вроде бы она навещает родных. Такая милая.

Том почесал голову в том месте, куда пришелся удар «милой» Агнес Джо.

– Она едет в этом же спальном вагоне?

– Да, ее место рядом с вашим.

Вот радость-то, подумалось Тому.

Он направился обратно к лестнице. Необъяснимым образом Агнес Джо до сих пор не сдвинулась с места.

– Вам помочь?

– Я в порядке, дорогой. Дай мне немного времени.

– Может быть, я поднимусь наверх и потом помогу вам взобраться?

Лэнгдон планировал обойти ее, затем бежать со всех ног и запереться в своем великолепном купе вместе с Евой Марией. А Кэри Грант будет сторожить дверь.

– Просто не путайся под ногами, сынок!

Последнюю реплику она сопроводила ударом локтя, каким-то чудом попавшим Тому в левую почку. Когда боль улеглась и согнувшийся в дугу Лэнгдон сумел выпрямиться, Агнес Джо уже и след простыл. Он медленно доковылял до купе D. Он снова ощущал себя военным корреспондентом, черт побери.

Глава 4

Стоящему в дверном проеме купе Тому пришла мысль, что если бы сцена поцелуев Кэри и Евы Марии снималась здесь, то «На север через северо-запад» получил бы рейтинг ХХХ. Лэнгдон не знал точных размеров своего люкса, но чуть позже, сделав два шага, уперся в противоположную стену. Ни фойе, ни рабочего стола, ни пары кроватей. И он был вполне уверен, что совмещенный с балкончиком выход во внутренний дворик, джакузи и опциональная комната для прислуги тоже оказались мифами.

Что имелось – так это умывальник, зеркало и розетка для электробритвы. Шкафчик под умывальником хорошо укомплектован. Том углядел туалетную бумагу: значит, где-то здесь скрывается ванная комната. В крошечном шкафу для одежды можно повесить пальто, на дальней стене напротив того, что предположительно являлось кроватью, висело большое зеркало, также обнаружилась верхняя койка. Еще были стул и складной столик с выгравированной на нем шахматной доской. Из большого венецианского окна открывался прекрасный вид. Снаружи начинали падать снежинки, что способствовало рождественскому настроению. Дверь в купе закрывалась на замок, вдобавок можно отгородиться тяжелой занавеской. В целом, решил Том, тут неплохо. По правде говоря, со свободным пространством все обстояло даже лучше, чем в первом классе самолета.

Это впечатление сохранялось, пока Лэнгдон не открыл дверь в уборную. Если точнее, то, согласно надписи, это была уборная, совмещенная с душем. Том что, должен в одном месте и ходить в туалет, и мыться? В зарубежных поездках ему доводилось принимать даже душ из верблюжьей слюны, но отнюдь не по доброй воле.

Перед Томом стояла реальная дилемма. Он поглядел на свою талию, затем на уборную-душевую, наклонился поближе и тщательно пригляделся. Он был уверен, что сумеет втиснуться в эту комнатку. Разумеется, чтобы выбраться, ему потребуются помощь трех-четырех крепких парней с тяжелой техникой. И, несомненно, Агнес Джо тоже окажется поблизости в ожидании удобного момента для удара по его последней здоровой почке.

Ему доводилось читать о невестушке женщине, которая во время трансатлантического рейса совершила непростительный грех, нажав в уборной на слив, все еще сидя на унитазе. Безобидный на первый взгляд поступок породил мощное вакуумное всасывание, и она оказалась в ловушке на сиденье унитаза. (Тома так и подмывало написать

авиаконструкторам и спросить, почему они не предусмотрели возможность такого неприятного инцидента.) Ей пришлось просидеть там весь полет. Уже после приземления команда профессионалов, вооруженных лопатками и детским маслом, ворвалась в туалет и освободила бедную заложницу. Окажись Том на ее месте, он, наверное, предпочел бы отгрызть себе ноги, но выбраться из западни.

Не желая больше думать об этом, он повернул назад и уже собирался сесть, когда заметил, как у стены напротив кровати что-то промелькнуло. Сперва Том не разобрал, что именно – слишком быстро все произошло, но вскоре видение повторилось. То была Агнес Джо. Как такое могло произойти? Здесь же располагались *частные* апартаменты. Но вскоре Том разобрался, в чем дело: в стене, разделяющей купе, появилась щель – вероятно, проводили ремонтные работы или что-то в этом роде – и в результате ему стало видно соседнее помещение. Прежде ему доводилось разбивать бивуак в компании вышеупомянутых грязных плюющихся верблюдов, в последний раз мывшихся при рождении пустынных кочевников и множества иных дурно пахнущих личностей; будильником ему порой служил артиллерийский огонь. Но он никогда не спал с Агнес Джо и определенно не хотел начинать это сейчас.

Том подошел к отъехавшей стене, чтобы задвинуть ее на место, и посмотрел в разделяющую купе щель. Тут же он оказался глаза в глаза с дамой.

– Сынок, только попробуй подглядывать за мной, – пригрозила та. – Да тебе и не захочется разглядывать мои старые кости, дорогой. Найди себе женщину своего возраста.

Все ясно, подумалось Тому. Перед ним городская сумасшедшая, только не в городе, а на рельсах. Он решил ей подыграть:

– По-моему, вы очень неплохо смотрите.

– Ну же, хватит. Не заставляй меня вызывать Реджину.

– Совершенно не стоит. Зачем портить приятное времяпровождение тет-а-тет третьей лишней?

– И не пытайся мне польстить, это не сработает: я не из таких женщин. Впрочем, мы можем после ужина посидеть в вагоне-люксе, выпить, получше узнать друг друга.

Она даже похлопала ресницами.

– Что ж, я был бы глупцом, если бы отказался от такого предложения.

Агнес Джо одарила его игривой улыбкой:

– Прошу прощения, что сшибла тебя на лестнице, Том. Рука дрогнула, наверное.

– Раз уж этому суждено было произойти, я рад, что это была именно ты.

Он повернулся и увидел рядом Реджину с его поклажей в руках. Проводница бросила взгляд на стену и покачала головой:

– Снова отъехала? Я же говорила мастеру проверить, все ли в порядке.

– Привет, Реджина, – сказала через щель Агнес Джо и указала пальцем на Тома: – Присматривай за этим парнем, он тот еще проныра.

– Хорошо.

Том с усилием задвинул стену на место.

– Прошу прощения, что так получилось, – извинилась девушка.

– Ничего страшного. Она выглядит безобидной.

В глазах Реджины зажегся озорной огонек.

– Я в этом не уверена.

Проводница внесла в купе его багаж, присела на краешек койки (которую ночью, по-видимому, можно было превратить в кровать) и вытащила блокнот:

– Ваш столик на ужин заказан. Вагон-ресторан открывается в пять тридцать. Или же, если не хотите туда, можно перекусить в кафетерии. Он в вагоне-люксе, который находится за вагоном-рестораном, на нижнем этаже. Вы увидите лестницу справа. Просто покажите билет Тайрону – проводнику вагона – и скажите, что хотите поесть не в ресторане. Доступ для всех пассажиров спальных вагонов свободный.

– Я поем в ресторане. Как насчет того, чтобы забронировать столик к семи?

Девушка сделала запись в блокноте:

– Пока вы ужинаете, я зайду в номер и приготовлю вам кровать. Газировку, бутилированную воду, кофе и фрукты вы найдете наверху у лестницы, по которой поднялись. Я регулярно проверяю, так что там все свежее. Берите, не стесняйтесь.

– А в вагоне-ресторане предусмотрен дресс-код или что-то в этом роде?

Реджину вопрос, по-видимому, позабавил.

– Я видела, как пассажиры ходят туда практически в чем угодно.

Тому показалось или девушка бросила взгляд в сторону купе Агнес Джо?

– Большинство не придерживается строгих правил. Здесь едет много семейных людей, с маленькими детьми. Нет необходимости особо заморачиваться с одеждой.

– Это я и хотел знать.

Он расспросил насчет маленьких размеров уборной-душевой и получил ответ, что на нижнем этаже есть более просторные, с раздевалкой, обслуживающиеся по принципу «первым пришел – первым помылся».

– Большинство людей без физических проблем предпочитают пользоваться именно ими, – тактично добавила девушка.

Она встала и уже собиралась уходить, когда Том сказал:

– Я журналист. Я пишу рассказ о путешествии поездом через всю страну.

Реджина явно заинтересовалась:

– Вы едете поездом «Эмпайр Билдер» до Сиэтла, «Калифорния Зеф» до Сан-Франциско или «Саутвест Чиф» до Лос-Анджелеса?

– «Саутвест Чиф» до Лос-Анджелеса.

– Это отличный поезд с достойной историей. И люди там замечательные; вы прекрасно проведете время. Большинство едущих «Чифом» даже не хотят выходить.

Том достал блокнот и стал делать беглые пометки.

– Вы говорите так, будто поезд – почти человек.

– Ну, отчасти так и есть. Я хочу сказать, что когда проводишь в поездах столько времени, то узнаешь их особенности, их сильные и слабые стороны. Некоторые темпераментнее других, некоторые снисходительнее. Это как будто находиться в отношениях. Знаю, звучит странно, но так оно и есть.

– Хм. По сравнению с некоторыми отношениями, в которые мне доводилось вступать, встречаться со стотонным дизелем – не такая уж плохая перспектива.

Реджина рассмеялась:

– Моя мать, Роксанна, работает в «Саутвест Чиф» контролером качества обслуживания. Она большой босс. Мы увидимся с ней, когда доедем до Чикаго. Я дам знать насчет вас: ей определенно есть что рассказать.

– И часто такое бывает? Я имею в виду – в «Амтраке» часто работают семьями?

– Ну, у меня – мать и не знаю сколько дядей, тетей, кузенов и прочих. Потому я и устроилась сюда. Мой сын тоже работает в «Амтраке» уборщиком вагонов.

Том уставился на нее:

– Ваш сын? Вы выглядите так, будто только что окончили школу.

– Агнес Джо была права: вы тот еще проныра, – девушка застенчиво улыбнулась. – Впрочем, спасибо за комплимент. Еще хочу отметить, что в

числе наших пассажиров есть настоящие знаменитости. Певцы, спортсмены, кинозвезды – все они по большей части приятные в общении.

Ее лицо приобрело серьезное выражение.

– Там, откуда я родом, работать в поезде – это нечто особенное. Люди смотрят на тебя снизу вверх. Это здорово... понимаете?

Том кивнул. Его в самом деле заинтриговала эта тема. Надо будет включить в свой рассказ.

– Как думаете, кто-нибудь еще в поезде будет не прочь побеседовать со мной?

– О, разумеется, я дам всем знать. Всем моим коллегам есть о чем поведать.

– Я в этом уверен.

Проводница ушла. Лэнгдон почувствовал, как поезд начал движение. Дизельные электропоезда не нуждаются в передаче усилия каждому вагону, нет необходимости сдерживать их с места при старте. Вот почему состав набрал ход более плавно, чем самый комфортный автомобиль в мире. Том глянул на часы. 4.05 – точно в срок. Легендарный «Кэпитол Лимитед», в котором находился выполняющий свое задание Том Лэнгдон, начал путь.

Глава 5

Получивший зеленый свет «Кэп» понесся по дороге из металла и дерева. Он плавно воспарил, качнул заключенными в корпус крыльями из нержавеющей стали, салютуя пролетающей стае птиц, напугал сборище лоббистов у Капитолия и направился на запад – совсем как Марк Твен в своей молодости. Юный Сэм Клеменс проделал путь от Миссури до Невады в тряском дилижансе, ночуя на сумках с корреспонденцией и разъезжая днем в нижнем белье. Он повстречал много красот и редкостей, но ему также довелось бороться с такими трудностями, как пустыни, бандиты, вспыльчивые мексиканцы, протухшая провизия и скука. В то время как Тома Лэнгдона вез мотор мощностью в тысячи лошадиных сил, и он наслаждался наличием удобной кровати, туалета и Агнес Джо в соседнем купе. Том был по-прежнему не уверен, кому больше повезло – ему или Твену.

Он набрал по мобильному номер Лелии. Он не говорил ей о своей поездке, желая устроить сюрприз. И она определенно удивилась, только не совсем так, как он рассчитывал. Услышав ее, Лэнгдон порадовался, что их сейчас разделяют около трех тысяч миль.

Лелия вопила в трубку:

– Ты едешь поездом через все Соединенные Штаты Америки? Ты сошел с ума?

Она говорила таким тоном, что Том начал сомневаться в собственном здравомыслии.

– Лелия, люди всегда ездили таким способом.

– Ну да – в каменном веке.

– Это ради написания рождественской истории.

Он не хотел делиться с ней другими причинами, не будучи уверен, что Лелия впишется в уготованное ему будущее, – по крайней мере, в то будущее, которое, Том надеялся, откроется во время поездки.

– Я заказала частный рейс, самолет вылетает в шесть вечера прямо в сочельник.

– Не буду бежать впереди паровоза, но я успею. Поезд прибывает в Лос-Анджелес утром.

– А если он опоздает?

– Да ладно тебе, это же поезд. У нас все по расписанию – делаем остановки, принимаем пассажиров, высаживаем и катимся дальше.

Прибудем в Лос-Анджелес с запасом.

Том услышал ее протяжный вздох. Собственно, в последнее время Лелия часто вздыхала. С виду у них были идеальные отношения, им не приходилось терпеть общество друг друга каждый день. Такие проблемы, как готовить, убирать, решать, с какого конца тюрника выдавливать пасту или кто первым принимает ванну, не могли разрушить счастья парочки. Они чаще всего ели вне дома, совершали романтические прогулки по пляжам Санта-Моники или шопинг на Пятой авеню^[13], спали до полудня, а потом расставались на пару месяцев. Том был твердо уверен, что, найдись больше людей в таких брачных отношениях, число разводов резко сократилось бы. Потому он задавался вопросом, отчего в последнее время все эти вздохи.

– Просто приезжай уже. Я не хочу нарушать всеобщие планы.

– Всеобщие? Кто эти «все»?

– Люди, которые отправятся с нами на Тахо.

Это было новостью.

– Какие еще люди?

– Мои друзья и коллеги – мой агент, менеджер и еще несколько человек. Мы об этом говорили.

– Нет, мы об этом не говорили. Я думал, там будем только ты и я. Как и в прошлые два года.

– Верно. И я подумала, что для разнообразия неплохо позвать еще кого-нибудь.

– Что ты имеешь в виду? Что тебе стало скучно наедине со мной?

– Я такого не говорила!

– И не надо. Армия приглашенных тобой на наше Рождество людей говорит сама за себя.

– Не хочу спорить. Я просто думала, что провести Рождество на Тахо в компании приятных людей весело. Большинство ты знаешь в лицо – не подумай, что я зову незнакомцев, – и это не значит, что мы не будем проводить время наедине. Дорогой, я забронировала для нас отдельную спальню. И купила новое нижнее белье – специально для тебя. На рождественскую тему, очень игривое, – добавила она с придыханием. У Тома побежали мурашки. Неудивительно, что эта особа так успешно зарабатывала на жизнь голосом.

Тома всегда коробило то, что женщины, как они думали, могли выиграть любой спор с мужчиной, упирая на основной инстинкт, просто намекнув на возможную награду в виде близости. В войне полов это был эквивалент превентивного ядерного удара. Том считал это несправедливым

и, говоря откровенно, неуважительным по отношению ко всем представителям сильного пола.

И тем не менее Лэнгдон услышал собственный голос:

– Слушай, куколка, я тоже не хочу спорить. Я буду вовремя, клянусь.

Он отключился и еще несколько секунд воображал себе игривое нижнее белье. *Временами я такой... типичный мужчина*, подумал он уныло.

Пока Том корил себя, в коридоре началась суета. Когда он открыл дверь и высунулся, от группы уходящих пассажиров оставались видны только рука и нога замыкающего. Хотя больше он ничего не успел разглядеть, что-то в руке и ноге показалось знакомым. Том предположил, что они направляются в купе другого класса, которые у VIP-персон, разумеется, самые лучшие. Ему пришла мысль последовать за ними и выяснить, действительно ли это люди из лимузина, но Лэнгдон решил заняться ими позже.

Том откинулся на сиденье и стал смотреть на проносящиеся пейзажи. Пока что поезд шел очень плавно, а шум колес убаюкивал. После раздумий он решил, что этот звук скорее не «тудум-тудум», а длинный «жжж», затем «шшш», «жжж», «шшш», потом большой «ссс-бум-бах». По крайней мере, один важный вопрос решен, и это радовало.

Первая остановка была в Роквилле, штат Мэриленд, всего минут через двадцать пять после отбытия из Вашингтона. Рядом с Роквиллем находилась церковь Святой Марии – скромная, белая, на маленьком холме. Именно здесь могила Фрэнсиса Скотта Фицджеральда – по той, видимо, единственной причине, что он просил похоронить себя за городом. Том дал зарок оставить очень конкретные указания по поводу своего погребения, затем достал планшет и набросал черновые наблюдения для будущего рассказа. Впрочем, он еще мало что увидел. Если не считать того, что его побила Агнес Джо и унизила Лелия, путешествие пока обходилось без происшествий.

Он встал и направился на поиски какого-нибудь собеседника. Поезд снова тронулся, и Лэнгдон оперся рукой о стену, чтобы сохранить равновесие. Кто-то натянул вдоль коридора праздничные гирлянды, а рядом с межвагонной дверью даже повесили рождественский венок.

Когда он проходил мимо купе А, поезд качнуло, и Том столкнулся лицом к лицу с вышедшим в коридор пожилым священником, которого видел в зале ожидания.

– Здравствуйте, святой отец. – Том быстро прервал рукопожатие, чтобы помочь пожилому человеку сохранить равновесие. Элеонора Картер

была католичкой, и, в каком бы уголке света они с Лэнгдоном ни оказывались, непременно посещали мессу. Элеонора постоянно шутила, что продолжит стоять на своем, и рано или поздно Том либо спасется, либо подвергнется духовной лоботомии. Вообще-то, в средней школе он недолгое время мечтал стать священником. Том-подросток был тощим и неуклюжим: координация движений не поспевала за ростом. Вкупе с отвратительными постоянными угрями это сделало его крайне непопулярным. В результате он всерьез размышлял над карьерой уединения, самоанализа и молитв. Останавливали только две вещи: во-первых, он не был католиком, во-вторых, раздражал обет безбрачия. Узнав о последнем, он решил стать вместо этого рок-звездой.

– Ныне я на покое, – дружелюбно сообщил святой отец. – Хотя по-прежнему одеваюсь как священник, потому что другой одежды у меня нет, за исключением шоколадного выходного костюма семидесятых годов из полиэстера. До сих пор замаливаю этот грех.

– Священник всегда остается священником.

– Я – отец Пол Келли из церкви Святого Фомы Аквинского.

– Том Лэнгдон. Вы проводите Рождество в Чикаго?

– Нет, я собираюсь в Лос-Анджелес. Там живет моя сестра с отпрыском. Проведу праздники с ними.

– Я направляюсь туда же. Едете поездом «Саутвест Чиф», как полагаю?

– Именно так. Насколько я наслышан о сельских пейзажах, которые нам доведется увидеть, это поистине Божье творение.

– Возможно, я навещу вас в вагоне-люксе после ужина. Можем выкурить сигары, которые я взял с собой.

Том заметил, что из кармана робы священника торчит трубка.

Отец Келли одарил собеседника проказливой улыбкой и мягко коснулся его рукава:

– Благослови тебя Бог, сын мой. Поезда – это и вправду цивилизованный метод путешествия, не так ли? Возможно, там мы встретим и этих киношников, – добавил он.

– Каких киношников?

Отец Келли наклонился поближе и окинул взглядом коридор, очевидно проверяя, не подслушивает ли кто. Том тут же представил себя тайным агентом баптистов или методистов в Риме на задании: выведать тщательно охраняемые церковные секреты у болтливого священника, выпустить их в свет книгой и получить прибыль и веселье, в то время как по Ватикану летают гневные ноты.

– Они прибыли в огромной машине, доехали почти до самого поезда. Я, будучи по природе любознательным, осторожно навел справки, кто это может быть: людям, разумеется, легче признаваться во всем священнику. Можете мне поверить, Том: если человеку что-то почудится, он сразу об этом расскажет, независимо от того, случилось это на самом деле или нет. Слава богу, обычно все оказывается домыслами. Насколько я слышал, их двое. Судя по полученной информации, один – знаменитый режиссер, или кинопродюсер, или что-то в этом роде; имени, правда, узнать не удалось. Другой – то ли кинозвезда, то ли писатель. Они едут поездом, готовясь к съемкам фильма о путешествии по железной дороге.

Киношники, подумал Том, включая звезду. Быть может, именно поэтому один из них показался знакомым.

– Удачное стечение обстоятельств, – сказал он.

– Это почему же? – поинтересовался отец Келли.

Лэнгдон объяснил ему, что пишет историю о железнодорожном вояже. Пожилой священник, похоже, обрадовался:

– Что ж, вам повезло с выбранной темой. За свою жизнь я много раз путешествовал поездом, и мои поездки всегда были полны сюрпризов.

– Я начинаю это понимать, – ответил Том.

Выйдя от отца Келли, Том прошел в спальные вагоны. Там располагались стандартные купе, без душа. На обоих этажах поезда имелись общие душевые, вдобавок – о чем сообщила Реджина – внизу они побольше. Вероятно, туда он и станет ходить, чтобы не рисковать застрять в тесной душевой в своем купе. В люксе купе были просторнее и располагались по одну сторону коридора, в обычных вагонах – поменьше и по обе стороны. Лэнгдон заметил, что проход перегородили протянутые навстречу друг другу руки.

Приблизившись, он разглядел взволнованную молодую парочку. Их купе располагались напротив: парня – справа, девушки – слева.

– Так что, с меня возьмут плату за проход? – пошутил Том.

Оба посмотрели на него и улыбнулись в ответ.

– Прошу прощения, – извинился парень. Девушка застенчиво отвела взгляд. Им было лет по двадцать. Они походили на брата и сестру: оба светловолосые и светлокожие.

– Едете на праздники в Чикаго?

– Вообще-то... – неуверенно начал молодой человек.

– Стив, – прервала его спутница. – Мы с ним незнакомы.

– Ну, в поезде все иначе, – возразил Том. – Всем нам предстоит одно долгое путешествие. Люди раскрываются друг перед другом. Представлюсь

первым. Я писатель, работаю над историей о путешествии поездом через всю страну. А вам есть что рассказать?

Парочка переглянулась, и Стив ответил:

– Вообще-то мы собираемся сыграть свадьбу.

Том опустился на колени и протянул руку:

– Поздравляю, это потрясающе. Между прочим, меня зовут Том.

– Я Стив. А моя невеста – Джули.

– Значит, вы собираетесь обменяться кольцами в Чикаго?

– Вообще-то нет. Мы поженимся в поезде, – ответил Стив.

– В поезде? Прямо здесь?

– Нет, – пояснила Джули. – В поезде юго-западного направления, по пути в Лос-Анджелес. Отходит завтра днем.

Тому показалось, что у девушки южный акцент. Манера же речи Стива свидетельствовала о происхождении из Новой Англии.

– Здорово. Я тоже поеду этим поездом.

Когда-то Том собирался сделать Элеоноре предложение руки и сердца в поезде по дороге обратно во Франкфурт, после посещения Кельнского собора. Они поехали третьим классом, хотя купили билеты в первый, но были не в курсе этого: оба слабо владели немецким. Маршрут шел параллельно Рейну, и Том гадал, когда лучше всего затронуть эту тему. Первоначально он собирался сделать предложение в соборе, но в толпе фотографирующих туристов и ревущих детей это показалось неуместным. Он собирался сделать это только раз в жизни, и ему хотелось, чтобы все прошло идеально.

Плавный ход поезда, оставшийся позади насыщенный день, кружки с пильзнерским пивом, пышный немецкий хлеб с сочными сосисками и отражение лунного света в водах легендарного романтического Рейна – все вместе создавало, казалось, идеальные условия.

Том представлял, как он опускается на колени, вытаскивает кольцо, объясняется в любви и тут же делает предложение. Она плачет от счастья, он тоже. Весь вагон третьего класса, полный бургеров, встает и аплодирует им – ведь понятно, что обряд предложения руки и сердца преодолевает любые языковые и культурные барьеры. Когда они прибывают во Франкфурт, совершенно незнакомые люди желают будущим молодоженам всего наилучшего и на немецком, и на довольно хорошем английском, а некоторые даже суют им мятые марки. Однако ничего этого не произошло, потому что он не сделал Элеоноре предложение в тот вечер. И в другие – тоже. Он просто сидел на месте, и кольцо в кармане казалось тяжелым, как пушечное ядро, и он не находил в себе силы взять его и надеть ей на палец.

Том снова сосредоточился на парочке.

– Так, а ваши семьи и гости уже в поезде или вы встретитесь в Чикаго? Джули отвела взгляд, а Стив облизал губы. Похоже, Лэнгдон затронул болезненную тему.

– Ну, понимаете, наши семьи, вообще-то, не...

– Не знают, что вы женитесь?

– Не знают и не одобряют свадьбу. – Джули вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Перестань, Джули. Тому необязательно об этом знать.

– Так он спросил, – парировала девушка.

Стив взглянул на Тома наигранно-беззаботно:

– Поэтому мы сыграем свадьбу сами. Потому что мы любим друг друга.

Но Джули добавила:

– Его семья не одобряет мою кандидатуру. Они думают, раз я родом из какого-то захолустного городишки в Аппалачах в Виргинии, то я – из белых отбросов^[14]. Да, мой отец работал в шахтах с шестнадцати лет, а мать так и не закончила среднюю школу, – тут девушка перевела взгляд на Стива, – а твои родители из высшего света Коннектикута. Но мои родные вовсе не отбросы. Они ничуть не хуже твоих, а во многом и лучше, – добавила она с южным пылом.

Том мысленно отметил, что оказался прав насчет их происхождения: девушка из Виргинии и парень из Коннектикута.

– А твоя семья одобряет свадьбу? – спросил он Джули, пытаясь немного ослабить напряжение.

– Они очень хорошо относятся к Стиву, но считают, что я слишком юна. Я учусь в колледже; собственно, мы оба учимся в колледже Университета Джорджа Вашингтона. Там мы и встретились. Они хотят, чтобы я закончила учебу, прежде чем выходить замуж.

– Что ж, их вполне можно понять, особенно если у них самих не было шанса учиться в колледже. Уверен, они хотят для тебя самого лучшего.

– Лучшее для меня – это Стив.

Девушка улыбнулась парню, и Том был уверен, что сердце молодого человека просто растаяло. Может, они и молоды, но уже достаточно взрослые, чтобы быть по уши влюбленными друг в друга.

Джули продолжала:

– И я закончу колледж. Потом поступлю на юридический факультет Виргинского университета. Родители будут мной гордиться. Но я сделаю это, уже когда стану женой Стива.

– Что ж, это твоя жизнь, – заметил Том. – Думаю, надо поступать так, как велит сердце.

– Спасибо, Том, – Джули похлопала его по руке.

Если бы только он последовал своему совету в отношении Элеоноры, все могло бы сложиться иначе. По иронии судьбы, они тоже встретились в колледже. Элеонора была из числа тех невероятно одаренных молодых людей, кто оканчивает среднюю школу в шестнадцать, а колледж – в девятнадцать. После колледжа они занимались репортажами-расследованиями и раскопали пару впечатляющих историй, прежде чем сделать следующий шаг и устроиться в агентство зарубежных новостей. Они набрались опыта, которого хватило бы на целую жизнь – даже на несколько жизней. Они влюбились, точь-в-точь как Стив и Джули. Они должны были обручиться и затем сыграть свадьбу, однако все оборвалось так внезапно, что Тому до сих пор было очень больно вспоминать об их последних минутах, проведенных вместе.

– Священник тоже в поезде?

На секунду Лэнгдон подумал, что церемонию проведет отец Келли, однако тот говорил, что уже оставил службу, и к тому же он обязательно упомянул бы о свадьбе.

– С ним встретимся в Чикаго. Церемония состоится на следующий день. Подружка невесты и шафер тоже будут ждать там, – ответил Стив.

– Что ж, удачи вам обоим. Полагаю, все пассажиры приглашены?

– Надеемся, хоть кто-нибудь придет, – сказал Стив.

– Именно, – нервно добавила Джули. – Иначе это будет очень одинокая свадьба.

– Ни у одной невесты не должно быть такой свадьбы. Джули, я приду и приведу всех друзей-попутчиков.

Том еще не встретил ни одного друга-попутчика, но неужели трудно их завести? Агнес Джо уже практически у него в руках.

– Вагон-люкс, в девять утра, – сказал Стив. – Остановка «Ла Хунта».

– На испанском это означает «соединение», – добавила Джули. – Подходящее место для свадьбы.

– Мне любопытно: почему вы выбрали для свадьбы поезд?

Девушка рассмеялась:

– Наверное, это прозвучит глупо. После возвращения со Второй мировой мой дедушка встретился с моей бабушкой в Нью-Йорке. Они обручились до начала войны, но отложили свадьбу, потому что дедуля вызвался добровольцем.

– Странно, что они не захотели пожениться до того, как он ушел на

войну, – заметил Том.

Джули покачала головой:

– Нет, именно поэтому они и не поженились. Дед не хотел оставить ее вдовой. Сказал, что, если выживет, это будет знак, что Бог благословил их на брак.

– Очень по-рыцарски с его стороны.

– Он, конечно, вернулся, а ждавшая четыре года бабушка отправилась встречать его в Нью-Йорк, намереваясь там и сыграть свадьбу, однако с войны возвращалось столько солдат с такими же планами, что очереди пришлось бы ждать неделями. Поэтому они заплатили проповеднику, чтобы тот поехал с ними поездом, и, когда пересекли границу Виргинии, поженились.

– И, полагаю, все сложилось хорошо?

– Пятьдесят пять лет совместной жизни. Два года назад они скончались с разницей в неделю.

– Что ж, желаю и вам того же, – сказал Том.

– Ты вправду думаешь, что совершенно незнакомые люди придут к нам на свадьбу? – спросила девушка.

Лэнгдон был всего лишь мужчиной и расценивал свадьбу с мужской точки зрения. Но все же он понимал, что невеста придает церемонии огромное значение. Жениху гораздо проще: все, что он должен сделать, – это явиться в более-менее трезвом виде, сказать «я согласен», поцеловать невесту на виду у хихикающих в толпе гостей старушек и не отключаться до тех пор, пока – после первой брачной ночи – все официальные церемонии не будут завершены, а подаренные деньги пересчитаны.

– Не беспокойтесь, – сказал Том. – В поездах есть что-то особенное, располагающее к откровенности. Кроме того, волей-неволей гости у вас все равно будут.

Он снова пожелал им всего хорошего и направился в кафетерий вагона-люкса в поисках Тайрона, однако его мысли снова вернулись к Элеоноре. После того как она бросила его в Тель-Авиве, он был расстроен, рассержен, озадачен и в итоге совершенно неспособен поступать рационально. Когда Том пришел в себя, миновало столько времени, что он уже не стал искать встреч. Прошли годы. Он чувствовал, что любая попытка связаться с ней будет немедленно отвергнута, а это болезненно. Как знать, может, она уже вышла замуж.

Лэнгдон прошел через вагон-ресторан, кивнув официантам. В одежде каждого был какой-нибудь праздничный элемент. Они, по-видимому, усердно готовили ужин, так что он решил не отвлекать их вопросами и

направился в вагон-люкс. Несколько человек сидели у телевизора, другие лениво разглядывали мелькающие за окном пейзажи. Он спустился по спиральной лестнице и увидел проводника вагона-люкса Тайрона.

Его рабочее пространство было небольшим, но хорошо организованным: вдоль стен стояли холодильные шкафы, набитые сэндвичами, мороженым и всяческими сладостями. В закромах были чипсы и тому подобное, а также напитки – горячие и холодные. Для подносов с покупками имелись линии раздачи. В конце зала находилась дверь с надписью «Место для курения».

На вид Тайрону было около тридцати, он оказался ростом с Тома и выглядел как Элвис, только чернокожий. Сперва Лэнгдону почудилось, что на проводнике парик, но, приглядевшись, он понял: волосы натуральные. Этот человек выглядел воистину по-королевски в своем черном великолепии. Такое зрелище Тому очень понравилось.

– Я откроюсь минут через двадцать, сэр, – сказал Тайрон. – Продукты доставили с задержкой. Обычно к этому часу у меня уже все готово и работает. Когда откроемся, я сообщу по громкой связи.

– Ничего страшного, Тайрон. Реджина сказала мне прийти сюда, если что-нибудь понадобится.

Раскладывающий по местам товары Тайрон оглядел его внимательно и с интересом.

– А, это вы тот писатель, о котором говорила Реджина?

– Да, я.

– Здорово. Что хотите узнать?

– Для начала – фанат ли вы Элвиса.

Проводник рассмеялся:

– Это из-за волос, верно? Всегда все судят по волосам.

– Ну, хорошо, признаю: из-за волос.

– «Спасибо, спасибо большое»^[15], – Тайрон слегка качнул бедрами.

– Я впечатлен.

– Я знаю все его песни и движения. Для белого парня его выступления очень хороши.

– Как давно вы работаете в этом поезде?

– Я в «Амтраке» с 93-го. В этом поезде работаю уже лет семь.

– Держу пари, вы много повидали.

– И не говорите, действительно много. Когда люди садятся в поезд, они как будто сбрасывают какие-то ограничители или что-то в этом роде. Я в курсе, какие сумасшествия вытворяют в самолетах, когда напиваются и так далее, но по сравнению с безумствами пассажиров поездов это ерунда.

Не хотите содовой или чего-нибудь еще?

– Только если есть что-то покрепче. Очень на это рассчитываю.

Тайрон открыл ему бутылку пива, и Том прислонился к стене, слушая.

– Когда я впервые отправился этим поездом на север, мы выехали из Питтсбурга около полуночи, и я услышал вопли в одном из спальных вагонов. Вагон-люкс закрыт на ночь, я не на службе, но все равно иду туда, потому что на один спальный вагон приходится только один проводник, а я новичок и хочу, чтоб все было в порядке. Поднимаюсь туда и вижу: голый парень стоит в коридоре с горячей цыпочкой, прикрывающейся небольшим полотенцем. А рассвирепевшая дамочка в пижаме рвется задушить парня, в то время как Моник – проводница вагона – пытается ее удержать.

– Что произошло – кто-то перепутал купе?

– О, держу пари, муженек желал бы, чтобы все было именно так. Видите ли, того голого парня застукали на месте преступления с любовницей, которой он купил билет через два купе от своего, где он ехал с женой. Он думал, что успешно добавил дамочке в стакан снотворное, чтобы позабавиться, пока та дрыхнет, но жена что-то заподозрила и не выпила таблетку, а проследила за ним и застукала обоих.

– И что было дальше?

– Любовница сошла на следующей станции. А когда я в последний раз видел ловеласа, его избитая задница слезала в Чикаго.

Пока Тайрон продолжал рассказывать и работать, из-под его рубашки выскользнула висящая на шее цепочка. Том заметил, что было на ней.

– Где вы заработали «Пурпурное сердце»? [\[16\]](#)

– В Персидском заливе, – ответил Тайрон, пряча цепочку под рубашку. – Служил, получил заряд шрапнели в ногу, когда снаряд попал в наш «Бредли» [\[17\]](#).

– Я освещал ту войну. Там велись более ожесточенные бои, чем можно судить по репортажам, которые крутились по нашему ТВ.

– Для меня они были достаточно ожесточенными.

– Как я понял, вам нравится здесь?

– Ну, работа есть работа. Но она вдобавок и развлечение. Я понемногу отвлекаюсь от рутины каждый день. Весело провожу время с пассажирами и особенно с их детьми. Да, в поездах и в детях есть нечто особенное – они так отлично сочетаются... понимаете, о чем я? – продолжал болтать Тайрон, не переставая трудиться. – Смена три дня подряд, потом четыре выходных. Таков график дежурств на поездах дальнего следования. На тех, которые следуют особенно долгими маршрутами, вроде «Чифа» и «Зефэ»,

работаешь по шесть с последующими восьмью выходными. Может показаться, что у нас избыток свободного времени, но после шести дней мотаний туда-сюда, туда-сюда начинаешь уставать и требуется отдых. Потому что, когда находишься в поезде, тебя, по сути, могут вызвать в любой момент. Нелегко, но мне нравится. Мы все одна команда, вносим каждый свой вклад и прикрываем друг друга – как семья.

– И вы останетесь в «Кэпе»?

– Не знаю. Я серьезно думаю делать карьеру, двинуть наверх – туда, где крутятся реальные деньги.

– Это где? В менеджменте?

Тайрон расхохотался:

– В менеджменте? Серьезно? Кто зарабатывает – так это носильщики. Чаевыми получают столько денег, будто печатают их.

– Я хочу выпить. Прямо сейчас!

Оба обернулись и уставились на говорившего. Это был мужчина в полосатом костюме-тройке, выглядящий крайне недовольным жизнью.

Тайрон закатил глаза:

– Как поживаете, мистер Мерриузер?

– Я поживаю отвратительно, и я хочу выпить. Виски с содовой. Немедленно.

– Сэр, я еще не открылся. Если бы вы были так любезны заглянуть снова...

Мерриузер сделал шаг вперед:

– Этот джентльмен пьет пиво – полагаю, полученное от тебя. И если ты откажешься открывать бар мне, платежеспособному клиенту, тогда, – он глянул на бейджик, – тогда, *Тайрон*, советую начать искать новую работу, потому что, как только я сойду с этого поезда, тебя уволят.

Он посмотрел на свои дорогие часы:

– Я жду, Тайрон.

– Конечно, сейчас все будет. Без проблем.

Тайрон смешал компоненты и передал стакан мужчине. Мерриузер сделал глоток.

– Побольше виски – вы никогда не наливаете его достаточно. Себе прикарманиваете, что ли?

– Эй, – подал голос Том, – может, тебе стоит проще ко всему относиться?

Мерриузер повернулся к нему:

– Ты хоть знаешь, кто я такой?

– Да. Ты грубиян и явно гордишься этим.

Мужчина изобразил такую натянутую улыбку, что, казалось, кости вот-вот прорвут кожу.

– Тайрон, скажи ему, кто я. Ты ведь в курсе, не так ли?

– Послушайте, я сейчас доливаю вам виски. Почему бы нам не уладить все миром?

– Я – Гордон Мерриузер. Король коллективных исков. Разозлишь меня – и мы встретимся в суде. И тогда я отниму у тебя все – хотя, судя по тебе, тут мало чего можно взять.

Том шагнул вперед, сжав руки в кулаки.

– О, давай, очень рассчитываю на это. Тогда вдобавок я засажу тебя за решетку.

Тайрон встал между ними:

– Эй, тут так похолодало, словно в поезде пошел снег. Давайте разойдемся. Ведь скоро Рождество. Мистер Мерриузер, вы ведь едете на Рождество домой, к жене и детям, верно? Уверен, вы накопили им кучу подарков.

– Я разведен. Мои дети – испорченные сопляки, не заслуживающие ни моей привязанности, ни моих щедрот.

И с этими словами Гордон Мерриузер ушел, попивая виски. Вскоре из коридора донесся его смех.

Том посмотрел на Тайрона:

– Странно, что он не ответил: «Ба, какой вздор!»

Тайрон покачал головой:

– Не стоит связываться с ним. Будете судиться годами. В словаре его портрет находится рядом со словом «кошмар».

– Без обид, но почему «король коллективных исков» едет поездом? Он наверняка может позволить себе личный самолет.

– Насколько я слышал, суровый-и-страшный мистер Мерриузер боится летать. Хорошо бы он купил себе поезд и оставил мой в покое.

– Да, спасибо, что не дали мне засунуть бутылку виски ему в глотку. У меня есть планы на жизнь, и тюрьма среди них не числится.

Тайрон улыбнулся:

– Пожалуйста. Всегда рад помочь.

Том заметил, что Тайрон очень торопится, и решил заканчивать разговор.

– И спасибо за информацию и за пиво.

– Возвращайтесь после ужина. Тогда появятся напитки покрепче.

– О, покрепче. Всегда предпочитал крепкое.

Глава 6

Том вернулся в купе и выглянул в окно; в пять пятнадцать уже смеркалось. Они только что проехали Харперс-Ферри, штат Западная Виргиния, – городок, известный тем, что здесь незадолго до Гражданской войны Джон Браун^[18] совершил свой знаменитый налет на арсенал и попал в исторические книги, но окончил жизнь на виселице.

Возле Камберленда, штат Мэриленд, поезд пройдет через Грэмский тоннель длиной примерно в треть мили. Согласно имеющемуся у Тома железнодорожному путеводителю, и вход и выход из тоннеля находились в Западной Виргинии. Тем не менее – как предположил Том, из-за причуд местной географии и начертивших границы штатов геодезистов – сам тоннель относился к Мэриленду. Поезд также проедет знаменитым Камберлендским проходом – той самой брешью в естественной границе Аппалачских гор, которой пользовались стремящиеся на Великие равнины и к Тихому океану первопроходцы. Если бы не эта тропа между скалами, Америка и по сей день могла остаться горсткой тринадцати угнетенных английских колоний.

Следующая после Камберленда достопримечательность – Прыжок Влюбленной. Здесь, согласно легенде, индейская принцесса, которой отец запретил выходить замуж за ее возлюбленного – американского солдата, – в отчаянии бросилась со скалы. Убитый горем индейский вождь, предположительно, последовал ее примеру. Том решил не рассказывать об этой легенде Стиву и Джули – они и так достаточно нервничали.

Том решил, что наконец настало время выследить киношников, прошел в обратном от ресторана направлении и оказался в очередном спальном вагоне. Он успел приноровиться к мягкому покачиванию поезда и гордился тем, что споткнулся только раз, хотя уже трижды мог потерять равновесие. Лэнгдон замедлил шаг. Люксы были маркированы буквами в отличие от пронумерованных обычных купе. Он был уверен, что люди из Голливуда поедут только первым классом – тем более если они известные или скандально известные, – и направился к люксам в надежде, что один из киношников выйдет из своего укрытия, и тогда Том завяжет разговор. Быть может, заодно получит роль в блокбастере с многомиллионным бюджетом и сам станет знаменит.

Лэнгдон дошел до первого купе. Вход оказался плотно занавешен, так что ничего не было видно, хотя он слышал, как кто-то перемещается

внутри. Когда он перешел к следующей двери, то заметил, что занавеску чуть отодвинули. Он остановился, обежал взглядом коридор и быстро заглянул внутрь. Купе выглядело словно офис. Там были раскрытый ноутбук, что-то похожее на принтер, удлинитель со стабилизатором напряжения и высокий молодой человек со стрижкой под ежик, в темной водолазке. Когда он повернулся, Том заметил на нем наушники, а в держателе на поясе – мобильный телефон.

Парень не мог быть известным режиссером, не так ли? Он не похож на режиссера – хотя не то чтобы Том хорошо в них разбирался. В таком случае он кинозвезда либо сценарист. Лэнгдон был готов держать пари, что верен последний вариант: в конце концов, у парня обнаружили компьютер и принтер. И он молод и смахивает на хипстера – такие сейчас наверняка пользуются спросом. Ведь все в курсе, что после тридцати люди лишаются гена крутизны, взамен приобретая отвратительную стрижку и удобные туфли.

Лэнгдон перешел к следующему купе и уже собирался заглянуть туда, когда, едва не задев его, дверь изнутри открыл мужчина.

– Прошу прощения, – извинился он.

Том посмотрел на незажженную сигарету в его руке.

– Мне только что сообщили, что курить в купе нельзя.

Лэнгдон по старой журналистской привычке быстро обежал взглядом говорившего. Среднего роста, за шестьдесят, худощавый, но с намечающимся брюшком. Густые седые волосы, хороший калифорнийский загар, очень дорогая одежда: черные брюки, белая шелковая рубашка, твидовый пиджак, а на ногах ботинки «Бруно Магги». С точки зрения Тома, он сильно смахивал на отдыхающего миллионера.

– Место для курения у них на нижнем этаже, – дал совет Том.

– Что ж, значит, туда и отправлюсь. Уже сто раз пытался бросить. Пробовал никотиновый пластырь, даже гипноз. Ничего не помогает.

– Я раньше выкуривал по две пачки в день, а теперь ограничиваюсь одной сигарой время от времени.

Мужчина заинтересовался:

– Как у вас получилось?

– Ну, от этого зависела моя жизнь.

– Понимаю. Кому хочется умереть от рака легких?

– Нет, я не это имел в виду. Я работал корреспондентом за границей и оказался среди журналистов в атакованном повстанцами конвое. В одну из головных машин угодил снаряд. Охрана сказала нам сохранять спокойствие. Затем ехавший перед нами грузовик взорвался. Охрана

сказала нам сохранять спокойствие и оставаться на местах. Затем мина разорвалась прямо рядом с нами, и охрана вновь велела сохранять спокойствие. После чего выпрыгнула и побежала прочь.

– О господи. И что же произошло?

– Очевидно, мы находились в зоне обстрела и вовсе не собирались ждать, пока следующими подстрелят нас. Мы все выскочили и бросились в горы. Один парень из «Рейтер» – ему было лет пятьдесят, и он много курил – не добежал. Повалился на землю – наверное, из-за сердечного приступа.

– Вы остановились помочь ему?

– Я бы остановился, но я тащил раненого – тот подвернул лодыжку и не мог бежать. Пока я взбирался на гору, мои сердце и легкие были готовы взорваться: каждая выкуренная сигара аукнулась тогда. Но мы добрались – еле-еле – до дружественного лагеря.

– А что стало с тем парнем?

– Надеюсь, он скончался от сердечного приступа раньше, чем повстанцы добрались до него: они не славились состраданием. С тех пор я не притрагивался к сигаретам. Конечно, – добавил Том, – я бы не рекомендовал каждому мой метод. Возможны серьезные побочные эффекты.

– Да уж. Ну и история, впечатляет. Военный корреспондент, значит?

– Теперь уже нет. Сегодня самые опасные мои репортажи – это как обустроить гардеробную «для него и для нее» так, чтобы «для него» осталось жизненное пространство, и каковы подводные камни приготовления барбекю в домашних условиях.

Мужчина рассмеялся и протянул руку:

– Рад слышать. Звучит забавно. Между прочим, я – Макс Пауэрс.

Мужчина казался знакомым, а когда он представился, все встало на свои места. Пауэрс и вправду был очень знаменитым режиссером, регулярно попадающим в топ-10 самых влиятельных людей Голливуда. Хотя он был больше известен огромными кассовыми сборами, но также снимал фильмы, которыми критики оставались крайне довольны, неоднократно номинировался на «Оскара» и несколько лет назад получил главный приз.

– Том Лэнгдон. Я смотрел множество ваших фильмов, мистер Пауэрс. Вы знаете, как правильно рассказать историю. И для меня это важнее заумных фраз, которыми бросаются критики.

– Благодарю. Именно это я и стараюсь сделать: рассказать историю, не более. И зовите меня Максом.

Он сунул сигарету в карман рубашки и огляделся:

– Ну а сейчас мы пытаемся собрать по кирпичикам историю о путешествии железной дорогой.

– Это потому, что в поездах есть нечто особенное?

– Верно. Автомобили? Сразу вычеркиваем! Сумасшедшие водители, забитые пробками трассы, вынужденное питание фастфудом? Нет, спасибо. Самолеты безличны и сильно действуют на нервы. Сам я не люблю летать, но по долгу службы приходится. Как-то раз я возвращался рейсом из Канн, мы попали в какую-то мощную турбулентность, и я, занервничав, вышел в уборную и зажег сигарету. Сработала пожарная сигнализация, а после приземления меня отправили в тюрьму. Представляете – в тюрьму! И все из-за того, что я закурил одну сигарету с ментолом без фильтра. С меня содрали тридцать тысяч штрафа и вдобавок заставили заниматься общественными работами.

Он успокоился:

– Но поезда – другое дело. Я урожденный калифорниец, а мой старик работал кондуктором на линии «Санта Фе» еще в те дни, когда поезда считались шикарным способом путешествия. Он мог похлопотать, чтобы я ехал в кабине машиниста. Должен сказать, это самое захватывающее ощущение на свете. С тех пор я знал, что о поездах можно рассказать историю, не похожую ни на одну из существующих. И теперь я наконец занимаюсь этим.

Том поведал ему о рассказе, который он пишет, и о впечатлениях от путешествия поездом.

– Это значит не просто добраться из точки А в точку Б. Главное – не начальный или конечный пункт маршрута, главное – сама поездка. В ней вся суть, – сказал он. – Если только присмотреться, станет ясно, что поезд полон вещей, которые надо увидеть и услышать. Это живая, порой дышащая сущность – надо лишь пожелать узнать ее ритм.

Том сам недоумевал, откуда нашлись все эти слова, но именно это вылилось наружу. Наверное, он начал привыкать к «Кэпу».

Макс радостно схватил Тома за руку:

– Вы совершенно точно поняли, чего я пытаюсь здесь достичь.

Он вдруг хлопнул себя по лбу:

– Мне только что пришла фантастическая идея. Со мной такое все время, Том. Послушайте: вы писатель, вы видели весь свет, и вы едете этим поездом в праздники, пытаетесь уловить пульс Америки.

– Да, и что? – осторожно сказал Лэнгдон. Он понятия не имел, к чему клонит Макс Пауэрс, но, кажется, того захлестнула волна собственных

идей.

– А то, что вы должны объединиться с моим сценаристом – я хочу сказать, на время этого путешествия, чтобы провести совместное исследование. Обмениваться заметками, услышанными историями, вместе обмозговывать идеи и все такое. Не бесплатно – я заплачу, уж поверьте.

– Но я уже работаю над рассказом.

– В этом вся прелесть. Вы пишете свою историю – отлично. Но ваши материалы помогут моему сценаристу придумать сюжет фильма. Все идеально. Два зайца одним выстрелом. Понимаете?

Том кивнул. Хотя он отнюдь не горел желанием работать с «десятилетним» любителем наушников. Лэнгдон не был ни юношей, ни хипстером, и если этот парень хотя бы раз назовет его «чуваком» или брякнет «чао!» вместо нормального «пока», дела могут принять дурной оборот.

К удивлению Тома, Макс провел его мимо купе хипстера с наушниками к первому купе и постучал по стеклу:

– Можно войти? Это Макс.

Дверь отъехала в сторону, и в ту же секунду из легких Тома словно вышел весь воздух. Он больше не слышал даже «шшш, жжж, ссс-бум-бах» поезда, поскольку на него глядела Элеонора Картер.

Глава 7

– Элеонора Картер, это Том Лэнгдон. Том, это Элеонора.

Ни Том, ни Элеонора не вымолвили ни слова. Они лишь смотрели друг на друга так долго, что Макс в конце концов спросил:

– Гм, вы уже познакомились?

– Много лет назад, – быстро ответила Элеонора.

Она выглядела еще привлекательней, чем тогда, когда Том видел ее в последний раз, – а планка была весьма высока. Элеонора была высокой, по-прежнему стройной и не остригла коротко свои каштановые волосы, в отличие от многих женщин ближе к сорока. Волосы все так же ниспадали до плеч и выглядели соблазнительно. Что до лица, на нем добавилось несколько морщин, но оно все еще отличалось привлекательностью, доказывая, что его владелица жила полноценной жизнью – такой никогда не добиться женщине с безупречно гладкой кожей. А большие зеленые глаза, как и прежде, повергали в дрожь и вызывали у Тома желание поискать свободный стул, чтобы не рухнуть. На Элеоноре были серые шерстяные брюки, стильные туфли на низком каблуке и белый свитер, из-под которого торчал воротник голубой рубашки.

Тому живо вспомнилась их первая встреча в кампусе. Тогда на Элеоноре были короткие шорты, демонстрирующие длинные ноги, красный топ, шлепанцы и желтая косынка. Он не мог отвести от нее взгляда. И в последующие пятнадцать лет редко отводил. Оба выучились на журналистов и решили работать вместе. Их первым заданием стало расследование для газетки в Джорджии, касающееся легендарного преподобного Маленького Боба Хамфриса, который ездил по Дальнему Югу: от Аннистона, штат Алабама, до Тупело, штат Миссисипи, с остановками в каждой дыре. Преподобный Боб, облаченный в белый костюм, белые туфли и белоснежный пояс, умел лечить больных, успокаивать гневающихся, подбодрять скорбящих и спасать грешников – все это за одну ночь и за очень разумную плату (конкретно – все ваши наличные). Вы могли сколько угодно утаивать от него последние пенни, но преподобный Боб все равно находил их и изымал так очаровательно и любезно, что вы стыдились того, что прятали от него деньги.

Этот святой человек разъезжал в сделанном на заказ автомобиле «Импала» – самом большом из виденных Томом. Как он выяснил, большую часть занимал огромный багажник, в котором мастер добрых дел

беззастенчиво возил все подряд: от денег до соленых окороков, а порой и работающих у него ассистентами родственников. Лэнгдону всегда казалось, что преподобный должен состоять в определенном родстве с Герцогом и Королем – печально известными мошенниками из «Гекльберри Финна». Насколько Тому было известно, в отличие от благовоспитанных разбойников Твена, Маленького Боба никогда не выносили из города на шесте в дегте и перьях. Тем не менее обманутые горожане могли бы так с ним поступить, и Бог даже не моргнул бы глазом. Может, даже послал бы им чудо-другое в награду за такое доброе дело.

Тем не менее Том не мог не восхищаться упорством этого человека. В ходе расследования он даже отдал Маленькому Бобу последние двадцать баксов, а ведь Лэнгдон даже не был баптистом. Этого проявления слабости он стыдился до сих пор. Однако в заслугу Элеоноре можно поставить то, что она вернула Тому его наличные: единственный на свете человек, сумевший добиться от преподобного Боба денег не через суд. Их разоблачение шарлатана попало в сводку общенациональных новостей, заработало им репутацию и положило конец его махинациям.

– Как у тебя дела? – спокойно спросила Элеонора.

– Работаю. В последний год в основном здесь, в Штатах, – умудрился выговорить Том.

– Да, знаю. Я читала твои заметки про мебель Дункана Файфа^[19] в «Архитектурном журнале». Первая статья об антикварной мебели, вызвавшая у меня смех. Хорошо написана.

Весьма приободренный, Лэнгдон ответил:

– Между нами говоря, когда я это писал, то не мог отличить Дункана Файфа от Дункана Хайнса^[20], но я зубрил тему как помешанный, а потом спустил все заработанные деньги. Ты меня знаешь.

– Да, я знаю тебя.

Она даже не улыбнулась, хотя Макс хихикнул. У Тома засосало под ложечкой, а в горле пересохло: большие изумрудные глаза сверлили его, и в них не было ни капли приязни. Ноги Лэнгдона словно налились свинцом. Ощущение близящейся гибели странным образом принесло ему облегчение, как будто конец будет быстрым и относительно безболезненным.

Он вновь обрел голос:

– Так ты работаешь сценаристом?

– Она одна из топ-секретов Голливуда, – ответил Макс. – Специализируется на исправлении сценариев. Ну, знаете: когда сценарий

сильно хромает и срочно нужно чудо? Тогда приходит Элеонора и все волшебным образом исправляет. Она не раз спасала мою задницу, когда писателям А-класса, которым я платил миллионы, случалось облажаться. В пяти моих последних фильмах она переписала практически весь сценарий. Я наконец-то уговорил ее сделать свой, оригинальный.

– Я не удивлен – она всегда потрясающе писала.

На комплимент не последовало никакой реакции – опять. Свинец уже дошел до лодыжек Тома.

– Так в чем дело, Макс? – спросила Элеонора с легким кивком в сторону Лэнгдона. Она явно хотела не погружаться в воспоминания, а поскорее покончить со всем этим – то есть с ним.

– У меня возникла замечательная идея.

Макс объяснял ей «замечательную идею», в то время как Том стоял и задавался вопросом, не броситься ли из окна под колеса поезда. Было кристально ясно, что Элеонора совершенно не рада гениальной мысли режиссера.

Тем не менее она ответила:

– Дай мне поразмыслить, Макс.

– Безусловно. Послушайте, вот что я скажу: давайте попозже соберемся и выпьем. Кто-то подсказал мне, что тут продают алкоголь.

– Да, продают, – подтвердил Том и добавил шутливо: – По сути, весь поезд – огромный бар.

Он бросил взгляд на Элеонору, но та просто смотрела в сторону. Теперь и его руки налились тяжестью.

– Тогда договорились. Встретимся и выпьем, когда – часов в восемь?

– Там же можно и поужинать. У меня забронирован столик на семь.

Том снова поглядел на Элеонору, словно пытаясь взглядом побудить ее сказать, присоединится ли она.

– У меня был поздний ланч в Вашингтоне. Ужин я пропущу, – сказала женщина.

– Да, Том, мне тоже не до еды, – заметил Макс. – Надо сделать несколько звонков.

– Только не голодайте. – По иронии, в этот момент свинец добрался до его рта.

– Не беспокойтесь, Крестобаль захватил мою любимую еду. К тому же я предпочитаю обходиться перекусами.

– Крестобаль?

– Мой ассистент. Едет в соседнем купе справа, – Макс указал туда, где Том видел «ребенка» в наушниках.

Кристобаль как раз вышел из купе, словно услышав упоминание боссом своего имени через закрытую дверь.

– Что-нибудь нужно, мистер Пауэрс?

– Нет, все в порядке. Это Том Лэнгдон. Он, наверное, поможет нам с проектом.

Кристобаль был ростом с Тома, молод, привлекателен, хорошо сложен, модно одет и, вероятно, зарабатывал за неделю столько же, сколько Лэнгдон за год. Он также выглядел деловитым и интеллигентным, и все это в совокупности вызвало у Тома моментальную неприязнь.

– Замечательно, сэр, – сказал Кристобаль.

Они с Томом обменялись рукопожатием.

– Рад знакомству, – поздоровался журналист, стараясь игнорировать хруст своих зубов.

– Значит, решено, – сказал Макс. – Элеонора все обдумает, а мы соберемся и выпьем в восемь. А сейчас мне надо пойти покурить, пока у меня не началась гипервентиляция, – он стал озадаченно оглядываться.

– Туда, – указал Том. – Через два вагона, пройдете ресторан, далее в вагон-люкс и вниз по лестнице, потом направо – и увидите дверь с надписью: «Место для курения».

– Благодарю, Том, вы просто золото. Знаю, у нас все получится – это знак. Хиромант сказала мне, что произойдет что-то хорошее. Она говорила про случайную встречу. И вот, смотрите. Да, день удался.

Он сунул в рот сигарету и поспешил прочь.

– Ваша зажигалка в правом кармане пиджака, сэр! – крикнул ему вслед Кристобаль.

Макс помахал рукой; Кристобаль вернулся в свое купе-офис. И Элеонора с Томом остались вдвоем.

Несколько мгновений они стояли, не встречаясь друг с другом взглядами.

– Не могу поверить, что это происходит на самом деле, – наконец вымолвила Элеонора. – Что в поезде оказался именно ты.

Она закрыла глаза и медленно покачала головой.

– Ну, я тоже застигнут врасплох, – сказал Том и добавил: – Ты замечательно выглядишь, Элли.

Насколько ему было известно, он был единственным, кто называл ее так. Она не возражала, а Том обожал.

Глаза Элеоноры открылись и сфокусировались на нем.

– Не буду ходить вокруг да около: Макс – чрезвычайно одаренный режиссер, но порой ему приходят в голову странные идеи, которые просто

не работают. И я уверена, что данная – из их числа.

– Эй, я случайно наткнулся на этого энтузиаста. Я не хочу заставлять тебя заниматься тем, что не нравится, и, говоря откровенно, еще не обдумал все как следует.

– Значит, я могу передать Максу, что ты не заинтересован?

– Если ты этого хочешь, Элли, то я не против.

Она внимательно оглядела его, и Том ощутил, как съеживается под ее взглядом.

– Именно этого я и хочу.

Она зашла в свое купе и закрыла дверь.

Лэнгдон остался стоять, как статуэтка – обожженная в печи, готовая к грунтовке и росписи. Даже «шшш, жжж, ссс-бум-бах» поезда не могли расшевелить застывшего в неколебимом отчаянии человека. Он задавался вопросом, не поздно ли еще получить обратно деньги за билет на том основании, что стал живым трупом.

Глава 8

Том доплелся до своего купе и рухнул на раскладную кровать. Элеонора едет этим поездом? Не может такого быть. Он никогда не представлял себе, что путешествие к самопознанию окажется совместным с тем единственным человеком на земле, чье исчезновение из его жизни и побудило предпринять эту чертову поездку, во-первых! И тем не менее... кто был виновен в ее исчезновении? Он ведь так и не попросил ее остаться, верно?

Сидя на кровати и уставившись в законный мрак, Лэнгдон внезапно обнаружил себя не в поезде, едущем в Чикаго, – он находился в Тель-Авиве. Они предпочли этот приморский город из-за близости к аэропорту имени Бен-Гуриона – не больше двух часов полета до любых происшествий, которые Элеонора с Томом могли бы осветить. Средний Восток был непредсказуем в своей предсказуемости. Вы точно знали, что что-то произойдет: только не знали, где и как именно.

Марк Твен посетил Святую землю и много о ней писал в «Простаках за границей». Книга была опубликована 1869-м – за год до того, как евреи снова стали селиться в Иерусалиме, и почти за девяносто лет до появления суверенного государства Израиль.

Твен нашел Палестину очень маленькой и писал, что у него «не укладывалось в голове, что у маленькой страны может быть столь богатая событиями история». Том прекрасно его понимал. Место, кажущееся таким грандиозным людям со всего света, можно пересечь из конца в конец на автомобиле за считанные часы. Обнесенный стенами город Иерусалим с первого взгляда показался Лэнгдону не более чем великолепной миниатюрой.

Однако жизненная энергия города и людей, называющих его своим домом, соответствовала его репутации одного из самых притягательных мест на земле.

Они путешествовали по стране в поисках интересных историй, хотя Элеонора хотела впечатлений и лично для себя и однажды даже крестилась в Иордане. Твен тоже плывал в реке после долгой пыльной дороги от Дамаска, хотя больше в силу гигиенических, нежели духовных потребностей. Том с Элеонорой купили иорданской воды в прозрачных бутылках в форме фигуры Иисуса и отправили домой вместе с собранным в древних израильских храмах в жестяную банку святым воздухом. Лэнгдон

и раньше знал, что оба сувенира пользовались бешеным спросом среди американских туристов, которые поспешат домой с этими воздухом и водой и принесут их в дар своим церквям. По его предположению, они так поступали в надежде заработать несколько очков в глазах Бога – подстраховаться, так сказать.

За годы жизни в Израиле пара однажды ездила на Рождество в Вифлеем с группой туристов, потому что Элеоноре хотелось увидеть место, где Сын Божий появился на грешный свет. Том не был особо религиозен, но пребывание там, где неподалеку, вероятно, произошло столь важное событие, подействовало на него умиротворяюще.

Во время поездки в Вифлеем Марк Твен написал, что все направления христианства, кроме протестантов, представлены часовнями под крышей Храма Гроба Господня. Но он также заметил, что они не осмеливались заходить на территорию друг друга, и это, несомненно, доказывало, что даже могила Спасителя не могла примирить разные верования. Очевидно, кое-что осталось неизменным с тех давних времен, когда Марк Твен ездил паломником в Святую землю.

Они были в числе немногих американских журналистов, отмечающих в Израиле главный христианский праздник. Том с Элеонорой поставили рождественскую елочку у себя в номере, приготовили праздничный ужин и открыли подарки. Затем глядели в окно на темное Средиземное море и наслаждались видами и запахами пустыни, отмечая праздник, который у большинства американцев ассоциируется со снегом, веселым толстяком и потрескивающим камином. Потом заснули в объятиях друг друга. Проведенные в Тель-Авиве Рождества были одними из лучших в жизни Тома. За исключением последнего.

Элеонора в последний момент вышла из номера за продуктами. Минут через сорок она вернулась и сказала, что хочет отправиться домой, что устала освещать зловещие этого странного мира, что пора возвращаться. Сперва Том счел это шуткой. Затем стало ясно, что Элеонора говорит всерьез; собственно, она начала паковать чемоданы у него на глазах. Затем позвонила в авиакомпанию «Эль Аль» и заказала билет. Она попыталась взять билет и для Тома, но тот сказал, что не собирается уезжать. Всего час назад все выглядело таким замечательным. Теперь же он стоял посреди их крошечных апартаментов в нижнем белье, а его жизнь рухнула.

Он спросил, что же такого случилось за последние сорок минут, что она приняла столь важное, судьбоносное решение за них обоих, даже не посоветовавшись с ним. Та ответила лишь, что пора домой. Они

разговаривали, разговор перерос в спор, а дальше по нарастающей. К тому моменту, когда Элеонора закончила собираться, они уже кричали друг на друга. Том был так озадачен и выведен из себя, что до сих пор не помнил, что тогда наговорил.

Она поехала на такси в аэропорт, Том с ней. Там их спор продолжился. Наконец настало время подниматься по лестенке, ведущей в автобус. Тогда Элеонора уже спокойным тоном повторно попросила его полететь с ней. Если он действительно любит, он не бросит ее. Том помнил, как стоял там со слезами на глазах, не ощущая ничего, кроме подпитываемого злостью упрямства. Он сказал ей: нет, он никуда не полетит.

Он видел, как она всходит на лесенку. Один раз она оглянулась. Выражение ее лица было таким грустным, таким несчастным, что он едва не окликнул Элеонору, чтобы попросить подождать, сказать, что он с ней, но эти слова так и не вылетели из его рта. Все было примерно так же, как вечером в поезде из Кельна, когда он должен был сделать предложение любимой женщине, но не стал. Вместо этого он повернулся и ушел, оставляя ее – равно как и она оставляла его.

Больше он не видел Элеонору до встречи пять минут назад в поезде, несущемся в Чикаго через Толедо и Питтсбург. И он по-прежнему не мог дать внятного объяснения, почему тогда не полетел с ней.

Том вздрогнул и снова оказался в Западной Виргинии на стальных рельсах железной дороги «Амтрака». Он лежал на кровати; теплое купе, шум колес, его переутомленный разум и темнота за окном – все это погружало его в беспокойную дрему.

* * *

Что бы это ни было, оно, похоже, стряслось прямо в спальном вагоне Тома. Раздавшийся звук оказался очень громким, словно по борту стукнуло пушечное ядро. Лэнгдон чуть не свалился с кровати и посмотрел на часы: шесть тридцать. Поезд быстро замедлял ход, затем совсем остановился. Том выглянул из окна и увидел, что они в безлюдной местности. Он почуял запах гари: даже не будучи опытным железнодорожником, несложно было догадаться, что в поезде такого происходить не должно.

Во мраке то тут, то там зажигались огни – вероятно, персонал проверял, откуда последовал удар и какой ущерб он нанес. Лэнгдон вышел в коридор и встретил отца Келли.

– Вы это слышали? – спросил священник. – Звук, словно выстрел.

– Думаю, мы столкнулись с чем-то, – ответил Том. – Возможно, переехали что-то на рельсах.

– Судя по звуку, врезалось именно в наш вагон, а мы в середине поезда.

Что ж, это правда, подумал Лэнгдон.

– Не знаю. Надеюсь, мы вскоре продолжим путь.

Мимо прошла казавшаяся встревоженной Реджина. В руках у нее была груда скомканных газет.

– Привет, Реджина, что стряслось? Мы остановились. Деньги у «Амтрака» кончились или что?

– Мы с чем-то столкнулись, это точно. Сейчас проверяют, в чем дело. Вскоре должны тронуться.

Он посмотрел на ее ношу:

– Похоже, вам очень нравятся газеты.

– Кто-то сунул их в мусорный бак. Понятия не имею, откуда они вообще взялись. Единственная газета, которую разносят в поезде, – это «Толедо Блейд», и закупят ее только завтра ранним утром.

Она ушла. Том мысленно похвалил себя за догадливость: он оставил в графике путешествия дополнительное время, которое, похоже, понадобится. Во времена Твена, чтобы добраться из Сент-Джозефа, штат Миссури, до Калифорнии, требовалось преодолеть в дилижансе 1900 миль, и занимало это около двадцати дней. Хотя Тому придется проехать на тысячу миль больше, его вез куда более мощный двигатель. Тем не менее начинало казаться, что сроки Твена под угрозой срыва. Лэнгдон стал подумывать, на каком бы островке спрятаться от Лелии, когда он не явится на Рождество. Список убежищ был коротким и не внушающим надежды.

К ним подошла Агнес Джо – по-прежнему в пижаме, но поверх накинуто платье.

– Мы во что-то врезались, – сказала она.

– По-видимому, именно так, – ответил Том и попытался обойти ее. Но, как оказалось, стоя лицом к лицу с ним, Агнес Джо занимала своим телом весь проход. «Амтраку» определенно следует строить поезда попросторнее с учетом ширины американцев.

Она достала из кармана яблоко, вытерла о платье и начала грызть.

– Помню, как-то три – нет, четыре – года назад мы ехали прямо здесь и – бам! – застыли как вкопанные.

– И что же произошло? – спросил Том.

– Почему бы тебе не зайти ко мне в купе? Там усядешься поудобней, и

я все расскажу.

Отец Келли и Том переглянулись, после чего священник юркнул в свою безопасную кроличью нору, бросив журналиста одного. Вот вам и поддержка церкви в трудные времена, подумалось Лэнгдону.

– Я бы с удовольствием, но мне надо подготовиться к ужину. У меня забронирован столик на семь.

– У меня тоже.

Судя по взгляду, которым она его одарила, Тому начало казаться, что он ей всерьез понравился. В ответ он слабо улыбнулся и наконец сумел протиснуться мимо нее в свое безопасное купе. Он заперся, задернул занавеску и подпер бы дверь кроватью, не будь та привинчена к стене.

Том подготовился к ужину: ополоснул лицо водой, пробежался расческой по шевелюре и сменил рубашку. Затем выглянул наружу, проверяя, не бродит ли поблизости Агнес Джо, увидел, что все чисто, и побежал к спасительной гавани вагона-ресторана. Увы, хоть он и не был спринтером международного уровня, но перемещался быстрее поезда.

Глава 9

Пока Том оглядывал обеденный зал, его мысли вновь занял его железнодорожный эталон – «На север через северо-запад». В фильме спасающийся от полиции и от проводника – у него, бедного беглеца, не было билета – Кэри Грант заходит в стильный вагон-ресторан. Официант в роскошной униформе проводит его мимо модно одетых едоков к столику восхитительно сексуальной Евы Марии. Оказывается, она подкупила официанта, чтобы Кэри сидел с ней. Прекрасные дамы всегда так поступали с беднягой Кэри Грантом: делали заказ, выпивали, смеялись, затевали сложную словесную любовную игру прямо за столом – одна из сцен с наиболее эротическим подтекстом, по мнению Тома. Сейчас в роли Евы Марии он не мог представить никого, кроме Элеоноры. И это выглядело, как он признался себе, жалко – жалко, поскольку не было ни малейшего шанса воплотить это в реальность.

В поездах «Амтрака» посетителей ресторана рассаживали так, чтобы поощрить завязывание разговоров и – пусть и мимолетных – дружеских отношений. Согласно этой традиции, Тома посадили напротив двоих: мужчины средних лет и женщины, которая, увы, ничуть не походила на Элеонору – или, если на то пошло, Еву Марию. Мужчина был одет в костюм с галстуком. Через проход от них сидели Стив и Джули. Они пили из бокалов красное вино, держались за руки, шептались и по-прежнему выглядели очень взволнованными. Молодая любовь: нет ничего прекрасней (или ужасней), решил Том. Кроме, быть может, старой безответной любви. После встречи с Элеонорой он был в этом убежден.

Насколько удалось уловить из чужих разговоров, в основном обсуждали вставший поезд. По крайней мере, чем дольше тот будет стоять, тем больше времени он проведет в одном с Элеонорой поезде. И что именно в этом хорошего? – спросил Том себя, поскольку чувства Элеоноры были кристально ясны. Раньше оставалась надежда, что она по-прежнему любит его несмотря на то, как закончились их отношения. Он бережно хранил эту надежду в кармане все эти годы, она помогала ему пережить трудные времена. Теперь же карман пустовал – даже не пустовал, а был вырван прямо из штанов.

– Это происходит со мной в поезде уже второй раз за неделю, – сказала сидящая напротив Тома женщина. Она представилась как Сью Бант из Висконсина. Она была строго одета, в возрасте около пятидесяти, высокая,

немного тучная, с очень короткой стрижкой. Рядом с ней сидел мужчина в костюме с галстуком. Лэнгдон знал, что они не вместе, поскольку мужчину усадили за этот стол прямо перед ним. Женщина уже сидела там.

– Как вам это? – спросил незнакомец. Он не назвал себя.

– Обычно я не езжу поездом, но летать самолетами при моей профессии уже не столь удобно, как прежде, – пояснила дама.

– А чем вы занимаетесь? – Том решил поддержать разговор.

– Я – торговый агент компании, занимающейся здоровой пищей, – ответила та, намазывая на булку масло.

– Счастливо провести праздники, – сказала подошедшая официантка, раздавая бокалы яично-винного коктейля: как им сообщили, это праздничная традиция «Кэпа».

– И вам счастливых праздников, – ответили все. Затем Сью поинтересовалась, что случилось с поездом.

– Проводник сказал, что вот-вот все наладят и мы тронемся. Просто переехали что-то на рельсах.

На официантке был праздничный колпак, а окна и столы, как заметил Том, украшены гирляндами.

Они сделали заказ. Меню оказалось богатым, Лэнгдон чувствовал исходящий из кухни внизу запах еды, которую затем отправят наверх в ресторан лифтом. Том заказал ростбиф, а в качестве закуски предпочел салату водку с апельсиновым соком и льдом. Он уже подносил ее к губам, когда что-то оттолкнуло его. Повернувшись, Лэнгдон увидел, как рядом плюхается Агнес Джо, оставляя ему около шести дюймов свободного пространства.

– Привет, Агнес Джо, – хором сказали мужчина и Сью.

Том был озадачен. *Здесь что – все с ней знакомы?*

– Привет, дорогуши.

Когда Том посмотрел на нее, он был ошеломлен. Она надела красивые брюки – несомненно, растянутые до предела, но все равно красивые, – роскошный свитер и уложила волосы. Также она нанесла легкий макияж и выглядела заметно моложе. Лэнгдон мог только таращиться на столь разительное преобразование.

– Привет, – промямлил он.

– Здравствуйте, Агнес Джо, – сказала подошедшая официантка. – Вам как обычно?

– Да, только добавьте лука.

– Как я понимаю, вы много ездите поездом, – заметил Том, когда официантка отошла.

– О, я обожаю поезда и попутчиков. Хорошие ребята. Одно время пробовала летать – собственно, я пилот с лицензией, но предпочитаю поезда.

С точки зрения Тома, образ Агнес Джо, втиснувшейся в кабину двухместной «Сессны», сжавшей мясистыми пальцами ручку управления и поставившей ножищи на педали, был близок к галлюцинациям.

Незнакомый мужчина повернулся к Сью:

– Говорите, вы занимаетесь здравоохранением?

– Здоровой пищей. Я торговый агент. Раньше была помощником юриста, но не смогла и дальше работать на законников.

Что ж, Том тоже был сыт по горло видом *americanus legalis cannibal*^[21]: наобщался в процессе развода плюс недавний случай с Гордоном Мерриузером. Он поднял бокал в знак сочувствия.

– Что вам известно о женьшене? – спросил мужчина.

Ему было за пятьдесят, на вид он казался обычным бизнесменом, хотя некоторые довольно странные черты отличали его от коллег. Так, он открывал рот очень широко и втягивал воздух, как будто его не хватало. Затем глаза выкатывались так, что у Тома создавалось впечатление, что мужчина в любой миг рухнет головой в салат. Еще он облизывал губы так часто, что, можно подумать, язык вот-вот забьется в судорогах или попросту отвалится. И, наконец, у него имелась невероятно раздражающая привычка надуваться так, будто он собирался что-то сказать: губы тряслись, толстая шея дрожала, глаза часто моргали, руки вздымались к небесам – казалось, вот-вот извергнется некая мудрая фраза или, по меньшей мере, скандальная сплетня, после чего все сдувалось и мужчина преспокойно ловил оливки в своем бокале. После того как он проделал эти бесящие движения в четвертый раз, Том с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на него.

– О женьшене? – переспросила Сью. – Вы имеете в виду растение?

– Да. Позвольте пояснить, почему я об этом спрашиваю. – Он посмотрел на всех с заговорщическим видом и понизил голос: – Я встретил одну женщину. Азиатку или лицо восточного происхождения – не помню, какой там политкорректный термин употребляется в наши дни. Кажется, не «узкоглазая», нет?

– Нет, – сказала Агнес Джо. – И не надо продолжать эту тему, пожалуйста. Толерантность и уважение к другим культурам – основа мира во всем мире. К тому же у меня есть предки японского происхождения.

Том поглядел на эту великаншу и задался вопросом, отразились ли на ней как-то гены этих предков. А ее лексикон и манера речи заметно

улучшились. Что это было?

Незнакомец продолжил:

– Да, верно. Прошу прощения за неудачную шутку. Так вот, этой женщине, кажется – ну, вы понимаете, – приглянулся я. А мне определенно приглянулась она. Как-то вечером мы ужинали вместе, и она завела речь о женьшене. Короче говоря, она прислала мне настоящий женьшень. Полагаю, он из Китая.

– Вообще-то, женьшень выращивают и в Висконсине, – заметила Сью, намазывая на булку еще больше масла: хлеба под ним уже не было видно. – Местная почва идеально подходит.

Том уставился на нее. Почва Висконсина идеально подходит для женьшеня? Ему это казалось безумным, но разве он в этом разбирается? Быть может, «Грин-Бей Пэкерс»^[22] все поголовно фанаты женьшеня.

– В Висконсине – допустим, – сказал мужчина, – но суть в том, что она мне его прислала, а я не уверен, что с ним делать. Я хочу узнать – женьшень готовят, или пьют, или что?

– Она его прислала, но совсем необязательно его употреблять, – заметил Том.

– Гм, – ответил собеседник, нервно глядя на женщин, – предполагаю, она дала мне его... ну, вы понимаете... потому что он повышает эффективность определенных функций организма. По крайней мере, на это она намекала. Еще, добавлю, она гораздо моложе меня.

Том начал понимать, к чему тот клонит, когда вмешалась Агнес Джо:

– Ты хочешь сказать, с женьшенем ты сможешь кувыркаться в постели, как молодой жеребец, с женщиной вдвое моложе и она не будет чувствовать, что занимается самообманом со старым мешком костей.

После долгой паузы мужчина наконец ответил:

– Примерно это я и подразумевал, да.

И снова начал всасывать струю воздуха и с новой силой набросился на свои оливки.

– Я бы лучше приготовила из него настой, – продолжала Агнес Джо, пронзая мужчину взглядом, – и ввела тебе шприцем прямо в вену. Сделай так перед тем, как отправиться в постель, затем выбегай из ванной, крича и колотя себя в грудь, как Тарзан, и набрасывайся на нее. Я слышала, азиаткам это нравится.

Тот посмотрел на Тома глазами раненого оленя, явно ожидая мужской поддержки. Но Лэнгдон смог произнести только:

– Я тоже слышал такое... дорогой.

И одним могучим глотком осушил стакан водки.

Заказав себе еще бокал мерло, он съел ужин, который оказался превосходным. Затем Лэнгдон огляделся по сторонам и увидел, что за одним из столов оживленно дискутировали два мусульманина и индеец. Все улыбались, так что по крайней мере спор не выходил за рамки приличия. За другим столом к привлекательной афроамериканке средних лет явно подкатывал красивый молодой кореец. Она отмахивалась от приставаний, добродушно подшучивая, но, как видел Том, была польщена. Какие-то бизнесмены ужинали за одним столом с дамой с картами Таро. Она изучала их ладони и даже разложила карты перед остатками цыпленка-гриль. Она методично нанизывала на вилку фирменный титулованный чизкейк «Кэпа», а корпоративные акулы, отложив на время телефоны в сторону, внимательно ее слушали.

Том мог лишь покачать головой. Женьшень, летающая Агнес Джо, пассажиры всех рас и вероисповеданий, быстрое сближение олицетворяющих власть денег коммерсантов и олицетворяющих капризы судьбы Таро смешались в сердечном застолье: быть может, в атмосфере поезда и впрямь было нечто особенное. Допивая мерло, он поражался, насколько тихо и медленно несется поезд по рельсам... со скоростью ноль миль в час.

Глава 10

Сразу после ужина Том сбежал в вагон-люкс, который, как он быстро узнал, бывалые путешественники называли иначе – вагоном-баром. Много лет назад на верхнем этаже был настоящий бар с барменом, но из-за сокращений бюджета его убрали. Том отправился вниз, где Тайрон налил ему выпивки, затем сел на верхнем этаже. Поезд все еще не трогался. Журналист посмотрел на часы. «Кэп» должен уже находиться по пути к Коннелсвиллю, штат Пенсильвания, а они даже не добрались до Камберленда, штат Мэриленд. По крайней мере, запах дыма больше не чувствуется.

В вагоне-люксе был телевизор, сейчас там шел «Гринч – похититель Рождества» – тот, что с Джимом Керри в роли Гринча. Вокруг собралась толпа детей (как маленьких, так и постарше) и родителей. В других углах вагона болтали и выпивали небольшими компаниями, а несколько любителей одиночества просто разглядывали свои отражения в потемневших оконных стеклах. Этот вагон тоже украсили к празднику гирляндами, блестками и другими рождественскими декорациями. Том осушил свой стакан с джином, сжевал орешки и кренделя и сосредоточил внимание на сидящей неподалеку группе пассажиров. Один читал, другая вязала, третий слушал музыку в наушниках. Периодически Лэнгдон бросал взгляды на входную дверь, проверяя, не появятся ли Макс и Элеонора, но пока никаких следов.

– Вы все едете где-то отмечать Рождество? – спросил Том с, как ему хотелось верить, дружелюбным и заинтересованным выражением лица. Джин всегда расслаблял и делал счастливым, пусть и ценой легкого помутнения в голове.

Занимающаяся вязанием дама подняла голову и улыбнулась.

– Я направляюсь в Саут-Бенд, штат Индиана. Мой внук учится на втором курсе в Университете Нотр-Дам, я еду к нему на каникулы. Скорее всего, мне придется для него готовить, убирать и стирать, но ничего страшного – так и поступают бабушки. К тому же скоро Рождество – кто хочет провести его в одиночестве?

– Согласен, – сказал Том и представился. Дама протянула руку и пожала его ладонь:

– Паулина Бикон.

– Вы живете неподалеку от Вашингтона?

– Да, в Спрингфилде, штат Виргиния. А вы?

– Прямо в Вашингтоне.

– Не представляю, как вы справляетесь с пробками, – раздался голос мужчины, читавшего книгу. Ему было около сорока пяти, лысый, чуть полноватый. – Я возвращаюсь в Толедо. Ездил в Вашингтон по делам, пришлось арендовать машину и объезжать его по окружной автомагистрали. Не представляю, как вы там передвигаетесь. Словно Дикий Запад на колесах. Безумие какое-то. – Он покачал головой. – Я Рик, – представился он и улыбнулся. – Можете звать меня просто Толедо Рик.

– Значит, как я понимаю, вам всем нравятся поезда, – сказал Том.

– Я не люблю летать, – ответила Паулина. – Поезда же вызывают у меня ностальгию по детству. А вы?

– Я много летаю, но уже поднадоело. Решил попробовать более цивилизованный способ передвижения, – ответил Том.

– Ну, в данный момент мы никуда не движемся, – заметил Рик. – Я обычно тоже летаю, но этот билет удалось раздобыть по отличной цене. – Он посмотрел наружу и нахмурился. – Правда, прямо сейчас цена не кажется отличной. По крайней мере, к Рождеству я буду дома.

– У вас семья?

– Жена и шестеро детей. В том числе четверо подростков, трое из которых девочки. Я их вообще не понимаю.

– Девочки другие, – сказала Паулина.

Мужчина с наушниками теперь прислушивался к разговору. Он представился как Тед из Милуоки.

– С мальчиками тоже непросто, – сказал он. – У меня их четверо, все теперь взрослые. Когда появился первенец, у меня на голове было полно волос, а к рождению четвертого не осталось ни одного.

В этот момент подошла Агнес Джо с пивом и уселась рядом. Том предложил ей тарелку с закусками, женщина опустошила ее одним движением. Представляться она не стала – похоже, как и в вагоне-ресторане, все ее уже знали.

– А что насчет вас, Том? – спросил Рик. – Куда направляетесь? К родным?

Лэнгдон покачал головой:

– У меня родных, считай, и нет.

– Ну, у всех есть где-нибудь родственники, – заметила Паулина.

– Не у всех, – сказала Агнес Джо. – Я тоже одинока.

– Я не говорил, что одинок. Я репортер. Объездил весь свет. У меня

есть друзья в странах шестидесяти-семидесяти, наверное.

– Друзья – одно дело, а родные – совсем другое, – заявила Паулина. Возможно, она была права.

– Разведен или никогда не женился? – спросила чавкающая миндалем Агнес Джо. В ответ на его удивленный взгляд она красноречиво посмотрела на лишенный кольца безымянный палец Тома.

– Разведен. Хотя брак был столь недолгим, что я его и не почувствовал толком.

– Что ж, вы явно женились не на той, – сказала Паулина.

– Откуда знать наверняка? – спросил Толедо Рик.

– Есть много признаков, – вставила Агнес Джо. – Главное – это правильные ощущения. Вроде того, что тебе кажутся неважными еда, питье, сон, даже дыхание, если только ты находишься рядом с тем человеком. – Она уставилась на Тома. – Ты когда-нибудь испытывал подобное к кому-нибудь?

Все посмотрели на Тома, ожидая ответа.

– Эй, это немного личное, – сказал тот.

– Ну, в атмосфере поезда есть нечто особенное, – пошутила улыбнувшаяся Паулина, продолжая легко вывязывать одну петлю за другой.

Том откинулся назад и на мгновение уставился в окно.

– Как ее звали? – тихо спросила Агнес Джо.

– Элеонора, – в конце концов ответил он.

– Давно не виделся с ней?

– Вообще-то, не очень давно. – Он вынырнул из раздумий. – Но прошлое осталось в прошлом. – Я еду в Лос-Анджелес к моей девушке, Лелии, и проведу Рождество с ней.

– Она актриса? – спросила Паулина оживленно.

– В каком-то смысле – да.

– А где она играла?

После некоторых колебаний Том ответил вопросом:

– Вы, случайно, ни разу не смотрели по телевизору «Каппи – волшебный бобер» субботним утром?

Женщина ответила безучастным взглядом, даже упустила пару петель. После безуспешных попыток разъяснений Том решил забыть об этом разговоре.

Все собравшиеся глядели, как в вагон вошел один из проводников, одетый Санта-Клаусом. Все дети – даже те, кто постарше, – в мгновение ока бросили Джима Керри и Гринча и столпились вокруг человека в красном. Таким неизменным всеохватывающим обаянием обладал

старичок Святой Николай.

– Как мило, – сказал Том, когда Санта стал раздавать всем подарки.

– У них такое каждый год, – пояснила Агнес Джо. – Даже если поезд не ломается.

Том поглядел на нее с внезапным интересом. Ему только что пришло на ум, что, по словам Реджины, Агнес Джо очень много путешествует – к родственникам, как думала проводница. Однако та только что призналась, что одинока. Куда же она ездит?

– Значит, вы уже ездили рождественскими поездами? – спросил он.

– О да, много раз.

– И едете до самого Чикаго?

– Верно.

– Проведете там праздники?

– Нет. Мне в Лос-Анджелес, как и тебе.

– Поездом?

– «Саутвест Чиф», – она стрельнула в него взглядом. – А ты?

Два дня с Агнес Джо в «Чифе». Он задумался, что будет, если он выпрыгнет из окна поезда прямо сейчас, пока тот стоит. Когда Том уже собрался ответить, старый добрый «Кэпитол Лимитед» качнулся и вновь тронулся. Находящиеся в вагоне приветствовали это одобрительными криками, но Лэнгдон был не в силах заставить себя присоединиться к ним.

По громкой связи раздался голос:

– Приносим извинения за задержку, но все уладилось. На следующей станции нас встретит бригада техобслуживания. Мы ненадолго задержимся, чтобы удостовериться, что все в порядке, после чего продолжим путь. Надеемся компенсировать в дороге упущенное время. Все предупреждены о задержке, так что никто не опоздает на пересадку. Благодарим вас за понимание и за то, что воспользовались услугами компании «Амтрак». Желаем счастливых праздников.

Подошедший Санта раздал всем маленькие коробочки. Тому досталась миниатюра знаменитого локомотива «Супер Чиф» типа «Санта Фе». Тед снова надел наушники, а Толедо Рик и Паулина извинились и ушли.

Агнес Джо наклонилась поближе и бросила взгляд на модель в руках Тома:

– «Супер Чиф Санта Фе» Южной тихоокеанской транспортной компании – предшественник «Саутвест Чиф», на котором я поеду в Лос-Анджелес. Это замечательный поезд, в пути открываются прекрасные виды на горы и равнины. Проезжает через восемь штатов по дороге к побережью.

– Спасибо, интересная информация.

Теперь Том был твердо убежден, что она обыскала его купе и нашла билет на «Чиф». Он решил соорудить в комнате натяжную мину-ловушку из самого тяжелого предмета, который окажется под рукой. В поезде два двигателя – возможно, никто не заметит, если один пропадет? Можно будет запихать его в уборную или душевую и натянуть пружину.

– Да, прекрасный маршрут. Превосходный вариант добраться до Лос-Анджелеса.

– Я в этом не сомневаюсь. – Том поставил стакан. – Так почему вы направляетесь туда?

– У меня там друзья. Мы ездим друг к другу на Рождество каждый год. В этом году мой черед отправиться к ним.

– Хорошая традиция. Реджина сказала, вы очень много путешествуете поездом. И, похоже, с вами многие знакомы.

– О, я просто дружелюбная – всегда была такой. Если девушка от природы скромная и застенчивая, это вовсе не означает, что она должна постоянно оставаться кротким маленьким цветочком.

Поначалу Том подумал, что собеседница говорит всерьез, но та улыбнулась собственной шутке, и он неохотно пришел к выводу, что Агнес Джо не так уж и плоха. Если бы только она держалась подальше от его почек и личных вещей, все было бы хорошо.

– Так насчет девушки, с которой ты встречаешься: у вас все серьезно?

– Смотря что считать серьезным, – ответил Том. – Мы периодически встречаемся уже около трех лет.

– Периодически? Это что, калифорнийская традиция?

– Это наша традиция.

– Ну, я бы не советовала заключать брак. Я пыталась уже дважды, оба раза неудачно.

– А дети у вас есть?

– Девочка – сейчас уже взрослая, конечно. От первого брака. Мужа номер один я повстречала, когда мы вместе работали в цирке братьев Ринглинг.

– Вы работали в цирке? Администратором, что ли?

– О нет, я выступала. Наездницей, гимнасткой – в молодости даже ходила по натянутой проволоке.

– Вы были акробаткой?!

Она пристально посмотрела на него:

– Тогда я была немного полегче. Моя дочь по-прежнему работает в цирке.

– И вы часто видите?

– Нет.

С этими словами она забрала свой бокал с пивом и ушла. По идее, он должен был испытать облегчение, но этого не случилось. Постепенно Том начинал интересоваться этой женщиной, хотя она и была для него как страшный сон, но тем не менее. Дело не в пустом любопытстве: в рассказах Агнес Джо о прошлом имелись несостыковки, будоражащие в нем жилку пытливого репортера.

Пока Лэнгдон сидел в баре, поезд промчался сквозь Грэмский тоннель и вскоре замедлил ход по мере приближения к Камберленду, штат Мэриленд, – городу, некогда известному как Королева Аллеган^[23]. «Кэп» с небрежным изяществом проехал прямо вдоль главной улицы города. Том увидел кирпичные и деревянные дома, отель «Холидей Инн», «Макдоналдс» и местечко с вывеской «Спиртное со скидкой» – вероятно, пользующееся популярностью, поскольку горожан, судя по их виду, мучила жажда.

Вскоре они окажутся в Пенсильвании. Местные границы штатов были очерчены прерванным образом. Порой двигатель и хвост поезда находились в Мэриленде, а его середина – в Западной Виргинии. Это объяснялось тем, что граница Пенсильвании с соседним Мэрилендом была прямой линией, а точки соприкосновения Западной Виргинии с Мэрилендом следовали рельефу местности. К тому времени, когда они прошли Камберлендским проходом и спокойно въехали в Пенсильванию, Том был сыт по горло головоломками официальных границ штатов.

Пока он сидел и глядел на падающий снег, в вагон вошли Элеонора и Макс. За ними по пятам следовал верный Кристобаль. Том сделал глубокий вдох, допил свой бокал и подумал, не заказать ли коктейли оптом у своего друга Тайрона. Наверняка понадобится очень много алкоголя, чтобы пережить этот вечер.

Глава 11

Макс с Крестобалем были одеты в те же модные вещи. Последний не расстался с наушниками и «кобурой» для сотового на поясе и вошел с важным видом, словно некий футуристический гангстер в поисках неприятностей. Элеонора же переделалась в длинную бирюзовую юбку и белую джинсовую рубашку с поясом-цепочкой вокруг тонкой талии. Ее волосы были уложены. Возможно, подумал Том, она сейчас мылась в своей крошечной душевой, и горячая мыльная вода стекала по длинным изгибам ее... Нет, он совершенно точно не может думать об этом и сохранять рассудок. Тем не менее сам факт, что она освежилась и пришла сюда, чтобы (якобы) увидеть его, обнадеживал... до тех пор, пока он не заметил выражение ее лица. Оно было, мягко говоря, не преисполнено абсолютного блаженства. В затуманенном джином сознании Тома мелькнула мысль, что это выражение можно назвать смертоубийственным.

– Том! – воскликнул Макс полным энтузиазма тоном, явственно говорящим «я неприлично богат, и со мной невероятно интересно». Они дружно уселись в укромном уголке.

– Приношу извинения за опоздание, – сказал Макс. – Нам с Элеонорой надо было кое-что прояснить. Ох, ну и поездка выдалась, не так ли?

Крестобаль уставился в законный мрак, его красивое лицо выглядело скорбным.

– Что ж, по крайней мере, он тронулся.

– Это ваша первая поездка поездом, Крестобаль? – спросил Том.

– Да. И, надеюсь, последняя.

Лэнгдон был уверен, что его собеседник предпочитал частные самолеты, где льется рекой шампанское и никто не мешает развалиться в кресле-кровати, мечтая о будущем киномагната.

– Он принадлежит к другому поколению, – сказал Макс и игриво хлопнул ассистента по руке. – Он не любитель поездов, в отличие от нас с вами.

– Мы с Элли немало путешествовали поездами за границей. Как-то мы попали на старую развалюху маршрутом от Амстердама до Парижа. Сели в пять утра, думая, что пообедаем там. Нас не предупредили, что в поезде нечего есть, потому что у стюардов забастовка. Затем, медленно умирая от голода, мы заметили в полях, мимо которых проезжали, множество фотографирующих нас людей. Я подумал, может, поезд угнали – те же

бастующие стюарды – и теперь мы несемся навстречу гибели.

– Что же произошло? – спросил Макс.

– Когда мы доехали до Парижа, там маршировал оркестр. А затем блестящий алый экспресс пристыковался к старому, на котором приехали мы. Это был последний рейс устаревших поездов по этому маршруту, их заменяли экспрессами. Все следствие беспорядков. Так что, пока играл оркестр, мы потратили целый миллион франков, набивая животы. Помнишь, Элли?

– Меня теперь зовут Элеонорой, не Элли. И нет, я не помню этого.

Джин теперь наполнял Тома теплом от пяток до рта, расплывшегося в усмешке шириной с восьмидесятимиллиметровую гаубицу.

– Верно. Элли, все это в прошлом. Долой старое, вперед в новую, лучшую жизнь! – Он посмотрел на Макса: – Так вы сказали, вы с Элеонорой поговорили?

– Да, обсуждали всякое. Если хочешь, вы вдвоем можете приступить к делу прямо сейчас.

Том озадаченно уставился на Элеонору:

– Я думал...

– Когда Макса что-то будоражит, его энтузиазм быстро становится заразителен, – пояснила Элеонора тихим голосом, не встречаясь с ним взглядом.

– На тебя точно не надавили? – уточнил Том.

– Вовсе нет, – возразил Макс. – Ведь так, Элеонора?

Та кивнула.

– Хорошо, с чего начнем? – спросил радостный Том.

– А что вам уже удалось узнать? – ответил вопросом Макс.

Том откинулся назад и сжал в руках пустой бокал:

– Ну, для начала – в Висконсине выращивают женьшень. От него стариканы скачут в постели не хуже Рэмбо. На борту есть сумасшедшая женщина Агнес Джо, с которой почему-то все знакомы; она весит больше меня и выступала акробаткой в цирке братьев Ринглинг.

Он указал на Стива и Джули:

– Эти двое собираются пожениться в «Саутвест Чиф». Хорошие ребята, но боязливые. Мне дали знать насчет сотрудницы «Чифа», которая может рассказать много замечательных историй. Дама с картами Таро очаровала суровых бизнес-магнатов своими предсказаниями. Да, и Элвис Пресли переродился в негра по имени Тайрон, который подает коктейль «Котельная» в вагоне-люксе: если это варево не убьет вас на месте, то вызовет желание умереть от блаженства. А еще тут едет священник,

которому, возможно, придется соборовать меня, если мы не доедем до Лос-Анджелеса вовремя, потому что тогда моя девушка меня приберет.

Последние слова Том произнес, глядя прямо на Элеонору. В конце концов, это она бросила его. Та заморгала. Да, серьезно. Он понятия не имел, попало ли ей что-то в глаз или то была реакция на его слова, но, так или иначе, это немного отрезвило его.

– Ничего себе, неплохо уже нарыли, – заметил Макс.

– Репортер мирового класса всегда остается таковым. Как и Элли... то есть Элеонора.

– Она никогда не распространялась об этом, – сказал режиссер.

– Пожалуй, Тому и мне пора приступить к работе, Макс, – быстро сказала женщина. – У нас не так уж много времени.

Лэнгдон пожал плечами:

– Вообще-то времени хватает: весь путь до Чикаго, а потом до Лос-Анджелеса. Да такими, черт бы их побрал, темпами мы не расстанемся до весенней оттепели.

– Нет, я имею в виду, что мне, возможно, придется сойти в Чикаго и потом лететь в Лос-Анджелес самолетом. Личные дела, Макс. Так вышло.

Том поставил бокал. *Держу пари, проблема в том, что вошел я.*

– Значит, надо начинать, – сказал он.

Макс выглядел не слишком обрадованным возможной сменой планов Элеоноры, но затем перевел взгляда на Стива и Джули:

– Говорите, они поженятся в поезде?

Том описал положение дел с семьями обоих и тревогу Джули насчет малого числа гостей на свадебной церемонии. Макс выглядел заинтригованным и задал массу вопросов.

– Бедная девушка, – произнесла Элеонора тоном искреннего сочувствия. – Свадьбы должны проходить иначе.

Она посмотрела на Тома:

– Говоришь, она родом с гор Виргинии – из какого именно города?

– Она не сказала. А что?

– Если ты забыл, я выросла в восточном Кентукки, у самой границы с этим штатом. Вполне вероятно, я бывала в ее родном городе.

Столько разговоров о свадьбах... Том украдкой бросил быстрый взгляд на руку Элеоноры. Ни обручального кольца, ни помолвочного. Трудно поверить, что она не нашла никого другого. Тем не менее посмотрите на него самого.

– Так в каком жанре ваш сценарий? – спросил Лэнгдон. Он совершенно не разбирался в съемках, но попытался принять вид бывшего

специалиста по кино.

– Смотри что мы здесь найдем. Макс хочет романтическую комедию. Я больше склоняюсь к детективу с умеренно высокой горой трупов.

– Почему бы не совместить и то и то? Нет ничего забавнее груды покойников на рельсах, если сделать все должным образом.

Макс указал пальцем на Тома и посмотрел на Элеонору:

– Вот, видишь? Я уже обожаю этого парня. Он мыслит нестандартно. Том, вы никогда не задумывались о работе киносценаристом?

Взгляд Лэнгдона упал на Элеонору.

– Не ранее чем два часа назад.

– Это не так просто, как кажется, – ответила женщина.

– И каково же это? – парировал он.

Макс извинился и подошел к Стиву и Джули. За ним, как собачка, последовал Кристобаль. Режиссер завязал оживленный разговор, который Том, впрочем, не мог расслышать. Но речь шла о чем-то захватывающем, поскольку парочка выглядела совершенно потрясенной словами Пауэрса. Наверное, он часто оказывал такой эффект на людей.

– Макс что-то планирует?

– Как обычно, – ответила Элеонора.

– Никогда бы не подумал, что ты завершишь путь в Лос-Анджелесе.

– Все мы где-то завершим свой путь, – она подняла глаза вверх. – На себя посмотри. Прodelал путь от Бейрута до Дункана Файфа.

– Освещать войны – удел молодежи. Я уже не столь юн, – сказал Том и добавил: – Кроме того, сколько можно по-разному описывать, как люди истребляют друг друга? У меня уже пять лет назад закончился запас существительных, глаголов и прилагательных.

– И как, тебе хоть раз удалось изменить мир?

Хотя фраза звучала саркастически, судя по тону Элеоноры, она таковой не являлась.

– Оглянись вокруг и увидишь ответ.

– Ты продержался дольше многих.

Дольше тебя, подумал Том. После паузы женщина спросила:

– Как твои родители?

– Лишился обоих. Матери совсем недавно.

– Мне очень жаль, Том. Они были хорошими людьми.

Он поразмыслил, не сказать ли ей, почему он едет этим поездом, но в итоге передумал. Между ними больше нет ощущения близости.

Они наблюдали, как Макс и Кристобаль стремительно удаляются, оставив ошеломленную парочку хватать воздух ртами, как выброшенные

на берег рыбы.

– С чего начнем? – наконец задала вопрос Элеонора.

Лэнгдон встал и указал на Джули и Стива:

– Для начала неплохо.

Том представил молодым людям Элеонору, и все уселись рядом. Стив и Джули поочередно с восторгом объясняли, что именно им предложил Макс Пауэрс.

– Он берется украсить церемонию декорациями и даже музыкой, – сказала Джули.

– И сам все оплатит, – добавил с облегчением Стив. – Он обещал договориться с «Амтраком». Уж не знаю, как они отреагируют.

– Обычно Макс добивается того, чего хочет, – заметила Элеонора.

– Он и вправду знаменитый кинорежиссер? – спросила Джули.

– Да, – ответила Элеонора. И добавила: – Сердце у него почти такое же большое, как и самомнение.

– У меня такое чувство, словно мы только что выиграли в лотерею, – сказал Стив и сжал руку будущей невесты.

– Судя по всему, так и есть, – прокомментировал Том.

– Вы из какого района Виргинии? – спросила у Джули Элеонора.

– Из округа Дикенсон. Вы о нем, наверное, не слышали.

– Мой отец учился в школе Клинтвуда. Две мои тети живут в Виргинии, городе Гранди.

– О господи! – воскликнула Джули. – Никогда не встречала знакомых с этими местами людей.

– Я выросла на маленькой ферме в восточном Кентукки. По сравнению с тем местом Клинтвуд – мегаполис. – Женщина посмотрела на парочку. – Я считаю, вы поступаете очень храбро.

– Мы не чувствуем храбрости, – признался Стив, нервно рассмеявшись и бросив взгляд на Джули.

– Если вы искренне любите друг друга, сами удивитесь, чего сможете достичь.

Джули сжала руку Элеоноры:

– Вы родом оттуда же, откуда и я, – и вот чего добились. Меня бесит, что его родители не в состоянии понять, что важно не то, где ты родился, а чем ты занимаешься.

– Вы выходите замуж не за родителей Стива. Быть может, они никого не считают достойной парой для сына. Матери нередко так себя ведут. Дайте им время, и, вероятно, они передумают. Если же нет, это их проблемы, а у вас своя жизнь.

– То, что я выросла в таком месте, закалило меня. Я чувствую себя так, словно могу все.

– Когда ты вынужден полагаться почти исключительно на себя, это действительно закаляет – особенно когда люди даже не утруждаются познакомиться с тобой поближе, а сразу навешивают ярлык деревенского олуха. – И Элеонора добавила: – Но тем приятнее будет доказать их неправоту.

Джули приняла очень решительный вид:

– Верно. И у меня есть на примете много людей, заслуживающих такой мести.

Том слегка толкнул Стива локтем:

– Уже практиковался говорить «да, дорогая» и «нет, дорогая»? Думаю, с этой девушкой тебе очень пригодятся обе фразы.

Вошедший отец Келли осведомился, не хотят ли они спуститься вниз в комнату отдыха. Там сейчас шла игра в покер с высокими ставками. Они прервали свадебные разговоры и направились в отсек для взрослых.

Глава 12

Тому за свою жизнь доводилось посещать немало мест, где играли в покер. Обычно там сидели, зарывшись в карточные окопы, осторожные журналисты с каменными лицами и с низкой зарплатой, стремящиеся подзаработать.

Пока Сэм Клеменс ударно трудился в «Территориал Энтерпрайз», ему тоже довелось поучаствовать во многих джентльменских партиях в карты. На эти «дружественные» матчи он приносил с собой старый флотский револьвер – предположительно, на тот случай, если один из игроков увидит по ошибке положенный в сапог или рукав козырь и придет к неверным выводам.

На первый взгляд собравшиеся играть в вагоне-люксе выглядели вполне невинно, но Том знал: надо следить именно за типами, не вызывающими подозрений. Самую крупную сумму денег он проиграл в карты в прекрасном маленьком заграничном монастыре, местонахождение которого он не раскрыл бы и под страхом смерти – слишком смущающие обстоятельства. Мать настоятельница вытасила четыре дырявых стрита ^[24] подряд – без сомнения, непревзойденный рекорд в истории покера. Немного утешала его только мысль, что ни один игрок в карты, какой бы достойной личностью он ни являлся, не в силах победить противника, которому помогает сам Всемогущий Бог.

Поскольку в качестве фишек использовались картофельные чипсы, они купили несколько пакетиков «Доритос», а Элеонора на спор с Томом даже приобрела у Тайрона коктейль «Котельная». Чернокожий Элвис обменялся с журналистом триумфальными взглядами... пока женщина не осушила стакан одним глотком, вытерла рот тыльной стороной ладони и спокойно села за карты.

– Она не человек. Говоришь, ты ее хорошо знаешь?

– Я не уверен, – признался Том.

Они разыграли быстрые партии в покер, очко, червы, пики, джин, юкер и другие семейные развлечения и закончили практически с таким же запасом чипсов, с каким начинали, плюс кучей материалов для рассказа Тома и фильма Элеоноры. Один мужчина с шестью пальцами на руке часто побеждал. Лэнгдон предположил, что дело в анатомическом преимуществе и, быть может, припрятанном где-то козыре-другом, хотя у него и не было никаких доказательств – без которых, как его проинформировали, не

примут никаких мер, – не считая логично обоснованных сомнений. Еще был один несносный тип, который фыркал каждый раз, когда брал куш, высмеивал ошибки в игре соседей и в целом тяготил остальных. В какой-то момент Элеонора нагнулась к Тому и шепнула на ухо:

– Этого парня разделают в самом начале фильма.

Когда они встали и собрались уходить, Том вытащил гаванские сигары и предложил отцу Келли, который также оказался сообразительным игроком. Свои успехи он объяснял так: «В первые годы служения у меня в приходе было слишком много свободного времени».

– Пройдемте покурим, отец.

Элеонора последовала за ними, хоть и не курила – во всяком случае, насколько ее знал Том. Он кинул на нее вопросительный взгляд.

Та пожала плечами:

– Макс всем заправляет. Отдал десятицентовик – отдавай и доллар^[25].

В вагоне были вентиляторы, которые, в теории, должны быстро очищать воздух от дыма. Однако, судя по начавшей портиться атмосфере, автоматика сдалась и бежала с поджатыми между ног пропеллерами.

Большинство сидений уже заняли, но им удалось найти позади три свободных. Несколько курильщиков положили лист фанеры на одну из пепельниц и теперь играли в шашки на импровизированном столе. Другая группка обсуждала грядущий футбольный плей-офф. Хотя на табличке на двери было написано, что с едой и напитками вход воспрещен, каждый что-нибудь жевал или пил. Один мужчина сказал, что нет ничего страшного, если только не войдет проводник: тогда все обладатели запрещенных товаров должны быстренько их спрятать. Том оглядел бутылки пива, огромные брикеты мороженого и большие бутылки непохожих на «Кул-Эйд» самодельных коктейлей, и задумался, как же это все собираются прятать.

Они расселись и попытались дышать в такой атмосфере, не нанося большого ущерба легким. Отец Келли и Том закурили сигары, а Элеонора откинулась назад и закрыла глаза.

– Устала? – поинтересовался Том в промежутке между затычками. – Должно быть, ты еще не отвыкла от часового пояса Западного побережья.

– Вообще-то, перед поездкой я провела неделю в Вашингтоне.

– А что тебя там интересовало?

– Не что, а кое-кто, – ответила она, так и не открывая глаз.

Том опустил руку с гаванской сигарой и принялся бесцельно оглядывать посетителей курильни. *Кое-кто*. У Элеоноры кто-то есть. Ну а почему бы нет, собственно? Она по-прежнему молода, умна, красива и, наверное, – столько работая в киноиндустрии, – богата. А у него тоже был

кое-кто в некотором смысле. Как там ее зовут? Линда? Нет, Лелия. Такая забывчивость – нехороший знак.

Погоня за Элеонорой началась в тот миг, когда он впервые увидел ее. Стоило ей войти в кампус, как все начало прокручиваться словно в замедленной съемке, как будто на целом белом свете остались только они двое. Дело было не только в ее красоте, но, как обычно, в совокупности факторов: как она держалась, как разговаривала, как смотрела тебе в глаза и искренне вслушивалась в твои слова. Впрочем, и это еще не все: как и говорила Агнес Джо, Том готов был позабыть про еду, сон и даже дыхание, если только рядом была Элеонора. А ее уже вполне сформировавшийся характер тоже оказался притягателен по-своему. Она всегда высказывала собственное, не чужое мнение, била в цель убийственно точно и неизменно безответно. Почти всегда за эмоциональным взрывом следовало мягкое прикосновение ее руки и в конце концов ее губ; победив в напряженной борьбе несколько других серьезно настроенных поклонников, он покорила ее сердце.

Раздумья Тома прервало внезапное появление в дверном проеме парня ростом под два метра, худощавого, лет двадцати пяти, оглядывающего присутствующих с очень самодовольным видом. У него была шикарная борода, выцветшие джинсы и потрепанный ремень, шелковая рубашка из дорогой дизайнерской линейки, волосы казались взъерошенными профессиональным стилистом, а джинсы, похоже, нарочито, пусть и преждевременно, состарены. *Притворяется неряхой*, – решил Том. Очевидно, у парня завышенная самооценка.

Под мышкой он нес шахматную доску и коробку с фигурками. Лэнгдон глядел, как незнакомец методично расставляет шахматы. Элеонора тоже смотрела на вошедшего широко открытыми глазами. В течение следующего часа он разносил всех смельчаков в пух и прах. Как пояснил отец Келли, поездом путешествуют множество любителей шахмат.

– Что-то в атмосфере поезда привлекает их, особенно комнаты для курения, – сказал он. – Я даже слышал, что гроссмейстеры ездят инкогнито и играют со всеми желающими, просто чтобы оставаться в форме. И изредка проигрывают.

Зачем гроссмейстерам ездить именно инкогнито? – задался вопросом Том. Тем не менее он предпочел молчать и смотреть. Этот парень был очень, очень умелым игроком. Партии длились в среднем всего по десять минут. После каждого поражения, когда его униженный соперник удалялся, он заливался смехом. Смехом! И затем громко и пренебрежительно объявлял: «Следующая жертва!» Если б Тому светил хоть малейший шанс

на победу, он бы рискнул, однако даже шашки были для него перебором.

Прошло немало времени, прежде чем отец Келли ушел. Вряд ли он вернется, поскольку принял немало на грудь, а дым, по-видимому, добил его.

– Не уверен, смог бы я сейчас отстоять мессу. Я даже не уверен, вспомню ли, сколько составляющих в Святой Троице. Даже с подсказками.

Том пожелал ему спокойной ночи и стал наблюдать за Элеонорой, которая встала с места и бросила вызов шахматному королю. Его, как выяснилось, звали Слейд. Она была единственной женщиной в помещении, так что неудивительно, что все взгляды сосредоточились на ней, когда она села напротив объекта всеобщей ненависти. Когда она сделала первый ход, на лице Слейда красовалось такое самоуверенное выражение, что Тому захотелось скормить ему в качестве наказания пару ладей. Лэнгдон даже не подозревал, что она играет в шахматы. А потом вспомнил. Когда они жили в Израиле, то подружились с раввином – исключительно одаренным шахматистом. Он научил Элеонору одной стратегии – только одной, но она почти гарантировала победу. За первые три хода можно понять, знает оппонент про нее или нет. И, видимо, она лучше всего работала против самых талантливых игроков, в особенности если те излишне самоуверенны.

Три хода спустя Том заметил крошечный намек на улыбку на губах Элеоноры и заговорщически улыбнулся в ответ. Четырьмя ходами позже могущественный и взъерошенный Слейд смотрел на поле, не веря своим глазам. Элеонора поставила его черному королю шах, не оставляя вариантов, кроме как бежать в объятия ее белого ферзя или слона. Из закопченных легких курильщиков вырвались хриплые вопли одобрения, они даже поаплодировали ей стоя. Том, находящийся под действием алкоголя и порыва эмоций, аплодировал до тех пор, пока ладони не налились кровью. Слейд схватил доску с фигурами и ушел, бормоча что-то насчет везения новичков. Не будь у Элеоноры *кого-то* в Вашингтоне, Том, наверное, поцеловал бы ее.

Он смотрел на нее, и в его сознании роились самые разные варианты. Ему словно снова стало двадцать пять; они с Элеонорой бросили вызов всему миру – одна статья за другой. Все в их власти.

Это потрясающее ощущение сохранялось еще минуты четыре, а затем пропало.

Глава 13

Вошедший в спальное купе Тома человек в черном забрал дорожную сумку; следующей его добычей стал серебряный крест отца Келли. После чего вор перешел в другие купе первого класса, где выкрал позолоченный зажим для денег Макса, серебряную щетку Элеоноры и фирменные солнечные очки Кристобая стоимостью в четыре сотни долларов. Последней на данный момент целью стало купе Гордона Мерриюзера: вор похитил у юриста модные часы, наличные и карманный компьютер «Палм Пайлот». Все преступления были совершены в течение десяти минут – у этого человека имелся большой криминальный опыт. Никто ничего не заметил, а когда по коридору прошла Реджина, чтобы заново наполнить кофейник у лестницы, вора с добычей и след простыл.

Первое ограбление поезда в Соединенных Штатах произошло в 1866 году в Индиане на старой железнодорожной линии Огайо – Миссисипи. Двух грабителей – бывших солдат, участников Гражданской войны, брошенных на произвол судьбы после почетной сдачи Ли^[26], – быстро схватили. За этим последовало множество других ограблений, однако бурный рост щедро финансируемого детективного агентства Пинкертона, сотрудники которого в среднем стреляли намного лучше, чем их добыча, включая банду Джесси и Франка Джеймсов, вскоре положили конец этому прибыльному бизнесу. Ехавший же в «Кэпитол Лимитед» вор прилично заработал без единого выстрела. Бедняга Джесси, несомненно, обзавидовался бы.

* * *

Том с Элеонорой стояли перед входом в курительную комнату и делали глубокие вдохи, чтобы очистить легкие.

– Ты просто разнесла этого парня. Выражение его лица... это было потрясающе.

Он заключил ее в объятия, на которые она ответила лишь отчасти.

– Слава богу, что в Тель-Авиве нашелся раввин-шахматист. Как там его звали?

– Не помню, – тихо ответила женщина.

Лэнгдон посмотрел на нее, и его прекрасное расположение духа

испарилось, сменившись куда более угрюмым. *Какой-то раввин, Тель-Авив, сцена их последней встречи, больше похожей на чертову битву.*

Тому не следовало этого делать, и он это знал, но все равно не мог устоять: мозг и язык как будто настроились на то, чтобы сболтнуть в неподходящий момент:

– Можешь рассказать мне теперь, когда у тебя было столько лет на раздумья?

– Рассказать что?

– О, даже не знаю; быть может – для начала, – причины, по которым ты бросила меня много лет назад? С этого начнем, а дальше разберем остальное.

– Хочешь сказать, ты понятия не имеешь почему?

– Откуда мне знать? Твои слова тогда были лишены всякого смысла.

– Потому что ты, как обычно, не слушал. Не моя проблема.

– Ты прекрасно понимаешь, что это чушь.

– Я не собираюсь стоять и выслушивать твои бессвязные речи.

– Ты права. Сядь на пол, а я продолжу. Я готовился к этому годами. Собственно, я могу вести «бессвязные речи» до тех пор, пока старый добрый «Саутвест Чиф» не доедет до Тихого океана, – а это будет через три дня!

– Я знала, что так все и выйдет, – поняла это, как только увидела тебя. Ты ни капли не изменился.

– Чего именно ты ожидала, Элли?

– *Элеонора.*

– Прости меня, я на секунду погрузился в прошлое, когда ты была просто Элли.

– Ты невероятно бесишь и глубоко заблуждаешься. Ты хоть когда-нибудь снимаешь с глаз гигантские шоры и видишь мир таким, какой он есть?

– Я видел немало, намного больше, чем основная масса людей, и никогда не носил розовых очков!

– Я не это имела в виду. Ты видел то, что хотел увидеть, – только и всего.

– Дело было в другом парне, не так ли?

Элеонора закатила глаза и пренебрежительно махнула рукой:

– И почему мужчины всегда думают, что дело в другом парне, когда обычно они изменяют сами?

– Я никогда не изменял тебе! Никогда!

– Я и не говорила, что ты изменял. Могу сказать то же самое про себя.

– Тогда почему ты меня бросила?

Женщина устало покачала головой:

– Том, раз ты до сих пор не понял, то никакие мои слова не прояснят ситуацию.

Он уставился на нее:

– Прошу прощения, я плохо разбираюсь в женском языке. Можешь помочь мне расшифровать его? Что, черт возьми, ты только что сказала?

Элеонора покачала головой:

– Даже после всех этих лет ты так и не сумел.

– Не сумел чего?

– Вырасти! – огрызнулась Элеонора.

Прежде чем он успел ответить, послышалось пение. В следующую минуту пара смотрела, как вокруг собирается толпа исполнителей рождественских песен, включающая сотрудников и пассажиров поезда. Взявший перерыв в баре Тайрон возглавлял процессию и энергично напевал «Я вернусь домой к Рождеству» – правда, учитывая пожелания некоторых чопорных присутствующих, он почти не крутил бедрами, держась в рамках приличий. Сзади шла Агнес Джо, в одиночку обеспечивающая басовую партию.

– Не хотите присоединиться? – спросил Тайрон. – Мне хотелось бы познакомиться с дамой, которая так лихо справляется с «Котельной».

Элеонора скрестила руки на груди и зашагала прочь.

Тайрон посмотрел ей вслед, затем перевел взгляд на Тома:

– Эй, я что-то не так сказал?

– Нет, Тайрон, я что-то не так сказал.

И Том тоже ушел.

Он подумал, не пойти ли за Элеонорой и возобновить «дискуссию», но не нашел в себе сил. Кроме того, он боялся – боялся скорее своих слов, чем слов Элеоноры. По пути обратно в купе он услышал доносящийся с нижнего этажа вагона смех. Посмеяться сейчас не мешало бы. Лэнгдон торопливо спустился по лестнице и повернул направо, следуя на звук. Здесь купе были подешевле и поменьше, чем у него. Без душевых, но с уборными и раковинами. В конце коридора у дверей одного из купе стояли Реджина и дама с картами Таро, разговаривая с кем-то внутри.

Реджина увидела его и помахала рукой. Подойдя ближе, он заметил сидящую на стуле в купе пожилую женщину. Затем – сложенную инвалидную коляску, прислоненную к стулу напротив. Том повернулся к даме с Таро и внимательно ее оглядел. На ней по-прежнему красовался разноцветный головной убор, однако она переобулась из деревянных

туфель в тапочки. Тем самым ее рост уменьшился на четыре дюйма – женщина оказалась довольно маленькой. При ближайшем рассмотрении он увидел чрезвычайно яркие голубые глаза, полные озорства и обаяния, и теплую улыбку. Том заметил, что в расположенном через проход купе есть светлая, украшенная бисером дверь с оттянутой и закрепленной занавеской. Еще ему почудился запах фимиама, хотя, вероятно, в поездах «Амтрака» такое строго запрещено.

– Полагаю, это ваше купе, – обратился он к даме с Таро.

– Надо же, мистер Лэнгдон, у вас развитые экстрасенсорные способности, – сказала она с хриплым смехом.

– Откуда вы... – он оборвал себя на полуслове и посмотрел на Реджину. – Да, инопланетяне тут ни при чем. Это вы ей сообщили.

– Познакомьтесь с Друселлой Пардо, Том, – представила женщину Реджина. – Можете ничего ей не говорить, она и так все знает.

Друселла изящным жестом протянула руку:

– Близкие друзья называют меня Мисти. И я заранее знаю, что мы станем хорошими друзьями, так что можешь сразу так ко мне обращаться.

У Мисти был южный акцент, но с особенной ноткой.

– Из Нового Орлеана? – спросил он.

– Да – через Балтимор. Очень хорошо, ты догадливый, Том.

Она подошла ближе, и он пришел к выводу, что запах фимиама на самом деле был запахом духов Мисти.

– Раньше Мисти работала дипломированным бухгалтером в Балтиморе, – пояснила Реджина.

– У меня обнаружился математический дар, а дары следует применять в более высоких целях, чем уклонение от налогов, – верно, Том?

– Несомненно.

– Ты права, Реджина: он *милый*, – сказала женщина с инвалидной коляской. Она доедала стоящий перед ней на подносе ужин.

– Не знал, что в этом поезде подают еду и напитки в купе, – с улыбкой сказал Том. – Мне пришлось тащиться в вагон-ресторан.

– Разумеется, подают, – дама улыбнулась в ответ. – Все, что вам нужно, – иметь вот это, – она указала на свое инвалидное кресло, – и тогда Реджина принесет ужин прямо к вам.

– Где же мои манеры, – посетовала проводница. – Позвольте представить вас друг другу: Линетт Монро, Том Лэнгдон.

Линетт было около шестидесяти пяти. Длинные седые волосы, изящные черты – она по-прежнему выглядела очень привлекательно. Несмотря на инвалидность, она, похоже, пребывала в прекрасном

настроении.

– Я слышала, вы работаете с этими киношниками, Том, – сказала Реджина.

– Там настоящий Макс Пауэрс? – спросила Линетт. – Обожаю его картины.

– Женщина, которая с ними, – начала Реджина, – в списке пассажиров значится как Элеонора Картер, но, думаю, на самом деле она – едущая инкогнито кинозвезда или кто-то в этом роде. У этой дамы есть стиль. И она потрясающе красива. Том, она кинозвезда?

– Вообще-то, я знаком с ней – она сценарист, не актриса. Хотя не буду спорить насчет стиля и кра-соты.

А вот в ее здравом уме он прямо сейчас сомневался.

– Вы уже познакомились – в смысле, не сегодня?

– Да, много лет назад. Вместе делали репортажи.

– Как я слышала, это не все, – сказала Мисти. Том уставился на нее:

– Что тебе известно?

– В поезде слухи распространяются быстрее, чем в любом другом месте, – кроме, пожалуй, церкви. Люди случайно слышат – ну, ты понимаешь, – она придвинулась еще ближе к Тому, – тесные купе и все такое.

– Хочешь сказать, люди подслушивают.

– Ну, можно и так сказать, хотя это менее вежливо. Мой девиз таков: если у тебя не найдется для кого-нибудь хороших слов, разыщи Мисти и расскажи ей все, что у тебя на уме.

– Дамы, мне пора идти, – сказал Лэнгдон и мягко отстранился от Мисти.

Реджина взяла поднос Линетт:

– Мне тоже.

Когда они уходили, Друселла окликнула:

– Эй, Том!

Тот повернулся. Женщина раскинула веером карты Таро.

– У меня возникло предчувствие, что между нами есть некая связь.

– Мисти, у него есть девушка в Лос-Анджелесе, он едет к ней на Рождество, – сказала Реджина. – Она озвучивала «Каппи – волшебного бобра» на телевидении.

Том ошеломленно уставился на нее:

– Откуда вам известно *это*?

– Агнес Джо рассказала.

Он с раздражением посмотрел на обеих женщин:

– С такими дамами, как вы, зачем нам вообще ЦРУ?

– Ну же, Том, – нарочито медленно произнесла Мисти, – взрослому мужчине нужна взрослая женщина. Мультики не согреют тебя по ночам, дорогой.

– Эта Мисти – что-то с чем-то, – сказал Лэнгдон Реджине после того, как они взобрались по лестнице.

Девушка улыбнулась:

– Она просто демонстрирует дружелюбие в стиле южан. Не имеет в виду ничего серьезного. Ну, или отчасти не имеет в виду. Мы близкие друзья.

– Как я понимаю, она много ездит поездами.

– О да. Предсказывает людям судьбу, читает по ладоням, раскладывает карты – все это бесплатно. Обычно она едет поездом «Кресцент» из Колумбии в Новый Орлеан. Во Французском квартале у самой площади Джексона у нее маленький магазинчик. Я там бывала, там здорово.

– А что насчет Линетт? Мило с вашей стороны принести ей еду.

– Ну, тяжело передвигаться по поездам в коляске. И у нее рассеянный склероз, но она все равно никогда не опускает рук. Мы отлично проводим время.

– Похоже, вы хорошо знаете своих пассажиров.

– Они для меня очень многое значат. Вообще-то...

– Ах ты, воришка!

Они повернули головы и увидели Гордона Мерриюзера.

– Прощу прощения? – сказала Реджина.

Мерриузер, громко топая, направился к ним:

– Меня обокрали. И, держу пари, это сделала ты. Собственно, ты единственная, кто мог это сделать. Я лишу тебя работы, и ты проведешь Рождество в тюрьме, – прорычал он.

– Постойте, – ответила Реджина. – Мне не по душе ваш тон и ваши обвинения. Если у вас что-то пропало, я заполню заявление, и мы уведомим соответствующие органы.

– Не читай мне нотации, – огрызнулся Мерриузер. – Я хочу вернуть мои вещи. И прямо сейчас.

– Поскольку мне неизвестно, что это за вещи и кто их взял, это будет затруднительно, сэр.

Том встал между ними:

– Послушай, Горд, я не знаменитый адвокат, в отличие от тебя, но даже я в курсе, что люди невиновны, пока не доказано обратное. Если нет прямых улик, кто именно украл твои вещи, то ты клеветешь на эту

женщину прямо при свидетеле, а это может обойтись дорого, как ты наверняка знаешь.

Мерриузер впился в него взглядом:

– Да что ты знаешь о клевете?

– Меня зовут Том Лэнгдон. Я журналист, занимающийся расследованиями; получил Пулитцеровскую премию, между прочим. Как-то я написал историю про американского юриста в России, который занимался очень плохими делами. Теперь он строчит апелляции из тюрьмы. И, как я обнаружил, если и есть более могучая сила, чем юридические документы в суде, то это опубликованная в газете история, в которую вцепится весь свет.

Мерриузер отступил на шаг и резко обратился к Реджине:

– Мой «Палм Пайлот», две сотни наличных и часы «ТАГ Хойер». Или они вернутся ко мне до того, как я сойду в Чикаго, или полетят головы.

Он удалился.

Том и Реджина с шумом выдохнули.

– Ну и уникам, – сказал Лэнгдон. – Быть может, он услышал, что здесь едет Макс Пауэрс и теперь пробуетея на роль Скруджа^[27].

– Мать учила меня любить всех, но она никогда не встречала Гордона Мерриузера.

– Как я понимаю, вы на него уже напоролесь ранее?

– Как и все работающие в этом поезде. – Она сделала паузу. – Спасибо, Том. Огромное спасибо.

– Да ничего, вы бы и сами справились.

– Вы правда выиграли Пулитцеровскую премию?

– Нет, на самом деле я выиграл две премии.

– Ничего себе. Впечатляет.

– На самом деле нет. Все, что нужно сделать, – это провести жизнь, мотаясь из одной ужасной дыры в другую и делая записи обо всех встреченных кошмарных вещах. Цивилизованный мир прочтет и забудет, но погладит тебя по головке за старания и наградит премией в благодарность за то, что ты ничего не изменил.

Он ушел к себе в купе, чтобы выспаться.

Глава 14

Элеонора направилась прямо к себе в купе, задвинула и заперла дверь и задернула занавеску. Затем медленно опустилась на кровать, застеленную Реджиной во время ужина. Она выключила свет, оставшись сидеть в темноте и смотреть в окно. Снегопад снаружи повалил еще сильнее. Поезду снег не слишком мешал, «Кэп» шел полным ходом. Они пронеслись мимо скоплений скромных домиков, далее – мимо густых лесов и пробивающихся местами сквозь землю ручьев. Дым из домовых труб клубился и как будто оставлял на снежных завихрениях таинственные послания, которые Элеонора была не в силах расшифровать. Ее пальцы скользили по холодному стеклу, оставляя свои следы-символы на гладкой поверхности. Женщина начала тихо плакать, уткнувшись головой в оставленную Реджиной в углу подушку. Ее скрутило отчаяние.

Пока она смотрела в окно, перед ее взором предстал совсем иной ландшафт. Как и Том ранее, она мысленно перенеслась в Тель-Авив. Там она испытала такое счастье и в то же время несчастье, что такое раздвоение почти свело ее с ума. А быть может, действительно свело тем рождественским утром, когда ее совместное с любимым мужчиной будущее растаяло. Она по-прежнему живо помнила, как оглядывалась на него, стоя на лесенке, как он попросту отвернулся и ушел. От этого воспоминания полились слезы, а жесткий контроль, под которым она держала свою жизнь, обратился в ничто. Она думала, что Том не сможет никогда снова оказать на нее такой эффект, и тем не менее у него получилось: всего лишь посмотрев на нее и перемолвившись несколькими словами. Она оказалась беспомощна.

От стука в дверь Элеонора напряглась. Она не готова встретиться с ним – ни прямо сейчас, ни, возможно, никогда.

– Элеонора? Ты не спишь, верно?

Затаившая было дыхание женщина с облегчением выдохнула. Это Макс, не Том.

– Одну минутку.

Она включила свет, вытерла лицо мокрым полотенцем и потянулась за расческой, однако той на месте не обнаружилось. Элеонора пригладила волосы пальцами и открыла дверь.

Макс быстро вошел в купе и закрыл за собой дверь:

– Все в порядке? Выглядишь не очень.

– Наверное, я просто устала.

– Что ж, со свадьбой все улажено. Я поговорил с сотрудниками «Амтрака» – они совсем не против.

– Чудесно, – тихо ответила Элеонора.

– А как дела с Томом? Нарыли что-нибудь годное?

– Есть отличный материал. Я вскоре структурирую заметки.

– Вот он – дух первооткрывателя. Едешь поездом не ради того, чтобы быстро куда-то добраться, а ради самого путешествия. Ради сюрпризов.

– Что ж, меня-то в этой поездке точно удивили.

Мужчина посмотрел на нее с нежностью:

– В жизни часто случаются забавные совпадения. Как-то я зашел перекусить в «Пауло» – ну, знаешь, это тот очень дорогой итальянский ресторан возле Родео-драйв? Так вот: захожу и вижу – кого бы вы подумали? Не одну, и не две, а всех трех моих бывших жен.

– Это потрясающе. Они все пришли по отдельности?

– О нет. По-видимому, они встречались там каждый вторник и беседовали на тему, какой я ужасный муж. Это у них вроде книжного клуба, только по иным интересам – распинать вашего покорного слугу. Разумеется, они никогда не упоминают выплачиваемые каждой алименты, благодаря которым могут просиживать на своих модно одетых задницах по четыре часа в пятизвездочном ресторане и жаловаться на меня.

Он посмотрел на нее.

– Не хочешь рассказать мне про этого Лэнгдона? Если хочешь знать мое мнение, вы были совсем не просто коллеги-репортеры.

Элеонора нервно теребила руки:

– Помнишь, когда мы только начали работать вместе, ты спросил, что побудило меня заняться писательством, что мной движет?

– Конечно, помню. Я задаю этот вопрос всем своим сценаристам.

– Так вот, ответ на этот вопрос – Том Лэнгдон.

– Не понимаю.

– Макс, я любила его. Любила всей душой. Когда все закончилось, во мне осталась пустота – дыра размером с мертвую звезду. Единственной отдушиной стало писательство.

– Мне повезло. А про тебя так не скажешь, – тихо произнес Макс. – Значит, ты любила его, а он явно по-прежнему испытывает к тебе чувства. Что произошло?

Она встала и начала расхаживать по комнатке под его взглядом. И наконец ответила:

– Люди могут любить друг друга, но желать разного. В таком случае

отношения не работают, какими бы сильными ни были ваши чувства.

– Так чего хочет Том?

– Не уверена, знает ли он сам. Я же знаю, чего он не хочет: быть привязанным где-либо или кем-либо.

– А ты знаешь, чего хочешь ты?

– Кто знает, Макс? Кто на самом деле знает, чего ему хочется?

– Что ж, полагаю, лучше об этом спрашивать не меня: мои интересы постоянно меняются. Но, как по мне, это часть жизни. Быть может, то, чего все мы хотим, – это счастье. И находим его каждый своим путем.

– Если находим. Многие так никогда и не обретают счастья. Возможно, я одна из них.

– Элеонора, ты умная, талантливая, успешная и прекрасная женщина в расцвете лет.

– И, быть может, эта женщина не нуждается в мужчине, чтобы чувствовать себя полноценной.

Макс пожал плечами:

– Может быть. Я и не имел в виду, что каждый должен заключить брак, чтобы стать счастливым.

– Тогда что ты имеешь в виду?

Режиссер встал:

– Я хочу лишь сказать, что не стоит делать сразу вывод, что для счастья тебе не нужен близкий человек.

* * *

Макс вышел и направился в купе Кристобаля. Оказалось, его ассистент разворошил всю комнату.

– Что это ты делаешь? – спросил Пауэрс.

– Ищу свои солнечные очки.

– Солнечные очки! Посмотри за окно, уже ночь.

– Я имею в виду, что они пропали.

– Так купи другие.

– Эти стоили четыреста долларов!

Макс пристально поглядел на него:

– Сколько именно я тебе плачу, Кристобаль?

Молодой человек сглотнул и нервно посмотрел на босса:

– Я откладывал на них целый год.

- Угу. Слушай, со свадьбой все улажено.
- Замечательно, сэр. Вы гений.
- Как ты каждый раз утверждаешь... Так, задание ты получил. Чтобы никаких ошибок.
- Я когда-нибудь подводил вас, мистер Пауэрс?
- Да, знаю, но пойми: никто не идеален, я просто не хочу, чтобы в первый раз ты провалился на этом задании. Ясно?
- Понимаю, сэр.
- Ты хороший парень, но когда мы приедем в Лос-Анджелес, я урежу твою зарплату.
- Почему, сэр? – спросил ошеломленный Кристоаль.
- Потому что даже я не трачу по четыреста баксов на солнечные очки, вот почему.

* * *

Том лежал на кровати и разглядывал дно находящейся над ним койки. Он ненадолго заснул, но теперь совершенно проснулся. Он встал и достал блокнот, однако ручку найти не сумел. Затем обыскал все купе, но ручка не обнаружилась. Она имела для него особое значение: Элеонора подарила ее после их первого совместного путешествия за границу. Наконец журналист отчаялся искать и, услышав музыку, вышел в коридор. Мелодия доносилась из купе Агнес Джо; дверь была открыта, свет включен. Он подошел к порогу и украдкой заглянул внутрь. Агнес Джо сидела полностью одетая, а на складном столике рядом с ней стоял подключенный к розетке старинный электропатефон. Он узнал песню: «Тихая ночь». Агнес Джо повернула голову, заметила его и, по-видимому, немного смутилась:

- Надеюсь, музыка тебе не мешает.
- Да ладно, что может быть лучше рождественских песнопений в рождественскую неделю?
- Пение в компании Тайрона привело меня в особое настроение. Я беру этот маленький патефон с собой повсюду. Он принадлежал моей матери. Можешь войти и тоже послушать.

Мгновение поколебавшись, Том сел на кушетку. Похоже, женщине не помешала бы компания.

Она тепло посмотрела на него:

- Реджина рассказала, как ты помог ей с мерзким юристом. Ты сегодня

сделал доброе дело, Том. Вел себя как ангел-хранитель.

– Ну, недаром говорят, что под Рождество появляется необычайно много ангелов-хранителей.

– Никогда не слышала. Ты это сам только что придумал?

– Вообще-то, думаю, да.

– Хотя эта идея радует.

Они сидели и слушали веселые рождественские песни. Купе пахло сиреневым мылом и было очень уютным. Лэнгдон заметил битком набитый вещевой мешок между стулом и стеной, отчасти укрытый одеялом. Когда он оглянулся, Агнес Джо пристально смотрела на него с печальным выражением лица. В ту же секунду мимо по коридору прошло семейство: мать, отец и двое детей. Они смеялись, а мальчик чуть пританцовывал и едва не упал.

– Приятно быть в поезде под Рождество. Люди в хорошем настроении. Отправляться в такое путешествие семьей просто замечательно, – сказала Агнес Джо.

– Так почему вы не проводите Рождество с родными?

– Девушка не придет, если ее не пригласить на вечеринку, не так ли?

– Значит, вы с дочерью не ладите?

– Я с ней вполне лажу. А у нее, похоже, есть ко мне претензии.

– Прошу прощения, Агнес Джо. Искренне сожалею.

– Впрочем, в поезде я завела множество друзей.

– Как там сказала дама в вагоне-люксе: друзья – одно дело, а родные – совсем другое.

Женщина улыбнулась:

– Вязальщица Паулина? Да что она вообще знает? И, к слову, я в жизни не видала такого уродливого свитера.

Сделав паузу, она добавила:

– По мне, семья там, где ее найдешь. Нужно только поискать. Взять хотя бы тебя.

– Что вы под этим подразумеваете?

– Я про ту даму-киношницу, Элеонору. Это та самая Элеонора из прошлого, верно? Единственная любовь всей твоей жизни?

– Теперь мы даже не друзья.

– Однако могли бы стать. И намного больше, чем друзьями.

Он покачал головой:

– Нет. Слишком поздно.

– Тут ты ошибаешься, – она проигнорировала его озадаченный взгляд и продолжила: – Я повидала достаточно на своем веку, чтобы точно знать,

что пара, способная сделать жизнь друг друга настолько несчастной, должна испытывать очень сильные взаимные чувства.

Том поблагодарил Агнес Джо за музыкальную интерлюдия и вернулся к себе. Однако он не намеревался тратить время попусту на то, чего, очевидно, никогда не случится. Он уже лишился Элли однажды, и это его полностью опустошило – годы спустя последствия все еще отзывались мучительно. Он не собирался рисковать и снова испытать такую боль. Прошлое мертво, о возрождении не может быть и речи. Том уже смирился с судьбой, когда в дверь просунулась голова отца Келли:

- Случайно, не видели серебряный крест?
- Нет, а что, вы его потеряли?
- Во всяком случае, не могу найти.
- Странно. У меня пропала ручка.

Священник пожал плечами и ушел, а у Тома зазвонил телефон. Он посмотрел на часы и понял, что уже за полночь. Лэнгдон нажал на кнопку «ответить»:

– Привет.

Звонила Лелия из Лос-Анджелеса:

– Я отслеживала твой маршрут через Интернет. Согласно расписанию ты сейчас в Питтсбурге, верно?

Том посмотрел наружу и попытался разглядеть табличку станции, благо поезд замедлял ход. Несколько секунд спустя он ее увидел: Коннелсвилль, Пенсильвания. Они находились далеко от Питтсбурга. Должно быть, сделали еще остановку, пока он спал.

– Так ты в Питтсбурге, верно? – повторила вопрос Лелия.

– Ага, отсюда виден стадион. Помнишь ту потрясающую команду «Стилерз»^[28] из семидесятых?

– Не слежу за бейсболом. Но я точно знаю, что ты сейчас должен быть в Питтсбурге.

– «Стилерз» – футбольная команда. И ты понимаешь, что у меня сейчас уже за полночь?

– Как ты можешь спать в поезде? Разве там не слишком шумно и не трясет?

– На самом деле поездка проходит прекрасно, и я сейчас спал, – солгал он.

– Можешь разложить вещи прямо здесь, Эрик, – обратилась к кому-то Лелия.

– Эрик? Кто такой Эрик? – спросил Том.

– Мой СТТ.

- СТТ? Звучит как название болезни.
- Специалист по терапии тела. Здесь такое очень популярно.
- О, уверен, так и есть. Так что старик Эрик будет для тебя делать, когда вы в доме вдвоем?
 - Ухаживать за нижней частью спины, коленями и еще делать педикюр.
 - Нижняя часть спины и колени. А то, что между ними?
 - Чего?
 - Ты в ходе этого процесса одета?
 - Не глупи. Я прикрываюсь полотенцем.
 - О, ну хоть это радует. Слушай, зачем тебе приглашать домой этого парня? Я думал, ты привязалась к тому модному спа-салону.
 - У меня заболела спина, а ногтям на ногах срочно потребовался уход: завтра я надену туфли на высоком каблуке с открытым носом.
 - Да, похоже, это можно охарактеризовать как кризисную ситуацию. Так почему бы не попробовать грелку и щипчики для ногтей? Для других американцев это вполне работает.
 - Я не «другие американцы».
 - Откуда ты знаешь этого Эрика?
 - Он мой инструктор по кикбоксингу. Подрабатывает терапией.
- Хотя существовало немало искренних энтузиастов кикбоксинга, когда Том посетил одно из занятий Лелии в Лос-Анджелесе, все, что он увидел, – это в основном бухгалтеры, юристы, актеры и повара, расхаживающие в модном спандексе и машущие ногами и кулаками на затылках пара-тройка в меру буйных детсадовцев.
- Эрик – это тот светловолосый синеглазый швед Адонис ростом под два метра? И он прямо сейчас в твоём доме, а ты прикрыта только крошечным полотенцем?
 - Ревность... Мне это нравится, она способствует здоровым отношениям. Между прочим, Эрик – норвежец.
 - Хорошо, можешь дать трубку норвежцу Эрику, пожалуйста?
 - Зачем?
 - Я хотел бы договориться о встрече с ним, когда приеду. Кажется, после путешествия в поезде моей спине потребуется терапия. Ведь он работает и с женщинами и мужчинами?
 - Да. Но ты должен пообещать мне, что не скажешь ничего низкого. Я знаю, каким ты иногда бываешь. Обещаешь?
 - Безусловно. Слушай, у меня болит спина, и терапия тела мне

нравится не меньше, чем остальным.

Он расслышал, как, перекинувшись несколькими поясняющими словами, она передает трубку.

– *Ja*^[29], это Эрик, чем могу помочь? – раздался голос норвежского Адониса.

– Эрик? Это Том Лэнгдон. Прежде чем договориться о встрече, я хотел поинтересоваться, какая у вас политика в отношении конфиденциальности информации об инфекционных заболеваниях.

– Прошу прощения? Не понимаю, о чем вы говорите.

– Политика в отношении конфиденциальности информации об инфекционных заболеваниях. Очень популярная тема везде – кроме, быть может, вашего региона. Позвольте объяснить по-простому: поскольку вы работаете в близком контакте с телами – с одетой в полотенце Лелией, например, – и человеческой кожей, вы рискуете подцепить некоторые опасные инфекционные болезни, которыми, в свою очередь, рискуете заразить других клиентов – меня, например. Потому я хотел узнать, какие меры предосторожности вы предпринимаете и насколько конфиденциальна информация о болезнях. Так, я уверен, Лелия проинформировала вас, что больна гепатитом З и о связанных с этим рисках. Я задался вопросом, сообщаете ли вы об этом другим клиентам.

– Гепатитом?!

– Не беспокойтесь. Хотя лекарства, конечно, не существует, новейшая терапия наркотиками показывает замечательный результат, и побочные эффекты довольно незначительные: тошнота, выпадение волос, вздутие, импотенция и тому подобное. В действительности летальный исход происходит только приблизительно в половине случаев, если вовремя выявить болезнь.

Раздался стук падающей трубки и топот ног по тщательно отполированному деревянному полу. Затем Том услышал отчаянный крик Лелии:

– Эрик, Эрик, куда же ты? Вернись!

После того как дверь с грохотом захлопнулась, телефон подобрали. Тому живо представилась картина, как из ушей женщины, сделавшей волшебного бобра Каппи и супербелку Сасси любимцами миллионов зрителей, идет пар.

– Что именно ты ему сказал? Я хочу знать *все подробности!*

– Мы просто беседовали о встрече и о том, чего я жду от него, а затем он ушел.

– Я четко расслышала, как он произнес *hepatum!*

– Гепатит? Лелия, я сказал слово *гингивит*^[30]. Я поинтересовался, есть ли у него гингивит, потому как у моего прежнего массажиста был, и, должен сказать, это неприятный опыт. Сама понимаешь: когда тебя обдают дыханием с преотвратным запахом в течение часа... Полагаю, Эрик недостаточно хорошо владеет английским.

– Я не верю тебе ни на йоту, Том Лэнгдон. Ты хоть понимаешь, что натворил? Спина адски болит, и что мне делать с ногтями?

– Как насчет тайленола^[31] и пилочки для ногтей?

– Не смешно! – завопила собеседница.

– Слушай, я весь вымотался, а сервис здесь отвратительный. Позвоню, когда доберемся до Питтсбурга.

– Что? Я думала, ты уже в Питтсбурге.

Том хлопнул себя по лбу, осознав промашку. Под нечеловеческим давлением он выдал, как казалось, гениальный план:

– Гм, Лелия? – Он нажал пальцем на клавишу. – Лелия, связь прерывается. Тебя не слышно.

– Том, даже не вздумай играть со мной...

Он произнес медленно и очень громко, словно разговаривая с полуглухим идиотом:

– ЕСЛИ... ТЫ... СЛЫШИШЬ... МЕНЯ... Я... ПОЗВОНЮ... КОГДА... МЫ... ДОБЕРЕМСЯ... ДО... ЧИКАГО.

Лэнгдон отключился и расслабился. Телефон снова зазвонил, но Том не стал отвечать. Пришло уведомление о голосовом сообщении, затем повторный звонок. В конце концов Том просто выключил его. Что ж, все прошло в меру хорошо.

Марк Твен в свое время был, наверное, самым цитируемым человеком в Америке. Одно из его знаменитых высказываний появилось вследствие ошибочной публикации, из-за которой весь мир поверил, что великий человек покинул этот свет. Когда писателя попросили прокомментировать его якобы кончину, Твен с озорством ответил, что слухи о его смерти несколько преувеличены. Том подозревал, что если бы ему не повезло оказаться в когтях Лелии прямо сию минуту, то приукрашивать обстоятельства его мучительной смерти было бы некому.

«Кэп» тронулся. Том откинулся назад, выключил свет и уставился в окно. Однако поезд в очередной раз притормозил, и, вглядываясь во мрак, Лэнгдон различил надгробия небольшого кладбища, рядом с которым остановился «Кэп».

Близость множества потерянных душ нервировала журналиста. Он

встал и снова пошел бродить. Впервые он столько ходил с тех пор, как сел в этот поезд.

Глава 15

Том налил себе чашку кофе в мини-закусочной у лестницы и направился к вагону-люксу. В этот поздний час в большинстве купе свет погас, а в коридорах никого не обнаружилось. Казалось, он совсем один в этом составе из десяти вагонов. В обеденном зале тоже было тихо и темно: как предположил Том, работники поезда давно ушли к себе в спальный вагон. В комнате отдыха свет также оказался притушен, и, насколько видно, там было пусто. Поезд опять тронулся, Лэнгдону пришлось опереться о спинку одного из сидений. Когда его рука коснулась кожи, он вздрогнул и чуть не пролил кофе.

Элеонора обернулась. Она выглядела напуганной не меньше его. В руке у нее тоже была чашка кофе.

– О господи, – сказала она. – Не слышала, как ты вошел.

Он посмотрел на кофе:

– Тоже по-прежнему страдаешь бессонницей?

У них обоих была такая проблема – возможно, вследствие того, что они слишком много путешествовали и пересекли множество часовых поясов, а также опубликовали слишком много жутких историй, мучивших их ночными кошмарами.

Она потерла виски:

– Забавно, я думала, что с нею покончено. Она началась опять совсем недавно.

– Ладно, намек понял. Я могу выпить кофе и обдумать открывающиеся мне поистине безграничные перспективы где-нибудь еще.

– Нет, я сама уйду.

– Слушай, мы оба взрослые люди. Полагаю, в таком просторном месте, как поезд, мы вполне можем сосуществовать хотя бы некоторое время.

– Это очень разумная фраза.

– На меня иногда находит.

Поезд вновь набрал ход и теперь стучал по рельсам со скоростью почти восемьдесят миль в час. *Впервые вижу, как мрак движется с такой целеустремленностью*, – подумалось Тому.

– Я задавалась вопросом, почему ты здесь на самом деле, – сказала Элеонора. – Ты всегда предпочитал самый быстрый способ путешествия.

– Я же сказал: я пишу историю о путешествии поездом, что несколько

затруднительно осуществить, не садясь в него.

– И это все твои причины?

– А почему бы и нет?

– Потому что я тебя слишком хорошо знаю. Можешь не откровенничать. Ведь ты не обязан объясняться передо мной.

Он поразмыслил над двойным смыслом этого предложения, а именно: что она тоже не обязана объясняться перед ним, но решил пропустить мимо ушей. Вместо этого он рассказал ей о желании своего отца и о том, как собирается его осуществить, хотя отец уже не узнает об этом.

– Думаю, в каком-то смысле твой отец *узнает*, – тихо сказала она.

– Итак, будучи подозрительным, параноидальным и дотошным репортером, сторонником конспиративных теорий, я должен признаться, что твое пребывание в этом поезде выглядит чертовски странным совпадением.

– Мы должны были отправиться на «Кэпитол Лимитед» вчера, – она посмотрела на часы. – Точнее, раз уже наступило завтра, то позавчера. Но потом планы Макса, по-видимому, поменялись, он прибыл в Вашингтон на день позже, и нам пришлось ехать одним с тобой поездом.

Том пожал плечами:

– Значит, возможно, это простое совпадение.

– Уж поверь мне: знай я, что здесь едешь ты, меня бы тут не было.

– Что, вышло настолько плохо, гм?

– Послушай, у нас не сложилось. Как и у миллионов других людей.

Некоторые просто не подходят для брачных отношений.

– Я однажды женился.

Эта новость явно ошеломила Элеонору.

– Что?

– Ну, все – брак, я имею в виду – продлилось так недолго, что я толком и не помню.

Картер встала, с трудом сдерживая гнев:

– Что ж, я очень рада, что ты полюбил какую-то женщину достаточно, чтобы на самом деле попросить ее руки. Сколько бы ни продлился брак.

– Элли, все не так, это было худшее решение в моей жизни...

Она развернулась и ушла.

Он смотрел ей вслед. Поезд остановился.

Том встал, прислонился к окну и тихо сказал сам себе:

– На самом деле это второе по никудышности решение в моей жизни.

И потом громко произнес:

– Что происходит, черт возьми? Я быстрее добрался бы до Чикаго

пешком.

– Что происходит? – ответил чей-то голос. – Товарный состав на путях впереди загорает путь «Кэпу», вот что.

Том посмотрел в направлении, откуда раздался голос. В дальнем углу вагона-люкса во мраке виднелся силуэт человека. Когда темная фигура встала и словно поплыла к нему, Тому показалось, что вот-вот пред ним предстанет Дух Рождественского Прошлого, чтобы предупредить его о гибельном будущем.

Когда незнакомец попал под лучик наружного света из окна, Лэнгдон с облегчением выдохнул. Подошедший оказался рослым и худым, с проседью в волосах, возрастом около шестидесяти, с красивыми точеными чертами лица – в расцвете сил он наверняка привлекал множество женских взглядов. На нем была белая рубашка с пуговицами на воротнике, галстук, брюки и кепка, похожая на фуражку проводника.

– Вы работаете здесь? – спросил Том, глядя на его головной убор.

– Нет, – ответил мужчина, снимая кепку и пожимая Тому руку. – Хотя раньше работал, теперь же в отставке. Меня зовут Херрик Хиггинс.

Лэнгдон представился, и они уселись рядом.

– Говорите, впереди товарный состав? Тогда почему они не скажут ему убираться с дороги?

– Ну, – ответил Хиггинс, – самое простое объяснение – это то, что «Амтрак» не владелец железнодорожного пути, он принадлежит грузоперевозочной компании, так что у грузов приоритет перед пассажирами.

– Вы серьезно?

– «Амтрак» не владеет железными дорогами, по которым ходят его поезда, за исключением Северо-восточного коридора и еще кое-где по мелочам. Когда частные железнодорожные компании потеряли монополию на перевозки пассажиров, они не лишились монополии на рельсы. Видите ли, грузоперевозки очень прибыльны, в отличие от перевозки людей. У «Амтрака» есть договоренности с массой частных компаний. И порой все выливается в головную боль с точки зрения логистики.

– Не хочу никого обидеть, но, по-моему, это не лучший способ управлять железнодорожным сообщением, – прокомментировал Том.

– Компании «Амтрак» никогда не выделяли средства на покупку рельсов или строительство новых путей. Единственный выход – договариваться с их владельцами. Поэтому, если грузовой состав загорает путь или сходит с рельсов, нам приходится ждать. Такое происходит постоянно, и мы ничего не можем с этим поделать. Прошу

прощения, я машинально сказал «мы»: старые привычки трудно искоренить.

– Вы долго работали в «Амтраке»?

– Иногда кажется, что всю жизнь. Вообще я пришел туда, когда она была только что основана, в 1971-м. Сам я всегда был железнодорожником, как и мой отец. Он работал в ЮП – «Юнион Пасифик».

Хиггинс посмотрел на чашку кофе Тома и улыбнулся:

– В первую ночь в поезде сон приходит небыстро, если вообще приходит. Зато во вторую вас ничего не разбудит, поверьте. – Он посмотрел в окно. – Эта колея проложена на месте бывшей магистрали. Джордж Вашингтон владел акциями построившей ее компании. Я часто думал, что сказал бы отец-основатель, если бы увидел, как по той же дороге ездит старый «Кэп». Впрочем, возможно, ему осталось недолго. Вряд ли пассажирским поездам дальнего следования светит яркое будущее. В правительстве идут разговоры насчет ликвидации «Амтрака», приватизации и отделения Северо-восточного коридора.

– Что ж, Америка такая большая страна, что путешествовать поездом не очень-то осмысленно.

Хиггинс внимательно посмотрел на него:

– Вы правы, путешествие поездом в его нынешнем виде в Штатах не слишком осмысленно. Ребята, работающие в «Амтраке», одни из самых изобретательных и преданных своему делу людей; иначе и не выжить при малых отчислениях из бюджета и устаревшем оборудовании. Чиновники, перевозки по железной дороге – это финансовое бремя. Я же задаюсь вопросом, почему обходятся для окружающей среды десять миллионов автомобилей с выхлопными газами на шоссе или летающие над нашими головами шумные реактивные самолеты. Вы в курсе, что Соединенные Штаты тратят больше средств на уборку с трасс сбитых животных, чем на перевозки пассажиров железной дорогой?

– Верно, однако перевозки пассажиров финансируются из бюджета, в отличие от авиакомпаний.

– Разве авиакомпании построили аэропорты? Они платят за авиадиспетчерскую службу? Факт остается фактом: дядя Сэм тратит десятки миллиардов долларов на авиалинии, которые приносят минимум прибыли. Автомагистрали получают больше 80 центов с каждого пошедшего на финансирование транспорта доллара, а в результате мы продолжаем строить дороги, закупать пожирателей бензина, чтобы ездить по этим дорогам, вся страна стоит в огромной пробке и зависит от зарубежной нефти. Если бы «Амтрак» получал в качестве налога на

топливо всего лишь по пенни с каждого галлона, он мог бы построить пассажирскую железнодорожную сеть мирового уровня, но правительство нам не позволит. По иронии, вся страна построена благодаря железным дорогам. Они соединили восток с западом и сделали Америку центром мира.

Хиггинс снова надел кепку и поправил ее привычным жестом.

– Я слышал, они работают над созданием коммерческого лайнера, который сможет проделывать по 17 000 миль в час. Можно будет летать в Европу на работу каждый день.

– В этом есть свои плюсы.

– Да, конечно, если вас интересует только прибытие в точку назначения, а не само путешествие. По моему опыту, большинство едущих поездом мало волнует, куда они направляются. Для них главное – сам процесс поездки и люди, с которыми познакомятся в пути. Видите ли, на каждой остановке частичка Америки – частичка родины – заходит и говорит «привет». Именно поэтому поезда пользуются такой популярностью в Рождество. Люди едут, чтобы познакомиться за праздники со своей страной. Они ищут дружбы, живых собеседников. В поезде никуда не спешат, потому что их суть вовсе не в спешке. Как можно измерить ценность этого в деньгах? По каким критериям?

Хиггинс замолчал, почесывая подбородок и уставившись в пол.

– Я не утверждаю, что путешествие поездом изменит жизнь или что пассажирские перевозки однажды станут приносить большую прибыль. Но как бы быстро нам ни требовалось передвигаться, разве не должна сохраняться ниша для поезда, где можно просто расслабиться, перевести дыхание и побыть немного просто человеком? Хотя бы недолго? Разве это так плохо?

Глава 16

Том оставил Херрика Хиггинса сидеть в темноте и медленно зашагал обратно в спальный вагон, а «Кэп» вновь тронулся в путь.

Грохот поезда перекрыло что-то еще. Что-то, побудившее Лэнгдона побежать к источнику звука через холл и вниз по лестнице.

Там, в купе, прислонившись к стенке, сидела рыдающая Джули. Примостившаяся рядом Элеонора обнимала девушку.

– Что происходит? – спросил Том.

– Не знаю, – ответила Элеонора. – Я нашла ее в таком состоянии.

Джули, часто прерываясь и всхлипывая, объяснила, что позвонили родители Стива. Они узнали, что планирует парочка, и угрожали отказаться от сына и лишить его наследства, если он женится на Джули. Очевидно, Стив объявил о своих намерениях недостаточно решительным тоном. Собственно, он начал так сильно колебаться, что у него с невестой произошел серьезный спор, и она сбежала, чтобы выплакаться.

– Где он? – спросил Лэнгдон.

Джули сказала, что тот у себя в купе.

– Позаботься о Джули, я навещу его.

– Что ты собираешься делать? – спросила Элеонора.

– Помешать ему совершить крупнейшую ошибку в жизни.

Вскоре Том нашел Стива. Тот с несчастным видом смотрел в окно. Следующие десять минут журналист читал молодому человеку нотации. Это сопровождалось повышением голоса и вспышками гнева с обеих сторон, пока Том наконец не задал вопрос:

– Ты любишь ее? Любишь? На самом деле все просто.

– Да, – не раздумывая, ответил Стив.

– Тогда женись на ней без колебаний, оговорок, уступок родителям и прочего. Прими ее такой, какая она есть, со всеми недостатками, слабостями, причудами и требованиями. Ты принимаешь ее без каких-либо оговорок, без накладываемых кем-либо еще обязательств, потому что именно это и есть любить по-настоящему. Если ты позволишь этой женщине уйти из твоей жизни, ты глупец. Она пожертвовала не меньшим, чем ты, если не большим. Это, быть может, твой единственный шанс на счастье. Быть может, она единственная женщина в мире, которую ты полюбишь и которая сделает тебя счастливым. Если ты все испортишь, возврата не будет – поверь мне, Стив.

- Я люблю ее, Том. Искренне люблю.
- Тогда больше тебе ничего не нужно. *Ничего.*

Стив посмотрел мимо него. Том обернулся: там стояли Элеонора и покрасневшая Джули. Очевидно, они слышали практически все. Джули прыгнула в объятия Стива. Том вышел из купе и задернул занавеску. Когда они с Элеонорой шагали обратно, та заметила:

- Ты совершил хороший поступок. Я впечатлена.
- Какой смысл спокойно сидеть и смотреть, как кто-то рушит свою жизнь?

Они шли через темный вагон-ресторан, когда Картер в изумлении открыла рот, закричала и указала пальцем. Из-под стола выглядывала пара глаз.

- Что это там?!

В ту же секунду в вагон зашел выглядящий удрученным Кристоаль. При виде Элеоноры он сказал:

- Боже мой, я искал тебя повсюду. Макс собирается урезать мне зарплату. Ты могла бы поговорить с ним?
- Почему он режет тебе зарплату?
- Ох, все из-за мелкого недоразумения – потерянных мной солнечных очков.

- Его очков?
- Нет, моих. Они стоили...

Он посмотрел в том же направлении, что и Том, и завопил еще громче Элеоноры. Затем вскочил на стол и закричал:

- Что это там?!

Том подобрался поближе. На его лице появилась улыбка, и в тот же момент прибежала Реджина в халате:

- Что здесь происходит?

Лэнгдон сидел на корточках перед столом, из-под которого по-прежнему таращилась пара глаз.

- У нас здесь гость, и, похоже, безбилетный.

Когда Реджина заметила глаза, она отшатнулась и схватилась за край халата:

- Что это такое?
- Безбилетный пассажир из рептилий. У вас не найдется фонаря, картонной коробки или пенопластового ящика со льдом и лишнего одеяла? – поинтересовался Том.

Реджина убежала и вскоре вернулась с ящиком льда, одеялом и фонарем. Том проделал в ящике пару дырок и посветил под стол –

существо в страхе отпрянуло. Журналист улыбнулся:

– Отлично. Крестобаль, встань так, чтобы если она пустится наутек, то не пробежала мимо тебя.

Тот остался стоять на столе.

– Ты спятил? Я не стану приближаться к этому... чем бы оно ни было.

Том перевел взгляд на Элеонору.

– Ладно-ладно, – ответила та. – Но ничего не обещаю.

Она перешла в другой конец вагона и выжидательно посмотрела на Лэнгдона.

– Поехали, – сказал тот.

С помощью одеяла он сумел загнать животное и сунуть в ящик – правда, в процессе оно чуть не сбежало. Собственно говоря, оно направилось напрямик к Крестобалью. Молодой человек завопил так громко, что, должно быть, разбудил всех жителей Пенсильвании.

– Что это? – спросила Элеонора, так толком и не разглядевшая беглеца.

– Боа-констриктор, молодой, длиной футов в четыре-пять. Красивые узоры.

– Несколько моих друзей в Лос-Анджелесе держат их в качестве домашних питомцев, – заметила Элеонора.

Крестобаль посмотрел на нее безучастно:

– Это просто кошмар. Все, что я хотел, – вернуть очки и прежнюю зарплату, а вместо этого меня чуть не убила... эта тварь!

Картер улыбнулась:

– Крестобаль, ты же любишь животных. И у тебя тоже есть домашний питомец.

– Джек-рассел-терьер. Не смей сравнивать моего маленького Хемингуэйчика с этим... адским змеем.

– Должно быть, он чей-то, – сказала Картер. – Боа-констрикторы явно не являются частью пенсильванской фауны.

Том согласился:

– Вероятно, выбрался из клетки и до смерти перепугался.

– Похоже, мне придется забрать змею и выяснить, кому она принадлежит. В поезде не может ехать много людей с ручными змеями. Во всяком случае, я на это надеюсь, – сказала Реджина. Она выглядела не слишком счастливой из-за перспективы заботиться о боа, подумалось Тому. А затем ему на ум внезапно пришла гениальная идея, не уступающая любой из идей Макса Пауэрса.

– Послушайте, Реджина, давайте я недолго подержу его, пока вы проверите, кому он принадлежит.

– Что вы собираетесь с ним делать?

– Тут есть один особенный друг, которому я хотел бы показать боа.

– Ладно. Только не выпускайте его на волю.

Том оглянулся на Кристобалья:

– Теперь можешь спускаться.

Молодой человек осторожно слез со стола.

– Говоришь, ты искал солнечные очки, – сказал Том. Кристобаль кивнул. – А у меня пропала ручка. У отца Келли – крест.

– И моя серебряная щетка испарилась, – сообщила Элеонора.

– А мистер Пауэрс упоминал, что его позолоченный зажим для денег тоже исчез, – добавил Кристобаль.

– И не забудем, что и у этого мерзавца Мерриюзера что-то пропало, – сказал Том. – Думаю, с нами едет вор.

Реджина потеряла лоб:

– О господи, за что мне все это?

Она сильнее запахнулась в халат и сказала:

– Хорошо, я напишу заявление полиции «Амтрака», когда мы прибудем в Чикаго. Скорее всего, они захотят поговорить с вами и получить заявления и от вас. Прошу прощения. Такие случаи, должна сказать, довольно редки. Обычно люди оставляют ценности на виду, и с ними ничего не происходит. Мне очень жаль.

Девушка с усталым видом поплелась прочь, а Элеонора спросила:

– Что ты собираешься делать с боа?

Том улыбнулся.

– Я же сказал – продемонстрировать его особенному другу.

– Кому?

– Увидишь. Пошли, Кристобаль, ты нам нужен.

– Слушайте, я не собираюсь впутываться в неприятности из-за какой-то змеи. Я вообще не хотел ехать поездом, во-первых. Да, господи, у мистера Пауэрса есть же личный самолет.

– Просто делай как я говорю, и все будет в порядке, – заверил Том.

Несколько минут спустя кто-то заглянул в купе Гордона Мерриюзера и увидел юриста спящим в темноте в одних синих обтягивающих трусах. Он не потрудился запереть дверь.

Кристобаль и Том подобрались на корточках поближе и поставили ящик набок. Том разъяснил ситуацию с Мерриузером ассистенту, и тот неохотно согласился помочь. Лэнгдон медленно открыл дверь и сдвинул крышку ящика. Затем они встряхнули его, и боа заполз в купе. Том дотянулся до выключателя у раковины, залил комнату ярким светом и

закрыл дверь.

Когда раздался вопль Мерриюзера, Крестобаль уже сбежал. Элеонора с Томом помчались в другом направлении и скрылись за углом. Они слышали отчаянный стук в дверь, потом она распахнулась, и Гордон Мерриузер вылетел наружу. Он упал, поднялся, снова упал и полупокатился, полупополз по коридору. Как только он скрылся из поля зрения, Том без труда загнал змею обратно в ящик и отдал Крестобалью. Несчастную рептилию, кажется, сильно травмировало зрелище пузатого юриста в трусах цвета индиго.

Затем Том с Элеонорой набрали ходу и догнали обезумевшего Мерриюзера. Когда он повернулся, Элеонора издала громкий вопль и закрыла глаза руками:

– Это он!

– В моем купе змея – огромная змея! – завопил юрист, хватаясь за рукав Тома. – Я покажу. Она... она ужасная. Она меня чуть не убила.

– Змея в поезде? – скептически произнес журналист.

– Так, что здесь происходит? – спросила поравнявшаяся с ними Реджина.

– Этот парень утверждает, что в его купе змея, – сказал Том. – Что она чуть ли не напала.

Незаметно для Мерриюзера он подмигнул проводнице. Та сразу поняла намек.

Элеонора вмешалась:

– Я видела, как этот человек бегал полуголым. Мне кажется, он следил за мной. Я попросила этого джентльмена пойти со мной и попробовать поймать его.

– Что? Вы имеете в виду, извращенец подглядывал за вами?

– Да, это было ужасно. Я думала, он голый. – Элеонора простонала и содрогнулась, как профессиональная актриса.

– Так вот на что жаловались другие пассажиры. – Реджина повернулась к ошеломленному юристу. – Что это вы делаете, черт побери? Думаете, раз вы большая шишка, то можете разгуливать почти нагишом, подглядывать за женщинами и пугать их? Так? Что ж, если так, то, должна сказать, вам не стоило связываться с «Амтраком». И когда мы доедем до Чикаго, вы узнаете почему.

– Я... я... я... – забормотал Мерриузер.

Том вытащил блокнот и ручку:

– *Мерриузер* пишется так же, как произносится? И можно точное название твоей юридической фирмы?

– В моем купе была змея, – запричитал юрист. – Я не стрикер^[32]. И не извращенец.

– *Стрикер, извращенец* – как раз эти слова мне и нужны, – Том яростно застрочил в блокноте.

– Я вам покажу, покажу, – Мерриузер повел их по коридору к своему купе – как быстро выяснилось, совершенно *пустому*.

– Она была здесь, клянусь! – воскликнул он. – Во всяком случае, я в этом уверен.

– Вы спали? – спросила Элеонора.

– Да, и меня разбудил зажегшийся свет.

– Быть может, вы оставили его включенным, заснули, и вам приснилась змея. Не рассматривали такой вариант? – спросила она. Мерриузер посмотрел на нее с выражением, явно свидетельствующим, что – нет, он такое не рассматривал.

– Вы переполошили весь поезд, – сказала Реджина. – Я позову старшего проводника. Он, вероятно, передаст вас полиции в Питтсбурге.

– Нет, нет! – закричал Мерриузер. – Это разрушит мою репутацию и юридическую практику.

– Тебе следовало подумать об этом, прежде чем бегать, пугая людей своими костлявыми ногами, – заметил Том.

– Пожалуйста, умоляю. Я сделаю все, что угодно. Что угодно.

Реджина, Элеонора и Том переглянулись.

– Что ж, сейчас Рождество, – сказал Том после продолжительной паузы; тишину нарушали только всхлипывания специалиста по тяжбам.

Реджина топнула ногой и, посмотрев на Мерриузера, указала на него пальцем:

– Хорошо, уже поздно, и я устала. Но послушайте, мистер юрист: если еще хоть раз *когда-нибудь* из-за вас начнутся проблемы, у кого-то загорится задница, понятно? Все это всплывет, ясно?

– Абсолютно ясно, абсолютно, – он с несчастным видом посмотрел на блокнот Тома.

Тот очень медленно сунул его в карман:

– Ладно, но лишь потому, что сейчас Рождество. Только не забывай: я могу написать об этом в любой момент, и у меня есть свидетели. Понятно?

– Да, да, я понимаю. Хорошо.

– А теперь оденьтесь, – резко сказала Реджина.

Мерриузер залетел в купе и захлопнул за собой дверь.

– Итак, – проводница торжественно хлопнула Тома и Элеонору по

плечу, – теперь вы официально почетные члены клуба «Кэпитол Лимитед». Не знаю, как вам удалось его победить, но я очень долго этого ждала.

– Да что уж там, – ответил Том. – Все, что нужно, – это боа-констриктор, несколько соучастников, поезд весом в двенадцать миллионов фунтов – смешать и приготовить.

Немного позже проводница нашла владельцев змеи и вернула рептилию, строго наказав не выпускать ее и прятать всю оставшуюся поездку.

Когда Том и Элеонора шли обратно к своим купе, он хихикнул:

– Совсем как старые времена. Помнишь, какие розыгрыши мы устраивали за границей, когда время тянулось очень медленно и нам было скучно?

– Нет; я помню, какие розыгрыши устраивал *ты*. И не припомню, чтобы я сильно скучала. Скорее – чрезмерно волновалась.

Он остановился. Элеонора тоже.

– Ну же, ты должна признать – это было замечательно. Верно?

– Это было необычно, – максимум, чего удалось добиться от нее.

Лэнгдон нерешительно сказал:

– Знаешь, я отправился в это путешествие не только ради отца. Но и затем, чтобы понять, как мне дальше следует жить.

– Дай-ка угадаю: ты склоняешься скорее к Йемену, чем к Дункану Файфу.

– Думаю, у некоторых людей странствия в крови. Я никогда бы не был счастлив, сидя в одних и тех же четырех стенах.

– Или же с одним и тем же человеком в этих четырех стенах.

– Слушай, ты что, хочешь сказать, что проведенные нами вместе годы не были самыми прекрасными в твоей жизни?

– Все было неплохо. Какое-то время. Потом уже нет.

– «Неплохо»! Я могу пересчитать по пальцам одной руки людей, которые сделали и увидели то же, что и мы. Подумай, какие истории ты сможешь рассказать детям и внукам.

– У меня нет ни тех, ни других.

– Если все было так чертовски плохо, почему ты так долго это терпела?

– Как говорится, любовь заставляет идти на безумства.

– Я по-прежнему понятия не имею, что пошло не так. Я же не изменился внезапно.

– Нет, Том, ты никогда не меняешься. Полагаю, изменилась именно я. Спокойной ночи.

– Элли...

Она оглянулась:

– Теперь – Элеонора. Элеонора. Это тоже изменилось.

Том вернулся в вагон-люкс и с несчастным видом сел рассматривать проносящиеся мимо окрестности. «Кэп» остановился набрать воды в Питтсбурге, однако Том не стал звонить Лелии. Потому что, хотя он и мог управляться со змеями и напыщенными юристами, но был не настолько храбр, чтобы вынести голос мисс «Каппи – волшебный бобер», которая считала себя потерпевшей. Он попытался не думать об Элеоноре, так что, разумеется, только о ней и думал. Поезд наверстал часть упущенного времени, но все равно опаздывал на два с лишним часа. В конце концов Лэнгдон заснул от усталости.

В пять тридцать утра по громкой связи его поприветствовал голос Тайрона:

– Доброе утро вам, доброе утро. Нам предстоит успеть очень многое. Спасибо большое, спасибо.

И затем объявил, что поезд официально опаздывает, однако горячий завтрак уже готов, и в дополнение к нему подадут бесплатно любимые праздничные блюда Элвиса.

Том воспользовался большими душевыми на нижнем этаже, для чего ему пришлось подождать в очереди. Пассажир перед ним забыл в раздевалке часы, но Лэнгдон заметил это и вернул их – тот не успел уйти далеко. В вагоне-ресторане он позавтракал с отцом Келли, который находился в хорошем расположении духа, невзирая на пропажу креста. Он шепотом поинтересовался, не видел ли Том случайно голого мужчину в истерике. Лэнгдон отрицал всякую причастность к этому странному явлению и мягким тоном предположил, что, возможно, священнику стоит меньше утомляться.

Когда утро сменилось днем, они приехали в Толедо, где поезд остановился и набрал еще воды. Позже, по пути через огромные поля северной Индианы, Том видел из окна вагона-люкса, как запряженная в сани лошадь везет семью под хлопьями снега. Картина была очень живописная, не хуже любой виденной им праздничной открытки. И напомнила о том особенном дне, который они с Элеонорой провели вместе много лет назад.

Они прокатились по множеству непростых горных склонов Европы. Однако в Австрии решили сделать перерыв от заснеженных пиков, вместо этого наняли мотосани с водителем и провели весь день в захватывающем путешествии по самой белоснежной земле из всех, что видели. Они

пообедали у весело потрескивающего камина в настоящем замке, затем отправились обратно при свете полной луны. Этот день никогда не будет ни забыт, ни превзойден, ни повторен. Очевидно, поездки на санях с этой женщиной ему больше не светят.

В 11.30 утра по среднеамериканскому времени, после дополнительных блюд к завтраку в знак извинения за опоздание, «Кэп» наконец прибыл в Чикаго. От поезда отцепили почтовый и багажный вагоны, после чего он медленно заехал на станцию. Том спустился с сумками, поблагодарил Реджину и оставил ей щедрые чаевые.

– Думаю, это я должна вам заплатить, – сказала та. Они обнялись. – Позже, до отправки «Чифа» я представлю вас матери в комнате отдыха.

– Если она хоть чем-то похожа на вас, то жду встречи с нетерпением.

Том заметил, что неподалеку сходит Херрик Хиггинс, и указал на него проводнице:

– Очень интересный человек. Жаль, что ушел в отставку. Он искренне обожает поезда.

– Он не ушел в отставку, его уволили, – поправила Реджина. – Его и еще две сотни работников: все из-за сокращения бюджета. А жаль. Он знает о поездах больше всех. Он ездит за свой счет. Если у нас остается место, мы пускаем его в свой спальный вагон. Все грустно, очень грустно.

Впереди Том заметил Макса с Кристобалем и присоединился к ним.

– Я слышал, у вас был интересный вечер, – заметил Макс.

– Я бы употребил иной эпитет, – возразил Кристобаль.

– А где Элеонора? – поинтересовался Том.

– Уже в здании вокзала, – Макс выглядел расстроенным. – Полагаю, она пытается достать билет на самолет до Лос-Анджелеса. Меня это не слишком радует. Том, можете с ней поговорить?

Тот рассмеялся:

– Если вы очень хотите, чтобы она улетела, я с ней поговорю, без вопросов. В противном случае, думаю, мне лучше держаться подальше.

Снег повалил еще сильнее. Они направились к теплому и полному суматохи чикагскому вокзалу Юнион-Стейшн; путешествие на легендарном «Кэпитол Лимитед» подошло к концу. Впереди их ждали «Саутвест Чиф», поездка длиной почти в 2300 миль – в три раза больше уже преодоленной дистанции – и двадцать шесть станций. Тем не менее, что любопытно, Том чувствовал, что готов ко всему. И, как выяснится позднее, это ему пригодится.

Глава 17

Вокзал Юнион-Стейшн символизировал поразительные размеры своего города. Он был большим, крепким на вид, с множеством этажей, автомобилями напрокат, продуктовых и прочих магазинов, с мчащимися туда-сюда длинными электромобилями. Они отправились в комнату отдыха «Метрополитэн», нашли свободные места и устроились. Том сидел в оцепенении, Кристобаль делал один звонок за другим, а Макс говорил со Стивом, Джули и другими посетителями, обсуждая последние приготовления к свадьбе. Элеоноры там не обнаружилось, так что в конце концов Макс послал за ней ассистента.

Реджина привела полицейских компании «Амтрак». Все заполнили заявления. Их проинформировали, что многие пассажиры хватились пропажи и что поиски вора (или воров) все еще продолжаются. Полиция думала, что, вероятно, в кражах замешан не один человек из-за большого числа украденных вещей. Как им сказали, скорее всего, шайка сошла с поезда раньше Чикаго. Том не питал особых надежд, что снова увидит свою авторучку. И, что гораздо важнее, не питал особых надежд, что снова встретит Элеонору.

Потому он был очень удивлен час спустя видеть ее входящей в комнату отдыха вместе с Кристобалем. Она плюхнулась рядом с Максом.

– Когда улетает твой самолет? – спросил Лэнгдон.

– Он не улетает. Все давно забронировано. По иронии судьбы, прямо сейчас самый быстрый путь до Лос-Анджелеса – это поезд.

Пауэрс откинулся назад и прикрыл веки. Его губы едва не дрогнули в улыбке.

– Какая печальная новость. Полагаю, тебе придется тащиться с нами по рельсам.

Он открыл глаза и подмигнул Тому.

– Похоже на то, – женщина нахмурилась.

– Если от этого ты будешь чувствовать себя лучше, могу сообщить, что мне запретили летать в пределах Соединенных Штатов, – сказал Том.

Кристобаль странно посмотрел на него и немного отодвинулся. Журналист поспешно пояснил:

– Все из-за маленького недоразумения на пропускном пункте в Ла-Гуардии.

– Нет, – ответила Элеонора, – я не чувствую себя ни капельки лучше.

Через несколько минут вернулась Реджина. Том сразу догадался, что ее спутница – ее мать, хотя, за исключением глаз, они были совсем не похожи. Как ни удивительно, даже Агнес Джо выглядела хрупкой девчонкой по сравнению с этой женщиной. Тому она напомнила Арету Франклин^[33], только крупнее. Как оказалось, энергичность незнакомки впечатляла даже больше, чем ее обширнейшие габариты.

– Это моя мать Роксанна, – успела представить спутницу Реджина, прежде чем та перетянула все внимание на себя, заговорив громоподобным, повернувшим головы всех посетителей «Метрополитэн» голосом:

– Я хорошо вас понимаю, дети мои: вы замерзли, устали, впали в депрессию и были ОБВОРОВАНЫ! Хм-м... Такое недопустимо. Добрый Бог не потерпит столь печального положения дел.

Вскоре появились одеяла, подушки, закуски и всякая всячина. Все были очень признательны, даже настроение Элеоноры явно улучшилось.

Роксанна уселась посреди группы, словно королева в окружении раболепного двора.

– О боже мой, какое начало дня. Я жду прибытия из Нью-Йорка каких-то важных пассажиров. Я забочусь о них и их нуждах.

Она указала пальцем на Макса.

– А теперь вижу знакомого человека: это я должна была играть в твоём последнем фильме – мюзикле с той тощей белой девчонкой. Пойми, малыш, тебе нужен новый агент по кастингу. Тебе надо сойтись с подлинными талантами. Вот что могут по-настоящему могучие легкие.

В мгновение ока она издала такую высокую и громкую ноту, что Том сжал покрепче кофейную кружку, опасаясь, что звуковая вибрация расколлет ее пополам.

Подбородок Макса резко вздернулся.

– Определенно буду иметь вас в виду, когда стану подбирать актеров для следующего фильма, – заверил он.

– Ну конечно, малыш. Мои агенты переговоят с твоими – вот только нет у меня никаких агентов, не считая пары внуков-подростков с тринадцатым размером ноги, которые меня объедают. Слава богу, Всевышний не даст мне опуститься в нищету или хотя бы накормит мальчиков.

Она посмотрела на свою дочь:

– Так, Реджина, разве тебе не надо приглядывать за поездом? Думаешь, старый добрый «Кэп» сам о себе позаботится без твоих нежных рук? Думаешь, «Амтрак» платит тебе за то, чтобы ты сидела и слушала разглагольствования своей мамашаи?

– Иду, уже иду, – сказала улыбающаяся девушка. Тому было очевидно – по тому, как Роксанна на нее смотрит, – что мать очень гордится дочерью.

Женщина повернулась обратно к ним:

– Реджина говорит, что с нами едет готовая заключить брак парочка, а еще – пожилая гадалка по имени Мисти. Я слышала, что пропустила змею и голого юриста. Это меня бесконечно удручает. Я не про голого юриста – без этого зрелища прекрасно обойдусь, а про боа-констриктора. Вы же понимаете, в долгом путешествии поездом нет ничего лучше согревающего ноги боа. Мой дорогой покойный муж Джуниор любил меня, но никогда не согревал – мужчинам это и в голову не придет. Так что – говорю с женской точки зрения – нужно найти любимого человека и милую змейку: идеальное сочетание. Хвала Господу! Теперь поведайте мне все подробности – я только-только об этом услышала.

Том поведал, и все они от души посмеялись по поводу Гордона Мерриюзера.

– Считайте это ранним подарком компании на Рождество, – сказал журналист.

– Крошка, я думала, ты уже едешь домой в Новый Орлеан, – сказала Роксанна.

Все повернулись посмотреть, к кому она обращается, и увидели Мисти в полном облачении гадалки, воздевшей руки к потолку.

– Мне только что было видение, что судьба в эти рождественские праздники ждет меня на западе, а не на юге – верно, дорогуша? – она похлопала ресницами в сторону Макса.

Режиссер улыбнулся:

– Мне в жизни не гадали так точно и энергично, как прошлой ночью.

– Я лишь скромная служанка таинственных звездных сил, Макс.

Элеонора недоуменно уставилась на явно очарованного режиссера, затем на Кристобаля. Последний просто пожал плечами и шепнул:

– Я своему боссу не сторож.

– Как поживаешь, Мисти? – спросила Роксанна. – Эй, а помнишь, что предсказала мне в прошлый раз?

– Что номер 153 станет для тебя особенным и что ты повстречаешь много молодых людей, увивающихся за тобой?

– Именно это. Так вот, дорогая, все сбылось.

– А ты сомневалась?

– Если у меня и были сомнения, они только что растаяли. Хотя, по правде говоря, дорогая, я надеялась встретить кого-то немного ближе мне

по возрасту.

Она указала на дверь, в которую сейчас вливался поток юных афроамериканцев в униформе.

Роксанна поднялась на ноги.

– Это мальчики из главного хора Лос-Анджелеса. Они выступали в Карнеги-холл и теперь едут домой на Рождество, а задача вашего покорного слуги – удостовериться, что они доберутся туда в целостности и сохранности. Прошу меня ненадолго извинить.

Она зашагала прочь, и ее путь пересекся с Агнес Джо.

– Как дела, Агнес Джо? Твое купе в «Чифе» готово, все как обычно. И, знаешь, девонька, из-за тебя люди могут начать дурно думать обо мне: если ты еще немного похудеешь, мне придется искать тебя в очках.

Группа наблюдала, как Роксанна подходит к галдящей толпе молодежи и пытается привлечь внимание мальчиков – без особого успеха. Они выглядели усталыми, заскучавшими и готовыми заняться чем угодно, кроме как слушаться очередного взрослого.

Все это быстро закончилось, когда из груди Роксанны вырвался чудовищный рев. Мальчики моментально построились в две стройные колонны. Их глаза так округлились и налились страхом, что, как почудилось Тому, лишь поддержка хрупких плеч соседа мешала им попадать на пол. Роксанна заставила их промаршировать в угол помещения и поговорила с ними вполголоса.

Через минуту она повернулась к переполненной комнате отдыха и поинтересовалась:

– Есть желающие послушать пение? Эй, народ, хотите в ожидании поезда послушать отличный хор?

Толпа собравшихся состояла в основном из пожилых людей, и Том даже не был уверен, все ли хорошо расслышали ее слова. Правда, не услышать Роксанну было практически нереально. Все ответили, что с удовольствием бы послушали пение.

Женщина повернулась к своим юным подопечным, и после краткого разогрева они исполнили серию классических рождественских песен. Сама Роксанна пела на такой ноте, что совершенно не мешала прекрасному фальцету хора.

– Они потрясающие. Она потрясающая, – пробормотал Макс.

Мисти уселась на тот же диван:

– Она возглавляет хор одной из крупнейших баптистских церквей Чикаго, а еще служит там. Роксанна Джордан поет госпел [\[34\]](#) и блюз лучше всех, кого я слышала, – а я ведь живу в Новом Орлеане! И каждый

пассажир, у которого есть сердце, после путешествия одним поездом с этой женщиной сходит с него лучшим человеком. Чтобы знать это, необязательно быть гадалкой.

Пение постепенно затихало. Роксанна выстроила мальчиков «паровозиком»: они и пели, и издавали звуки наподобие шума поезда, а аудитория громко аплодировала. Старшие менеджеры «Амтрака», вышедшие из своих офисов поглазеть, качали головами, улыбались и аплодировали вместе с остальными.

Том отвел Кристобаля к стойке с кофе:

– Спасибо, что помог с боа прошлой ночью.

– О, всегда рад помочь, – с сарказмом ответил тот, но затем смягчил тон: – Впрочем, собственно говоря, это было даже забавно. Отец моей бывшей девушки был точь-в-точь такой же: несносный грубиян, и она его за это ненавидела.

– Что ж, ты едва не пропустил все веселье.

Кристобаль посмотрел на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Я в курсе, что вы все должны были ехать более ранним поездом. Элли не знала почему, но планы Макса изменились.

Парень покачал головой:

– Нет, я планировал ехать предыдущим поездом, однако агент бюро путешествий – вот идиотка – перепутала дату и записала нас на более поздний. Когда я попытался сменить поезд, там уже не оставалось свободных спальных мест, а мистер Пауэрс не ездит сидячими – уж поверь мне. Так что мы прилетели на день позже. Я позвонил Элеоноре и сообщил, что планы изменились. Просто не стал объяснять причины – зачем? Она все равно провела неделю в Вашингтоне.

Разочарованный Том ответил:

– А я думал, то, что мы – с нашим-то совместным прошлым и все такое – оказались в одном поезде, могло быть не простой случайностью.

– Ну, я-то точно понятия не имел, что вы знакомы. И приготовления к путешествию делал я, не мистер Пауэрс.

– Конечно, звучит логично. Что ж, еще раз спасибо.

Будучи всегда подозрительным репортером, Том не был полностью убежден, что все обстояло именно так. Он разыскал Реджину и нашел предлог расспросить ее об этом. Та скрылась в недрах вокзала и через некоторое время вернулась:

– Я проверила бронирование, и там нашлось примечание, что компания мистера Пауэрса должна была ехать более ранним поездом,

однако агент бюро путешествий все перепутал, и к тому моменту не оставалось свободных спальных мест, так что они предпочли ехать другим поездом. Все в порядке?

Лэнгдон скрыл досаду:

– Совершенно в порядке. Послушайте, вы просто замечательная. Никогда больше не поеду поездом «Кэп», если вас там нет. А ваша мать – это нечто: в хорошем смысле, я имею в виду.

Когда Том вернулся в комнату отдыха, Стив и Джули метались в панике. Священник пришел, однако шафер и подружка невесты – их женатые друзья из колледжа – только что позвонили и сообщили, что попали в аварию на заснеженной дороге в Мичиган. Шафер получил перелом ноги и теперь лежал в больнице, а жена, естественно, не собиралась его оставлять.

– Ни шафера, ни подружки, – простонала Джули. – Я знала, что ничего не выйдет.

Она помотала головой, затем замерла и посмотрела на Элеонору:

– Вы не станете моей подружкой невесты? Пожалуйста! Мы ведь родом из одних мест. Уверена, я могу положиться на вас. Пожалуйста!

Элеонора была ошеломлена, но потом дала согласие: что еще она могла поделать? Стив поглядел на Тома:

– Если бы не твои сказанные в поезде слова, возможно, свадьбы вообще бы не было. Как насчет того, чтобы стать моим шафером?

Том перевел взгляд на Элеонору и тоже согласился. После этого она встала и ушла.

– А я стану посаженным отцом, – встрял Макс. – У меня куча сыновей, и ни один еще не женился. Не пойму почему.

Кристобаль – вероятно, все еще злой из-за урезания зарплаты – заметил:

– Возможно, сэр, они извлекли кое-какие уроки из поведения их трижды разведенного отца.

– Трижды! – воскликнула Мисти. – О, я ведь тоже трижды разводилась. Макс, я знала, что у нас есть особая связь. Все дело в магии чисел.

Том посчитал сложившиеся обстоятельства безумной иронией. Он и Элеонора после всех этих лет наконец собирались на свадьбу. Вот только это будет чужая свадьба. Журналист не знал, смеяться ли, плакать или пойти утопиться в озере Мичиган. В конце концов он расслабился и стал ждать прибытия поезда.

Часть 2. «Саутвест Чиф», Чикаго – Лос-Анджелес

Глава 18

«Саутвест Чиф» был очень длинным поездом с вагонами повышенной комфортности и снегоочистителем спереди. Том с удивлением выяснил, что его номер люкс ужался до эконо-класса в силу какой-то ошибки, исправлять которую было уже поздно: все места заняты. С Кэри Грантом и Евой Марией Сэйнт такого бы в жизни не произошло. Лэнгдон втиснулся в выделенное ему пространство и понял, что на протяжении следующих двух с лишним тысяч миль ему придется пользоваться не только общим душем, но и общим туалетом. Сражаться с незнакомыми людьми за место в сортире в течение всей поездки по восьми штатам – да, это утешает. Он все больше завидовал Марку Твену, который мог просто соскочить с дилижанса и сделать свое дело за кактусом. Через две двери с противоположной стороны коридора было купе Мисти. Он видел, как та украшает дверь бисером, а запах фимиама уже щекотал ноздри. Проводник навестил его купе. Мужчину звали Барри, ему было за тридцать; судя по внушительному телосложению, он часто посещал тренажерный зал. Барри вел себя вежливо и профессионально, однако после Реджины и особенно Роксанны он немного разочаровывал.

Том решил позвонить Лелии, однако ответа не было, что его очень порадовало. Он посмотрел на часы. В Лос-Анджелесе раннее утро. Он оставил сообщение с извинениями за произошедшее с Эриком, недопонимание с гингивитом и за состояние ее несчастных ногтей и повесил трубку.

Чтобы отвлечься от проблем, он начал размышлять над кражами. Обокрали практически все купе первого класса, что логично. За одним исключением: Агнес Джо. Когда полицейские забирали заявления, она не показалась, так что, предположительно, вор пропустил ее купе. Вот только с чего бы это, если, конечно, сама Агнес не вор? Но нет – довольно глупо обокрасть всех, кроме себя.

Он решил зайти с другого конца. Быть может, это не глупо, а очень умно? Ведь большинство людей, включая полицейских, придут к тому же выводу, к которому только что пришел он. И он видел в ее комнате набитый битком вещевой мешок. Она вообще не распаковывала его.

Пока Лэнгдон размышлял, «Чиф» отъехал со станции. Он глянул на часы: 15.15 – точно в срок. Правда, «Кэп» тоже тронулся в путь вовремя.

Тут зашел Кристоаль с видеокамерой:

– Мистер Пауэрс попросил меня поснимать поезд, пассажиров и прочее. Сказал, что попозже мы посмотрим кадры и, возможно, это наведет нас на интересные повороты сюжета.

– К тому же ты можешь снять свадьбу, – предложил Том.

Молодой человек вздохнул:

– Собственно, он и велел мне снять ее. Я что, для этого ходил в киношколу – стать свадебным оператором? Будь я кинозвездой с личным трейлером – взбунтовался бы, позвонил своему агенту и никогда не вернулся. – И добавил: – О, и Элеонора попросила меня спросить, что ты наденешь на свадьбу.

– Попросила тебя спросить меня... Ладно, замечательно – передай ей, что я надену костюм от Армани. Я всегда надеваю его на свадьбы в поездах, она в курсе.

Кристобаль просиял:

– Здорово. Я тоже так оденусь.

Он обежал помещение объективом камеры и ушел.

Рокочущий «Чиф» неспешно катился в юго-восточном направлении. Он сделал четыре коротких остановки в Иллинойсе, после чего переехал воды могучей Миссисипи по длинному двухъярусному мосту 1927 года постройки. Теперь они находились в Айове. Единственной остановкой в этом штате был Форт-Мэдисон, до которого они доехали примерно полдесятого. Когда они направились к Миссури, Том пошел в вагон-ресторан и поужинал с отцом Келли и Мисти. За столом за ними сидели Стив с Джули, болтающие без умолку о предстоящей свадьбе.

Элеонора, Макс и Кристобаль куда-то делись. Агнес Джо Том вообще ни разу не видел.

Он посмотрел на Мисти:

– Вы с Максом, похоже, в теплых отношениях. Хотя у него, как мне кажется, много друзей-женщин.

– О, дорогуша, я знаю, что это лишь временно. Поезд может завлечь в одну компанию очень разных людей, но как только поездка подходит к концу, заканчивается и влечение. И я давно уже не в том возрасте, чтобы мужчина мог разбить мне сердце, если ты об этом.

– Да, об этом. Рад слышать.

– Сколько я могла бы рассказать о неверных мужчинах! – Мисти бросила взгляд на священника: – И рассказала бы, если бы вас тут не было.

Она ущипнула отца Келли за щеки – тому, кажется, понравилось такое внимание.

– Должен вас предупредить, – признался священнослужитель Стиву и

Джули, – я никогда прежде не посещал свадьбы в поезде. Думаю, такое вообще происходит в первый раз.

– Вообще-то нет.

Все посмотрели через проход туда, где ужинал Херрик Хиггинс.

– Такое случилось и прежде – в 1987-м, в «Тексас Игл». Он тоже едет от Чикаго до Лос-Анджелеса, только через Техас. Его называют «Поездом любви». Собственно, его маршрут еще длиннее, чем у «Чифа».

– «Поездом любви»? – переспросила Джули. – И почему его так называют?

Хиггинс вытянул ноги в проход и, прихлебывая кофе, начал рассказ.

В «Игл» работал легендарный проводник Зеб Лав. Этот человек был «что-то с чем-то» – с золотым сердцем и умением произвести эффект подобно артисту мирового класса. Он приходил к детям одетый Санта-Клаусом и дарил подарки, купленные на собственные деньги. Он ходил в школы прививать интерес к путешествиям поездом и был, пожалуй, одним из лучших ораторов в истории «Амтрака». Но что стало его коньком – так это делать пассажиров счастливыми. Он поощрял людей общаться, узнавал, чем они интересуются. Чарльз Куральт^[35] даже делал про него репортаж. Так вот – 4 июля 1987 года в «Тексас Игл» поженилась влюбленная пара, а Зеб Лав имел к этому прямое отношение. Он даже участвовал в свадебной вечеринке, когда они доехали до Форта-Уэрта. Зеб был особенным человеком, да.

– Что ж, – сказала Джули, – надеюсь, наша свадьба будет хоть вполовину столь же хороша.

– О, не сомневаюсь, – ответил Хиггинс. – Как я понял, Роксанна Джордан отвечает за музыку. Когда рядом эта женщина, все идет замечательно. Поверьте мне.

* * *

Над Тихоокеанским Северо-Западом тем временем происходило важное метеорологическое явление. Сталкивающиеся восходящие и нисходящие потоки, холодные и теплые фронты, растущая из-за близости к побережью влажность, дующие с огромной нарастающей скоростью высотные ветра – все это смешивалось, закручивалось и начинало перемещаться на восток. Схожая комбинация погодных условий сформировалась почти в том же самом месте в ходе одного из путешествий

Марка Твена через Неваду более 140 лет назад. Результатом стало стремительное наводнение ледяной водой, а затем – буря такой силы, с каким большинство никогда не сталкивалось даже в местном суровом климате фронта^[36]. Если верить его рассказу – а мистер Твен в этом плане всегда стоял на шаткой почве, – то этот эпизод едва не стоил знаменитому писателю жизни.

Все еще по большей части не замеченный американскими синоптиками шторм повернул на юг и, врезавшись в твердую стену северных Скалистых гор, стек по хребту горной цепи, словно капли воды с провода. Хотя никто еще не мог определить, где формирующийся шторм ударит со всей яростной леденящей силой, его цель, похоже, находилась прямо на пути следования «Саутвест Чиф», причем в очень интересной точке. Это было отдаленное, пользующееся дурной репутацией место на юго-востоке Колорадо – перевал Ратон: самая высокая точка маршрута поезда и самый сложный железнодорожный участок в стране. Поезду нелегко взобраться по нему даже в хорошую погоду, а когда она станет по-настоящему скверной, «Саутвест Чиф» будет идти почти на пределе.

* * *

Позже той же ночью человек в черном снова прошелся по купе. На сей раз он вел себя еще осторожнее из-за царящей в поезде атмосферы повышенной бдительности – на сто процентов удостоверившись, что поблизости никого нет. Успеху вора способствовал тот факт, что многие сейчас либо ужинали, либо посещали особое мероприятие в вагоне-люксе. В самом деле, пассажиров «Саутвест Чиф» усердно развлекали, и они не заботились об охране своих ценностей. Вор шепотом сказал «спасибо» и принялся обчищать попутчиков.

Глава 19

Вагон-люкс трясся, и вовсе не из-за дефектов железнодорожного полотна. Посреди вагона стояла Роксанна с микрофоном в руке – впрочем, не то чтобы она нуждалась в усилителе звука: ее бы и так услышали – и исполняла песню за песней, каждую громче и эмоциональнее предыдущей. В битком набитом вагоне все устремили на нее взгляды, впитывая каждую ноту. Мальчики из главного хора Лос-Анджелеса, решившие лечь спать позже обычного, находились там же и внимательно слушали истинного мастера, поющего чисто из любви к искусству. Смотреть и слушать концерт Роксанны Джордан в поезде стало лучшим жизненным уроком для этих молодых людей.

Том в дальнем углу вагона напевал себе под нос мотив, который исполняла Роксанна. По окончании представления пассажиры стоя наградили ее овациями, а затем принялись расхаживать по вагону, бурно обсуждая только что увиденное и услышанное.

Внизу в курительной комнате Макс и Мисти наслаждались купленными в Чикаго сигарами. Мисти читала по ладоням судьбу всем желающим. Поскольку было Рождество, она ограничивалась оптимистичными предсказаниями, находя в линиях каждой протянутой ладони какие-нибудь потенциальные праздничные чудеса.

Элеонора в своем купе делала примечания насчет возможных сюжетных ходов сценария, однако не могла сосредоточиться. На сей раз все было по-другому. Она привыкла брать чужие сценарии и переделывать, а не создавать собственные с нуля. Женщина продолжала строчить в блокноте, пока не осознала, что написала жирными, объемными буквами «Том Лэнгдон». Она разорвала листок и выбросила, после чего легла и прикрыла лицо рукой.

– Какие-то проблемы?

Элеонора посмотрела на дверной проем. Там, уставившись на нее, стояла Роксанна. Она утирала со лба влажной губкой трудовой пот, накопившийся после представления.

Картер села:

– Просто немного раздражена, наверное.

– Ну, должна сказать, ты пропустила неплохое шоу в вагоне-люксе.

– Вообще-то, я все услышала. Его транслировали по громкой связи. Ты была потрясающа. Лучшего пения я не слышала.

Роксанна посмотрела на усыпанный скомканной бумагой пол:

– Как продвигается история про поезд? Нам бы не помешал железнодорожный блокбастер от Макса Пауэрса, чтобы народ и правительство снова заинтересовались нами.

Элеонора смущенно улыбнулась:

– Должна признать, я не так уж много знаю о поездах. Не ездила ими со времен колледжа – во всяком случае, не американскими. И я не уверена, что за несколько дней на колесах освоюсь достаточно, чтобы воздать поездам должное.

Роксанна присела на край кровати.

– Ну, я работала на этих поездах дольше многих и все равно не знаю их до конца. Пожалуй, поэтому мне так нравится моя работа: каждый день что-то новое. Иногда приятное, иногда не очень, но, так или иначе, это заставляет не сидеть на одном месте и думать головой, что есть хорошо.

– А сколько ты работаешь в этом поезде?

– О, мы ездим с «Чифом» уже двадцать один год. Туда-сюда, туда-сюда. Я уже запомнила каждый куст полыни в Нью-Мексико, каждое пшеничное поле в Канзасе, даже знаю по именам некоторых фермеров. И машу им, когда мы проезжаем мимо. Я могла бы повести поезд с закрытыми глазами, только «Амтрак» не одобрит такую инициативу.

Элеонора достала чистый лист бумаги и сделала кое-какие пометки:

– Держу пари, фермеры машут в ответ.

– Девочка моя, мне за последние два года поступило три предложения руки и сердца. Один джентльмен примотал транспарант с надписью «Ты Выйдешь За Меня, Роксанна?» к своему трактору и ехал за поездом.

– Весьма креативно. Приятно быть популярной.

– О да, фермерам по душе женщины не худышки, а я как раз вписываюсь в их представления. – Она встала. – Если у тебя туго с идеями, как насчет того, чтобы сделать со мной обход? Гарантирую, это скажется плодотворно на твоих творческих способностях.

* * *

После того как представление Роксанны подошло к концу, а мальчишеский хор вернулся в свои купе, в вагон-люкс вошел отец Келли и завязал беседу с Томом. Макс и Крестобаль присоединились. Как выяснилось, у священника и режиссера было много общего.

– Я хотел стать священником, – сказал Макс. – Ну, если быть точным, этого хотела моя мать. Я даже поступил в семинарию, но мне не понравилось. Не мое. К тому же я слишком любил женщин – простите, падре, но это правда. Собственно, сделать выбор оказалось несложно. С другой стороны, если бы я принял обет безбрачия, то сэкономил миллионы на алиментах.

– Я сам одно время думал о карьере священника. – Том посмотрел на Кристобалья. – А ты когда-нибудь думал о таком?

– Ну да, конечно, как и все евреи, верно?

Лэнгдон пробормотал «прошу прощения» и отхлебнул из стакана.

– Я неисправимый киноман, – сказал отец Келли. – И очень ценю ваш талант, Макс. Я пересмотрел все классические фильмы и думал, что снимать кино – прекрасное занятие, но потом услышал зов своего призвания, и мои руки оказались, так сказать, связаны. Только не верьте ни на секунду, что священники не могут восхищаться хорошенькими девушками. Просто они для них имеют второстепенное значение по сравнению с высшими силами.

Подошла Агнес Джо. Она была в праздничном наряде, который, как ни странно, хорошо сидел на ней. Все допили свои напитки, Агнес Джо вызвалась забрать пустые стаканы и принести новые. Через несколько минут она вернулась с полным подносом. Собравшиеся мужчины полезли было в карманы, чтобы возместить ей расходы, но та покачала головой:

– Я угощаю. Считайте это ранним подарком на Рождество.

– Да благословит вас Господь за проявленную заботу, – сказал отец Келли.

Том смотрел, как сидящий через пару стульев от него Херрик Хиггинс смотрит в темное окно. Мужчина выглядел поглощенным собственными мыслями.

– Буду надеяться, что, как вы и говорили, сегодня сон придет быстрее, – обратился к нему Том.

Пожилой человек улыбнулся:

– Определенно придет. «Чиф» – самый быстрый на Западном побережье и единственный, не уступающий в скорости восточным поездам. До Лос-Анджелеса осталось всего около сорока часов пути – на десять часов меньше, чем если бы вы ехали другим поездом.

Кристобаль побледнел:

– Около сорока часов! Ничего себе, прямо как пуля. Да я за это время слетал бы дважды в Австралию и обратно. – И добавил, посмеиваясь: – Чух-чух!

Хиггинс добродушно улыбнулся:

– Что ж, сверхскоростные экспрессы нам бы не помешали. Равнины для них самое то, однако у нас есть и сложные участки. Кроме того, правительство ни за что их не профинансирует. Большинство других развитых стран осознали преимущества высокоскоростной железнодорожной сети. Однако чтобы понять выгоду такого мероприятия, нужно обладать определенным мышлением, а наши лидеры не видят преимуществ путешествий железной дорогой.

Он указал в окно:

– «Чиф» по большей части следует старой линией «Санта Фе». Везет по пересеченной местности. Через Додж-Сити^[37]. Там происходило действие сериала «Дымок из ствола», как вы наверняка знаете.

– *Дымок... из чего?* – спросил Кристобаль.

– Наверное, вы слишком юны, чтобы помнить это, – ответил Хиггинс.

– Наверное.

– Мы едем через довольно высокие точки – 7600 футов над уровнем моря на перевале Ратон, немногим меньше на перевале Глориетты, а затем спускаемся в каньон Апачи, но это уже после Лас-Вегаса!

– Лас-Вегас! – воскликнул отец Келли. – Не знал, что маршрут включает и его. Там стоянка достаточно длинная? – Он осмотрелся. – Не то чтобы я люблю играть на деньги и все такое, но порой мне хочется немного попытать удачи.

– Это *не тот* Лас-Вегас, святой отец, – пояснил Хиггинс. – Это Лас-Вегас в *Нью-Мексико*. Остановка сразу после Ратона. И там нет ни единой неоновой вывески или игорного стола.

Святой отец выглядел крайне разочарованным.

– Ах, ясно. Значит, этому не суждено случиться.

– Так, падре, – сказал Макс, – у меня есть для вас предложение получше. Завтра здесь, в поезде, мы играем свадьбу. Едущему этим поездом молодому человеку нужна холостяцкая вечеринка, и я намереваюсь ее устроить. Вы все приглашены. Собственно говоря, посещение строго обязательно.

– Звучит замечательно, – сказал отец Келли. – Полагаю, там будут возлияния?

Макс подмигнул:

– Падре, все мое купе – сплошное возлияние.

Он сообщил время начала.

Том поднялся:

– Я буду.

Макс посмотрел на него:

– Если хочешь начать отмечать прямо сейчас, то пожалуйста. Быть может, нам стоит немного посидеть и поговорить.

– Нет, я, пожалуй, пойду прогуляться.

– Прогуляться в поезде? – воскликнул Крестобаль. – Да на что тут смотреть?

– Ты удивишься, но есть на что, – ответил Лэнгдон, выходя.

Том пошел по коридору. Вагон-люкс по-прежнему был полон, в вагоне-ресторане подавали последние на сегодня блюда. Люди находились в праздничном общительном настроении, так что многие спальные купе пустовали. Идеальное время для преступника нанести новый удар. Том хотел выяснить, продолжил ли воришка с «Кэпитол Лимитед» путь на «Саутвест Чиф». А также проверить одного конкретного постояльца поезда.

Он постучал и, не получив ответа, заглянул в купе Агнес Джо. К счастью для него, дверь не запиралась снаружи. В помещении никого не было. Электропатефон, как и в «Кэпе», стоял на складном столике. Купе было маленьким и опрятным, на виду лежало всего несколько личных вещей. Две взбитые подушки были прислонены к стене у изголовья кровати, рядом лежало аккуратно сложенное одеяло. У одной из стен стояли два чемодана. Тома они не заинтересовали – его внимание привлек стоящий между стеной и стулом, как и в «Кэпе», вещевой мешок. Его тоже прикрывала простыня.

Он осмотрел коридор, задернул занавеску и развязал мешок. Но вместо украденного там обнаружилось нечто необъяснимое: скомканые газеты – совсем как те, которые несла Реджина.

Он просмотрел газеты. Это оказались различные издания с Восточного побережья. Не зная, какие выводы сделать, Том продолжал рыться в мешке, пока не нашел фотографию Агнес Джо с ее – предположительно – дочерью. Наверняка он знать не мог, поскольку визуально между женщинами не было ничего общего. Та, что помоложе и ростом повыше Агнес Джо, была одной из самых прекрасных женщин, которых Том видел в своей жизни: поистине ошеломляющая. И одета как циркачка – по крайней мере эта часть рассказа Агнес Джо оказалась правдой. Он поискал взглядом дату, однако той не оказалось ни на лицевой стороне, ни на обороте. Агнес Джо выглядела практически такой же – значит, фото не слишком давнее. На нем женщины выглядели счастливыми, или, по меньшей мере, довольными. Журналист задумался, что же с тех пор пошло не так. Это *что-то* могло разъяснить, почему мать не проводила Рождество с единственной дочерью.

Не желая рисковать и быть обнаруженным, он сунул фотографию обратно в мешок и выскользнул из купе. Лэнгдон направился в другую секцию купе, застыл на месте, юркнул в одно из пустых и осторожно выглянул. Из какого-то номера выходила Агнес Джо. Она, как и Том ранее, осмотрелась по сторонам, чтобы удостовериться, что никто ее не видит. В руках у нее ничего не было, но, возможно, что-то лежало в карманах. Она направилась в другую сторону. Том прошел по коридору и заглянул в купе, в котором побывала женщина. С ходу было неясно, кому оно принадлежит. Лэнгдон уже собирался войти и выяснить, кто там остановился, но услышал шаги других пассажиров и ушел. Впрочем, он запомнил номер купе, так что выяснить владельца должно быть несложно.

Мысли Тома вновь сосредоточились на одинокой женщине с любопытным прошлым, общительным характером и склонностью забивать вещмешки старыми газетами и вторгаться в чужие купе. Его поездка в целях переоценки ценностей и познания самого себя постепенно превращалась в журналистское расследование – выяснить личность поездного вора, которого, быть может, звали Агнес Джо. Однако по ряду причин он надеялся на ее невиновность.

Проходя через вагон-люкс, Том заметил сидящего в другом конце и с тревогой уставившегося в окно Херрика Хиггинса.

– Что-то не так? Выглядите взволнованным, – спросил Том.

Пожилой мужчина улыбнулся, однако его улыбка была натянутой.

– О, ничего особенного. Просто смотрю на падающий снег.

– Ну, снег поезду не навредит.

Хиггинс не улыбнулся и не кивнул.

– Мы подключим третий двигатель, начиная с «Ла Хунты» и до пересечения перевала Ратона, – сказал он.

– Это обычное дело или все из-за снега?

– Обычное. Видите ли, подъем весьма непростой, а третий двигатель – дополнительная подушка безопасности.

Его взгляд вернулся к падающему снегу, и выражение лица снова стало серьезным. Том продолжил путь, бросая, однако, обеспокоенные взгляды на старого железнодорожника и безуспешно пытаясь прочесть его мысли.

Глава 20

После того как Роксанна с Элеонорой вошли в вагон, где располагались купе хора мальчиков, проводница вытащила баллончик «Лизоля» и начала распылять освежитель повсюду.

– Итак, у нас здесь очень плохо пахнущие пассажиры, – сказала она. – Не пытайтесь одурачить миссис Роксанну, у нее пять своих сыновей и куча внуков, так что она, можно сказать, доктор философии по «синдрому молодых людей-грязнуль», каковой в поезде миссис Роксанны мы не потерпим. Всем понятно?

Мальчики кивнули.

– Хорошо. Я зарезервировала для вас на час две душевые кабины. Мы грамотно распорядимся этим временем, верно?

Все снова кивнули. Она выстроила их в два ряда.

– По три минуты в душе на каждого – не больше и не меньше: в этом поезде много всего замечательного, однако вода из воздуха не берется. Вымоемся с шампунем, не забудем помыть за ушами и между пальцами – не так ли? – и выйдем совершенно чистыми, потому как вас будут проверять – о да, будут. И тогда добрый Господь посмотрит с небес на вас, опрятных юношей, и даст вам рождественское благословение.

Для пущего эффекта она напевала отрывки из песен, принесших славу Перл Бейли^[38] и Билли Холидей^[39]. Затем мальчики в ее сопровождении промаршировали к душевым.

– Как ты стала нянькой для хора? – спросила Элеонора. – Я понимаю, что у вас общий интерес к пению и тому подобное, но... это все?

– Они хорошие мальчики, с большим потенциалом, однако у них на пути встанет много препятствий – особенно там, куда они возвращаются. Нет, я не смирюсь с тем, что пятьдесят, двадцать или даже десять процентов из них могут не дожить до совершеннолетия! Каждый станет взрослым. Этим летом я планирую поездку по дорогам Америки на целый месяц – откладываю на нее деньги уже долгое время, – я и эти мальчики: будем петь, и они увидят то, от чего их сердца загорятся желанием совершать правильные поступки. Они обретут мечты, о существовании которых и не подозревали, а старая Роксанна будет рядом – держать их за руки, пока они не перестанут нуждаться во мне, мамочке.

– Это весьма амбициозная задача, – заметила Элеонора.

– Но они того стоят, не так ли?

Собеседница улыбнулась:

– Думаю, более чем.

Они прошли в следующий вагон, где по проходу расхаживал выходящий ошеломленным человек.

Роксанна шепнула спутнице:

– Ты поймешь, что вагон поезда дальнего следования – интересное место. Если хочется узнать истории, то начать расспрашивать прямо здесь – не худший вариант.

И сказала уже громко:

– Привет, Эрнест. Как чувствуешь себя сегодня, малыш?

– Роксанна, демоны, демоны повсюду: за окном, в моей одежде, в пище. Я разглядел парочку даже в моей диетической пепси.

– Да, я в курсе. Вот что скажу: я знала, что ты собираешься ехать этим поездом, так что захватила с собой антидемоническую пыль. Эта смесь устранил любого демона, даже самого большого.

Она протянула ему вытасченный из кармана пакетик:

– Все, что тебе нужно, – это посыпать себя и только себя. Не стоит тратить ее впустую: больше у меня запасов нет.

– Спасибо, Роксанна, спасибо огромное. Ты единственная, кто меня понимает.

Эрнест ушел, на ходу осыпая себя пылью.

– Мне кажется, ему нужна профессиональная медицинская помощь, – сказала Элеонора.

– Да, я тоже так думала. Но, по-моему, ему хочется внимания. Насколько мне известно, у него никого нет. Он ездит этим поездом годами. Никому не причиняет вреда, просто ходит и притворяется сумасшедшим, но я ему не верю. Он одевается как бездомный, однако билет на поезд не по карману ни одному из виденных мной бездомных – а я повидала немало. Я выяснила, что он работает инженером в фирме в Сан-Диего. Скорее всего, ему всегда не хватало друзей, а теперь, когда ему за сорок пять, он и не знает, как их завести. Я беседовала с ним: он умный человек с хорошими манерами, просто мыслит иначе, чем мы с тобой. Когда он садится в «Чиф», то первым делом всегда жалуется на своих демонов. После этого с ним можно нормально общаться.

– Как думаешь, почему он столько ездит поездом?

– Ну, никто не хочет остаться в одиночестве, особенно под Рождество. Наверняка ты в курсе, что большинство самоубийств происходит в праздники. К тому же в это время года «Чиф» – не поезд, а клуб знакомств для тех, кто ищет друзей.

К Роксанне подбежала отчаянно размахивающая билетом пожилая женщина:

- О боже мой, я не знаю, куда еду.
- Для начала, дорогая, скажите, куда вы хотите доехать, и затем мы выясним, что делать.
- В Денвер.
- Денвер, ясно. Тогда вам нужно на «Зефэ», а не на «Чиф». «Чиф» едет в Лос-Анджелес и не заезжает в Денвер. Странно, что вас сюда впустили.
- Кажется, я перепутала поезд.
- Ну, так «Зефэ» тоже отправляется из Чикаго.
- Не могу в это поверить. Моя дочь со своей семьей ждут меня на Рождество. Она сказала, что в Денвер прилетит, а обратно поедет вместе со мной. Мне не нравится летать, а мой муж скончался. Дочь сказала, что у меня не хватит мозгов путешествовать одной – и, наверное, она права.
- Но ведь у вас же хватило мозгов попросить о помощи, верно?
- Да, но, когда я не приеду на Рождество, она все поймет. И все праздники они с мужем будут повторять: «Мы же говорили».
- Кто сказал, что вы не успеете в Денвер к Рождеству? – ответила вопросом Роксанна.
- Но я же не в том поезде.
- Сейчас да, однако мы собираемся пересадить вас на нужный поезд.
- Не понимаю, как вы это сделаете? Вы же сказали, что этот поезд идет в Лос-Анджелес.
- В Канзас-Сити мы пересадим вас на местную электричку до Омахи. «Зефэ» останавливается в Омахе, и у вас будет достаточно времени, чтобы успеть на него и поехать прямо в Денвер. Никаких проблем. Я все подготовлю и приду за вами, когда мы доедем до Канзас-Сити сегодня вечером.

Женщина рассыпалась в благодарностях за помощь. После ее ухода Роксанна сказала:

- Люди постоянно приходят – взбудораженные, взволнованные, беспокоящиеся о самых разных вещах. Надо понять причины их волнений, решить проблемы, заинтересовать их поездкой и сделать частью путешествия. Когда попадают родители с детьми, ты общаешься с детьми напрямую, а не через родителей. Малыши такое ценят: это заставляет их чувствовать себя большими и важными, тогда они тебя слушают. Ты делаешь свое дело постепенно, шаг за шагом. До некоторых пассажиров так и не удастся достучаться, но это скорее исключение. Все это требует времени, но – либо ты делаешь работу, либо работа делает тебя. Это я и

твержу дочери все время, вбиваю ей в голову.

– Ты отлично потрудились над Реджиной, она замечательная.

– Да, верно, она особенная. Мамочка ею гордится.

– Ты говоришь как психолог.

– Я и есть неофициальный психолог. И у меня бесконечный поток пациентов.

– Ты точно не ангел, сброшенный с небес на «Саутвест Чиф»? Ты словно слишком хороша для этого мира – и я говорю это с большим уважением.

– Нет, дорогая, я шестидесятитрехлетняя толстая женщина с большими ногами, высоким давлением и начинающимся диабетом. Я знаю, что мне осталось не так уж долго, и я могу провести оставшееся время или хандря и жалуясь, чего мне не удалось добиться в жизни, или же занимаясь любимым делом и попутно помогая людям. Я решила продолжать трудиться, пока есть силы.

Они остановились у одной из полок. Роксанна положила руки на бедра.

– Прошу прощения, но что это здесь творится?

Совершенно голый молодой человек лет двадцати пяти откинулся на свою полку. К счастью, рядом с ним никого не было, а свет был притушен в это время суток, так что никто ничего не заметил – по крайней мере, пока.

– Эй, так здорово, – ответил тот.

– Держу пари, тебе здорово. Ты лежишь без штанов и вообще без всего.

– Ну, я из Аризоны, а в Аризоне все так спят.

– Вот как? – сказала Роксанна.

Элеонора отвела взгляд, а вот проводница села рядом с ним.

– Скажу прямо: мы не в Аризоне, мы в Миссури. Хотя я и в курсе, что Миссури называют «штатом показухи», в том, что ты демонстрируешь, для меня нет ничего нового, и показывать мне это не надо. Если ты сейчас же не оденешься, то тебя высадят с поезда еще до Канзас-Сити.

Молодой человек хихикнул:

– Да ладно. «Ла Плата» уже проехали, а после нее до Канзас-Сити остановок нет.

– Вот именно, что нет, – Роксанна внимательно смотрела на него до тех пор, пока он не сообразил.

– Вы же не высадите меня невесть где? Вы не можете так сделать, – возмутился он.

– Я бы не назвала центр Миссури «невесть где». А ты, Элеонора?

Та покачала головой:

– Нет, не назвала бы.

Роксанна продолжила:

– Ведь там живут люди, так что это скорее «где-то». Я в курсе, что от фермы до фермы довольно далеко, а на дворе декабрь и холод, но это не невесть где. Собственно, от того места, где мы тебя высадим, надо будет всего лишь пройти тридцать миль на юго-запад, кажется, – или, быть может, на северо-восток, – и дойдешь до мотеля или чего-то в этом роде, если память мне не изменяет. Хотя его могли уже снести, он очень старый.

– Тридцать миль! Я замерзну.

– Ну, если наденешь штаны, не замерзнешь. И будь оптимистом. Не выношу нытиков. Ты молодой, сильный и, вероятно, дойдешь.

Тот выпучил глаза:

– «Вероятно»?

Роксанна вытащила переносную рацию. Она не нажала на кнопку, что Элеонора заметила, а молодой человек – нет.

– Проводник – старшему проводнику и машинисту. У нас красный уровень тревоги, ситуация 142, повторяю: 142. Необходимо остановиться и высадить пассажира. Прием окончен.

– Пойдите! – воскликнул паникующий парень. – Что значит 142?

– О, дорогой, это просто железнодорожный термин для бунтующих пассажиров. На больших самолетах их просто привязывают к сиденью, потому что не могут открывать двери на высоте шести миль, – она мило улыбнулась, – но у нас в поезде нет такой проблемы, верно? Видишь ли, в «Амтраке» мы просто выпинаем ваши непослушные задницы где хотим. Впрочем, мы предоставляем фонарь и компас, чтобы вы нашли дорогу. Это официальная политика «Амтрака», и, как по мне, очень правильная.

Она поглядела в окно:

– О боже мой, снегопад набирает обороты; похоже, он перешел в буран.

Женщина добавила по рации:

– Это снова проводник. Насчет ситуации 142: принесите полотенце и аптечку с медикаментами от обморожений для высаживаемого пассажира. Прием окончен.

– Одеваюсь, уже одеваюсь! – завопил молодой человек так громко, что находящийся на другом конце приемника мог бы его услышать. – Отмените вашу 142.

Роксанна сурово посмотрела на него и медленно покачала головой:

– Боюсь, отданный приказ уже не отменить. К тому же поездка долгая,

и откуда мне знать – может, ты снова попытаешься раздеться. Тогда тебя может увидеть, к примеру, ребенок или пожилой пассажир и очень расстроиться.

– Клянусь, – молодой человек начал спешно одеваться, – я не буду больше раздеваться. И спать буду в одежде. Обещаю.

– Ну не знаю... Чувствуешь? Поезд уже замедляет ход, а машинист может разозлиться, если я скажу ему, что все отменяется. Ты в курсе, сколько стоит незапланированная остановка такого большого поезда?

– Пожалуйста, пожалуйста, я обещаю. Никаких больше раздеваний.

Роксанна тяжело вздохнула и сообщила по рации:

– Так, это снова проводник. Отменить ситуацию 142 – повторяю, отменить 142.

Она посмотрела на парня с видом человека, полностью контролирующего ситуацию.

– Слушай, малыш, если увижу еще хоть один лишний дюйм кожи, ты слетаешь с поезда. Неважно, где мы будем: хоть посреди пустыни, хоть в высоких горах. Моментально. Мы друг друга поняли?

Тот робко кивнул и с головой накрылся простыней.

– Спокойной ночи Аризоне, – сказала Роксанна, когда они с Элеонорой прошли мимо.

Женщины направились на нижний этаж, где Роксанна проверила ход операции по мытью хора. Удовлетворившись прогрессом, она и Элеонора пошли в комнату отдыха вниз и уселись за пустующий стол.

– Хор мальчиков, антидемоническая пыль и голый парень из Аризоны. У тебя выдалась занятная ночь.

– О, дорогая, это еще пустяки. Я могла бы такое тебе рассказать...

– Хотелось бы услышать.

– Быть может, еще встретимся вне поезда.

Элеонора уже начинала подумывать убедить Макса нанять Роксанну на должность консультанта фильма, когда состав заметно замедлил ход.

– Какие-то проблемы? – спросила Элеонора.

– Нет, на этом участке пути есть ограничения скорости и несколько переездов. Пойдем со мной. Я покажу тебе одно приятное преимущество поезда, которое в самолете точно не увидишь.

Роксанна провела Элеонору вниз к одному из тамбуров. Там она открыла верхнее окошко в двери, впустив внутрь порыв освежающе холодного воздуха.

– Господи, как замечательно, – сказала Элеонора.

– Я спускаюсь сюда несколько раз в день – проветрить голову,

подышать свежим воздухом и посмотреть на окрестности вблизи, без препятствий вроде стекла.

Они смотрели на постепенно меняющуюся местность. Затем «Чиф» набрал скорость, и Роксанна закрыла окно.

– Я и Реджину убедила приходить сюда пару раз за поездку. Успокаивает и перезаряжает батареи.

– Сколько у тебя детей кроме Реджины?

– Девять – все взрослые, разумеется. И двадцать три внука.

Картер покачала головой:

– Ты не выглядишь настолько в годах.

– Ну, я начала рано. Быть может, слишком рано. – Роксанна бросила взгляд на собеседницу. – А у тебя есть дети?

Та покачала головой:

– Даже никогда не выходила замуж.

– Хочешь сказать, такая красивая, умная и успешная женщина так и не нашла хорошего мужчину, который любил бы ее?

– Быть может, я на самом деле не так уж красива, умна или успешна.

– Доченька, просто глянь в зеркало. И вряд ли ты бы работала с таким человеком, как Макс Пауэрс, если у тебя не хватало мозгов и таланта.

– Ну, всякое бывает, ты знаешь: люди заканчивают в одиночестве. Самые разные люди.

– Да, бывает, и на то есть причины. Не скажешь ли, какие причины у тебя?

Элеонора отвернулась и стала нервно перебирать пальцы. Тем временем Роксанна пристально ее оглядывала.

– Постой-ка – дай угадаю: ты нашла хорошего, любящего тебя мужчину, но отношения не сложились? Быть может, он так и не задал самый важный вопрос, на который женщина очень хочет ответить «да», и ваши пути в конце концов разошлись. – И тихо добавила: – Пока вы снова не встретились в этом поезде.

Элеонора бросила на нее острый подозрительный взгляд.

– Все и так ясно по твоему с Томом Лэнгдоном поведению в обществе друг друга. К тому же никто не отменял слухов и сплетен.

Лицо Элеоноры вспыхнуло.

– Господи, если б я знала, насколько все очевидно... Не могу выразить словами, какое для меня облегчение – знать, что даже незнакомцы в курсе моих романтических походов – или правильнее назвать это «фиаско».

– Элеонора, я не сую нос в чужие дела. Однако я хорошо умею слушать.

Собеседница глубоко вздохнула и посмотрела на Роксанну:

– Том Лэнгдон есть, был и будет вечным скитальцем. Он жаждет приключений и перемен, как другие жаждут еды. Он из тех людей, кто не способен на серьезные отношения даже под страхом смерти. И нет – он никогда не просил меня выйти за него.

– Но, как я понимаю, вы не виделись годами. Может, он изменился.

Элеонора покачала головой:

– Такие, как он, не меняются. Сейчас он вернулся в Штаты, разъезжает по стране и пишет о повседневном, вместо того чтобы освещать войны за рубежом, но это ненадолго. Полгода спустя он станет заниматься чем-нибудь еще. Я прожила с ним годы. Я знаю его образ мыслей.

Она сделала паузу и добавила:

– К тому же у него есть девушка. Они встретятся в Лос-Анджелесе.

– Думаешь, у них серьезные отношения?

– Сомневаюсь.

– Хочешь сказать – надеешься, что это не так.

Элеонора отвела взгляд. Роксанна добавила:

– Девочка, доверься сердцу. Если ты по-настоящему любишь его, то, как по мне, стоит дать ему новый шанс. Быть может, это твой единственный шанс обрести счастье.

– Что, если чувства со временем изменились? Что, если ты уже не тот, каким был когда-то?

– Элеонора, любовь – как хорошо выструганный кусочек древесины: с годами только крепнет. Это говорит та, кто любил и лишился любимого, когда Бог решил, что настало время забрать Джуниора к себе. Знаю, звучит банально, но только так и работают отношения между мужчиной и женщиной. Только так.

Глава 21

Канзас-Сити был крупной остановкой, где сходило и входило много народу. Поезд там задержался на долгое время, чтобы пополнить запасы топлива и съестного.

Роксанна провела направляющуюся в Денвер женщину вдоль калифорнийского «Зефэ» к нужному вагону. Том воспользовался шансом подышать свежим воздухом до начала холостяцкой вечеринки. Он вспомнил слова Херрика Хиггинса и смотрел, как новые частички Америки взбираются в поезд – несомненно, готовые поведать свои истории, поделиться опытом, быть может, даже завязать пусть и краткосрочную, но дружбу.

Валил густой снег. Журналист укрылся под навесом.

Когда Элеонора вышла из вагона и направилась к нему, он посмотрел на нее с удивлением.

– В поезде немного душно, – пояснила она.

– Да, мне тоже так показалось.

Оба стояли в неловкой тишине, пока женщина не сказала:

– Не могу передать словами, какой шок я испытала при виде тебя.

– За эти годы я миллионы раз думал связаться с тобой, но так и не стал. Можешь назвать это гордостью, упрямством, глупостью; выбирай любое слово – все верно.

– Что ж, учитывая, как все закончилось, я, пожалуй, не могу тебя винить.

Он придвинулся ближе:

– Ты веришь, что люди заслуживают второго шанса?

Она немного отодвинулась:

– Том, я не могу снова испытать ту боль. Не могу.

– Ты бросила меня, помнишь?

– После всех проведенных вместе лет тогда настало время смириться или порвать, – прямо сказала Элеонора. – Мне были необходимы серьезные отношения, а их не было. Я решила, что карьера для тебя важнее всего.

– Элли, люди могут измениться.

– Так мне говорили. Ты всерьез думаешь, что статьи про антикварную мебель – это надолго? И у тебя есть подруга, к которой ты едешь на Рождество. Готов к серьезным отношениям с ней?

– Это не такого рода отношения.

– Ну, разумеется, нет – ведь ты же не тот тип мужчины.

Она покачала головой и отвернулась.

Том взял ее за плечо и развернул к себе.

– Это отношения не такого рода потому, что я не люблю ее. Я в жизни любил только одну женщину, и ты знаешь это, Элли.

– Том, не надо так со мной, пожалуйста.

– Так почему ты вышла сюда? Тут холодно.

– Я... Я не знаю.

– Не верю. Мне кажется, ты очень хорошо знаешь причину.

– Может быть.

– В моей жизни так и не появилось ничего лучше наших прежних отношений. Ничего! Все эти годы я что-то искал.

– Я тоже искала, – сказала она, – и не находила.

– То, что мы оба в этом поезде, не может быть простым совпадением. Это знак, неужели не видишь? Этому суждено было случиться.

– Ты говоришь, как Мисти. Любовь так не работает, это не волшебная пыльца фей. Это то, над чем трудишься каждый день.

Она смахнула с лица прядь волос, и его поразил взгляд изумрудных глаз. Как будто и не прошло десяти лет – сейчас для Тома это было неважно. В свете фонарей ее взгляд выглядел таким же гипнотическим и чарующим, как и в былые времена. Ему казалось, что он отступает, но на самом деле он приближался к ней. Лэнгдон глядел, как его рука отводит от ее лица еще одну непослушную прядь рыжеватых волос. Затем его пальцы протянулись к ее щеке и мягко погладили. Женщина не пыталась его остановить.

– Так, быть может, сейчас для меня самое время начать над этим трудиться.

Журналист сделал глубокий вдох, на секунду отвел взгляд и приоткрыл рот. Тут он заметил приближающуюся фигуру. Лэнгдон покачал головой, не веря своим глазам: он испытал шок во второй раз меньше чем за сутки. Сколько еще потрясений он сумеет перенести?

К составу шла Лелия Гибсон. За ней караван носильщиков тащил ее чудовищных объемов багаж: эта женщина не умела путешествовать налегке. Это было одной из ее особенностей – собирать чемоданы с неумемной энергией; каждый наряд предназначен для определенного этапа путешествия, каждый аксессуар выбран с такой же придирчивостью, с какой талантливый генерал составляет план сражения.

Том отступил на шаг от Элеоноры, которая закрыла глаза, ожидая ощутить его губы на своих, но так и не дождалась.

– Элли.

Она открыла глаза и провела рукой по его щеке. Лэнгдон сделал еще один шаг назад.

– Что не так?

– Срочно припомни самое неудачное стечение обстоятельств в твоей жизни.

– Что? – удивленно спросила женщина.

Он еще раз посмотрел на Лелию. Та приближалась. Лэнгдон не был уверен, заметила ли она его, но это лишь вопрос времени. Очевидно, она знала, что он едет этим поездом.

– Худшее стечение обстоятельств в твоей жизни. Подумай прямо сейчас. Хорошо? Пожалуйста!

– Лично мне кажется, что происходящее сейчас – весьма неудачное стечение обстоятельств с твоей стороны, – ответила Элеонора очень раздраженным тоном.

– Просто вспомни его!

– Ладно, ладно.

– Вспомнила?

Она мгновение поколебалась:

– Да. И что?

Он выдохнул:

– Так вот – я только что его превзошел. Можно сказать, сокрушил. Я непревзойденный король неудачных стечений обстоятельств.

Том указал в сторону Лелии:

– Помнишь мою можно-сказать-девушку из Лос-Анджелеса? Так вот – это она. Лелия Гибсон.

Элеонора повернулась и уставилась на приближающуюся процессию.

– Ты знал, что она сядет в поезд?

– Нет, это для меня стало полным, невероятным шоком.

Элеонора скрестила руки на груди и отошла. Лелия заметила Тома и отчаянно замахала. Тем временем Картер отходила все дальше, пока не растаяла тенью во мраке. Том смотрел ей вслед, и кровь словно вытекала из его жил. Он повернулся лицом к Лелии. Слабым утешением служило то, что хуже было уже некуда. Однако, как оказалось, было куда.

Глава 22

Национальная метеорологическая служба выпустила предупреждения для регионов Среднего Запада и Юго-Запада, сообщая о потенциальном приближении сильной снежной бури, спускающейся на юг по хребту Скалистых гор. Ударит ли буря в полную мощь, было неясно из-за метеорологической обстановки в соседних штатах Тихоокеанского Северо-Запада. Предпринимались заблаговременные меры предосторожности, которые потеряют актуальность, когда погодный фронт пройдет через Вайоминг в Колорадо. К тому времени, когда буря внезапно обрушится всей силой на границу Колорадо и Нью-Мексико, выпускать предупреждения будет уже поздно: останется только читать в газетах о шквале десятилетия и приглушенным шепотом рассказывать об этом будущим поколениям.

Херрик Хиггинс воспользовался длительной стоянкой в Канзас-Сити, чтобы повидаться с машинистом. Они обсудили погодные сводки из Центральной диспетчерской службы «Амтрака». Хотя Хиггинс больше не работал на железнодорожную компанию, ни один сотрудник не отказался бы от его мудрых замечаний и советов. С машинистом они дружили уже двадцать лет, и, когда Хиггинс сказал, что ему не нравится, как все оборачивается, – учитывая, что они направляются в Колорадо, – тот отнесся к этому со всей серьезностью. Хиггинс также посоветовал машинисту запастись топливом в как можно большем объеме.

– Будем сохранять бдительность, – сказал машинист. – Как только из диспетчерской службы придут какие-то новости, я сразу дам тебе знать.

Поезд заканчивал погрузку припасов и пассажиров. Хиггинс вернулся в вагон-люкс. На протяжении долгой службы ему доводилось сталкиваться со всевозможными отказами оборудования, ошибками обслуживающего персонала и капризами непогоды. В таких ситуациях он привык доверять инстинктам, выработанным за тридцать с лишним лет работы. Ему не нравилось, как выглядит небо и как дует ветер. Не нравилась острая форма снежинок. Он продолжал смотреть в окно на небо, которое, по-видимому, сулило только неприятности.

* * *

– Лелия, что ты здесь делаешь?

– И это я слышу, проделав такой путь, чтобы сделать тебе сюрприз? Ты в курсе, что из Лос-Анджелеса нельзя долететь напрямую в Канзас-Сити? К чему я это? К тому, что пришлось лететь через Денвер. Это полный кошмар. И в благодарность получаю «Лелия, что ты здесь делаешь?».

Она обняла его и поцеловала. Том испытал сильнейшее чувство вины: в конце концов, они состояли в отношениях. Они в некотором смысле встречались, собирались в Тахо на Рождество. Из-за новой встречи с Элеонорой он практически позабыл обо всем.

– Извини, просто был изумлен, увидев тебя. Я думал, может, ты все бросишь после инцидента с Эриком.

– Не глупи. Давай зайдем в поезд и поговорим. Я тебе все расскажу.

– Расскажешь все... что именно ты подразумеваешь под «все»?

– Потом, когда распакую вещи.

Женщина протянула свой билет одному из носильщиков и велела им занести багаж в вагон. Она щедро их одарила чаевыми и ошеломляющей улыбкой. Лелия была одета в классическом голливудском стиле, то есть дорого и броско. Том был уверен, что несчастный батальон носильщиков Канзас-Сити никогда не оправится от этого зрелища. Они, наверное, сами заплатили бы ей за привилегию нести ее кожаные сумки от «Гуччи» и находиться в ее обществе.

По пути к вагону Лелия взяла Тома под руку:

– Знаешь, я никогда раньше не ездила поездом. Тем более в праздники. Должно быть интересно. У них тут есть массажные услуги? А салон красоты, как на круизных лайнерах?

– Гм, боюсь, что нет. В каждом купе есть шашечная доска, однако шашки надо приносить с собой. Да, и еще у них очень много спиртного; должен тебе сказать, оно замечательное.

– Так, может, ты мне сделаешь – массаж, я имею в виду? Да, и я захватила игривое нижнее белье, – добавила она с напускной скромностью, прижимаясь к нему.

Когда они заходили в вагон, Том краем глаза заметил Элеонору. Она внимательно следила за ними. Это был один из немногих случаев в жизни, когда он чувствовал себя совершенно беспомощным. Они сели в «Чиф», попрощались с Миссури, и поезд тронулся в путь по равнинам фермерских угодий Канзаса. Сумерки сгущались.

Лелия расположилась в своем купе, но не упустила возможности пожаловаться на тесноту и спросить, нельзя ли арендовать купе с обивкой из красного дерева и личным лакеем. Безнадёжно влюбленный проводник

Барри напряг шейные мышцы, выпятил грудь и сделал несколько жимов с ее багажом в руках, параллельно засыпая женщину небылицами из поездной жизни. Однако Лелия не впечатлилась и по-прежнему сторонилась его. Женщина намекнула, что если он каким-то образом обеспечит достойный чайный сервис и будет приносить еду ей в купе, то она будет периодически одаривать его улыбкой и, быть может, продемонстрирует красивую голень и часть бедра. Так что Барри ушел, твердо вознамерившись выполнить ее пожелания.

Позже в купе зашел Том.

– Мне нравится, как ты тут все устроила, – улыбнулся мужчина.

– О чем ты?

– Сделала конфетку из обычного унылого купе.

– Можешь сегодня переночевать здесь.

Он присел на край заправленной кровати:

– Послушай, я должен кое-что рассказать. Я не думал, что все так случится – то есть в поезде и все такое, но раз уж рассказывать, то почему бы не прямо сейчас.

Она положила свою ладонь на его:

– Кажется, я знаю, что ты собираешься сказать. Потому я и проделала весь этот путь.

– Вот как?

Как она могла узнать об Элеоноре?

– Почему ты здесь?

– После случившегося с Эриком я разозлилась на тебя – по-настоящему разозлилась. Но вместе с тем мне было и приятно: твоя ревность и все такое.

– Спасибо, рад, что вызвал такие чувства.

– Так вот, я начала все обдумывать. Мы вместе уже довольно давно, надо кое-что решить.

– Не могу не согласиться.

– И я приняла решение. Я не хотела сообщать ему по телефону и ждать до Рождества – тоже, потому что это могло изменить наши планы на праздники.

Том издал вздох облегчения:

– Думаю, мы на одной волне.

Она наклонилась вперед и положила руки ему на плечи:

– Том, я хочу выйти замуж.

– Куда? – только и сумел вымолвить в ответ Лэнгдон.

– Не «куда», а «за кого», дурачок. Впрочем, писатель у нас ты. О тебе и

речь.

– Ты хочешь выйти за меня? Ты проделала весь этот путь, чтобы сказать мне, что хочешь выйти замуж? За меня?

От волнения он встал и начал расхаживать по купе и в конце концов ударился головой о большое окно, словно отчаянно пытающаяся вырваться из клетки птица.

– Лелия, от встреч несколько раз в год ради забавы и развлечений до брака довольно далеко. Это узы на всю жизнь и на каждый день, и в радости и в горе.

– Думаешь, я об этом не знаю?

Он указал на нее пальцем:

– Это что, эксперимент? Берешь уроки у какого-нибудь психоделического парапсихологического вудуистического учения Новой Эры и прочего дерьма?

Она поднялась на ноги:

– Нет, дело во мне. С годами я не молодею. Мои биологические часы не просто тикают, а бьют тревогу. И я уже столько раз нажимала на кнопку отключения будильника, что она больше не работает.

– Ты что, хочешь завести детей?

– Да, а ты – нет?

– Ты спрашиваешь меня, хочу ли я завести детей?

– Ты оглох? Да!

– Откуда мне знать, хочу ли я их? Я понятия не имел, что ты сегодня придешь и сделаешь мне предложение. Дай перевести дух, а?

Лелия обняла его:

– Знаю, все это так неожиданно. Но мы хорошо смотримся вместе, Том, очень хорошо. У меня много денег, мы сможем делать все что пожелаем. Будем путешествовать, играть, наслаждаться жизнью, а потом остепенится и заведем большую семью.

– Большую? Семейю? Насколько большую?

– Ну, я думаю о восьмерых.

Он оглядел ее хрупкую фигурку:

– Ты занимаешься фитнесом по шесть часов в день. Хочешь сказать, ты готова портить фигуру восемь раз подряд? Лелия, даже если мы установим темп по ребенку каждые два года, то к появлению на свет последнего тебе исполнится шестьдесят.

– Я хотела завести одного традиционным путем, а остальных усыновить – всех разом. И так вот моментально обрести семью.

Журналист провел рукой по своим волосам – он испытывал желание

повыдирать их.

– Ушам своим не верю.

– А что, ты думал, мы так и будем ездить друг к другу от побережья к побережью, пока один из нас не умрет? Том, это не тянет на постоянные отношения.

– Согласен. Это и не было постоянными отношениями.

– Я понимаю, что взваливаю на тебя большую ношу. У тебя есть время подумать. До Лос-Анджелеса два дня пути. Обдумай все и потом сообщи мне.

– За два дня? Ты хочешь, чтобы я в течение двух дней сообщил тебе, хочу ли жениться и завести восьмерых детей?

– Ну, в зависимости от твоего ответа нам, возможно, многое предстоит успеть, так что да – расторопность бы не помешала.

Она поцеловала его в щеку и взяла его руки в свои.

– Так что ты хотел мне сказать?

В ответ журналист лишь уставился на нее с раскрытым ртом, не в состоянии вымолвить ни слова, поскольку никакие слова не выжили бы в разъедающей его горло кислоте. Они просто таяли, как снег на сковороде. Он повернулся к выходу.

– Куда ты?

Том вновь обрел голос:

– В бар.

– Когда вернешься?

– Через два дня.

Глава 23

Пока Том нетвердой походкой шагал в вагон-люкс, чтобы поддержать себя столькими порциями текилы, сколько сумеет выпить, «Чиф» несся к Лоренсу, штат Канзас. Этот город известен в первую очередь Канзасским университетом. Поезд доедет до этой остановки приблизительно в 1.30 ночи, за ней в два часа последует Топика, а потом – один за другим – Ньютон, Хатчинсон, Додж-Сити и Гарден-Сити – последняя остановка на пути к Колорадо. Остановка «Ла Хунта», место свадьбы, была второй по счету в Колорадо: приблизительно за два часа до того, как поезд начнет восхождение на перевал Ратона.

Шторм к этому времени полностью сформировался и, движимый яростными высотными ветрами, дрейфовал на юг и бился о неколебимые Скалистые горы. В этой местности снега выпало уже больше нормы, и горные вершины плотно укутались в белое. Ветра расшвыривали по сторонам часть падающего снега, однако в сводках не сообщалось о каком-либо серьезном ущербе, и следящие за перемещающейся массой из вихрей и холода синоптики не имели оснований полагать, что этот шторм чем-то отличается от своих бесчисленных предшественников.

Поезду придется взобраться на перевал Ратона, проехать идущим под этим перевалом тоннелем длиной в полмили и добраться до остановки в Ратоне. Как только «Чиф» выедет из тоннеля, он окажется уже не в Колорадо, а в Нью-Мексико. Там тоже прошли обильные снегопады. Вершины гор были укутаны многофутовым слоем затверделого снега, который не растает до лета. И даже летом – и круглый год – некоторые из высочайших пиков сохраняют белые бороды. Избавиться от этих миллионов тонн снега будет непросто.

* * *

Элеонора бродила по поезду и старалась не разрыдаться. Она заглянула к отцу Келли – тот сидел в купе полностью одетым и читал Библию. Он пригласил ее войти. Женщина присела рядом.

– Не можете заснуть? – спросила она.

– Ну, Макс готовит холостяцкую вечеринку для Стива, а я набираюсь для нее сил, отдыхая. Знаете, когда у меня был приход, я работал по

шестнадцать часов в день и спал оставшиеся восемь как убитый. Мой разум не замутнялся беспокойством благодаря Ему и благодаря тому, что я трудился все дни напролет. Теперь же, когда я, так сказать, вышел из строя, я уже так не тружусь и не столь нуждаюсь в сне. А поезд – умиротворяющее место, подходящее для чтения и размышлений. Все эти годы я проводил все время и мысли в заботах о проблемах моих прихожан и, пожалуй, уделял недостаточно внимания своим собственным. Поздновато уже в моем возрасте приходиться к такому выводу, не так ли?

– Лучше поздно, чем никогда, – сказала Элеонора.

– Я видел Тома с той дамой, – вежливо заметил отец Келли. – Похоже, они очень хорошо знают друг друга.

– Так оно и есть. Они в некотором смысле пара.

– О, ясно.

Она посмотрела на Библию у него на коленях:

– Там есть какие-нибудь советы для разбитых сердец?

– Библия может справиться с любыми тревогами, Элеонора.

– Я регулярно хожу на службу, однако не уделяла Священному Писанию столько внимания, сколько следует. Быть может, мне стоит это изменить.

Он улыбнулся:

– Что ж, лучше поздно, чем никогда. Позже я обращусь к Нему и непременно попрошу благословения для вас. Даже пару благословений.

– Я очень признательна, отец.

– Говорят, во время рождественской недели могут случаться любые чудеса. Конечно, будучи священником, я считаю, что чудеса бывают когда угодно, однако, похоже, с приближением даты рождения Христа в воздухе витает больше обычного позитивной энергии.

– Интересная мысль, – неуверенно заметила женщина.

– Сейчас обстоятельства выглядят скверно, но вы будете удивлены, как быстро все может перемениться в делах сердечных.

– Собственно, этого я и опасаясь.

– Там, где есть вера, нет места страху.

Элеонора слабо улыбнулась:

– Это цитата из какой части Библии?

Священник похлопал ее по руке:

– Это, дорогая моя, цитата из отца Пола Джозефа Келли. Бесплатный совет.

* * *

Роксанна проходила через вагон-люкс, напоследок проверяя, все ли в порядке, когда заметила по-прежнему уставившегося в окно Херрика Хиггинса. Она присела рядом.

– Херрик, почему не идешь спать? Я приготовила тебе место в переходном вагоне.

– Спасибо, Роксанна. Скоро пойду.

Она проследила за его взглядом, устремленным на падающий снег:

– Я на всякий случай разжилась в Канзас-Сити дополнительными припасами.

– Ты мудрая женщина. Предусмотрительность никогда не помешает.

– После всех этих лет в поезде вы начинаете нервничать, мистер Хиггинс?

Старик пожал плечами и улыбнулся.

– Быть может, я просто изобретаю поводы для беспокойства, чтобы снова почувствовать себя полезным.

Она положила руку ему на плечо:

– Им не следовало увольнять тебя: в этом были единодушны все, кто слышал об этом. Некоторым все равно, работать в поездах или где-то еще – их волнует только зарплата, но ты не из таких. Такие, как ты, вкладывают всю душу в эти огромные куски стали.

– И такие, как ты, Роксанна.

«Чиф» тронулся, а проводница ответила:

– Я занимаюсь этим уже кучу лет. Задаюсь вопросом, когда настанет пора сойти на последней остановке и считать дело законченным.

– Когда сходить и сходить ли, решать только тебе, Роксанна, – никому более.

– Ну, через десять лет, быть может, даже не останется поездов. Что тогда?

Хиггинс улыбнулся:

– Тогда мы будем рассказывать внукам, как замечательно было ими ездить.

* * *

Не успел Том дойти до вагона-люкса, как его перехватили Макс и Мисти.

– Мне нужно выпить, – сказал он Макс. – Что-нибудь невероятно отвратительное. В противном случае я за себя не ручаюсь.

– У меня в купе есть всевозможные напитки плюс чемоданчик с охлажденным вином. Давай начнем вечеринку прямо сейчас. Да, и я подумал: зачем ограничиваться парнями? Так что позвал и девчонок.

– Вообще-то, мне кажется, это была моя идея, – заметила Мисти.

– Откуда у тебя столько выпивки? – спросил Том.

– Он – Макс Пауэрс, – сказала Мисти.

– Я просто позвонил заранее в Канзас-Сити и сказал: «Запишите на мой счет». Это отнюдь не высшая математика, детки.

– Мне нравится, когда он называет меня ребенком, – заметила Мисти. – Чувствую себя такой молодой.

– Завтра свадьба, а ты, Элеонора и еще кое-кто играют ключевые роли. Так что нам надо не только устроить вечеринку, но и отрепетировать.

– Макс, мне кажется, сейчас это не лучшая идея, – сказал Том.

– Не глупи. Поверь мне, я знаю, о чем говорю: я этим зарабатываю на жизнь. Нужно все отрепетировать, иначе будет провал. У Стива и Джули должна получиться прекрасная свадьба. Идемте, детки, – дядя Макс всегда получает желаемое.

Режиссер зашагал по коридору, явно очень довольный собой. Мисти последовала за ним, а Тому оставалось тащиться с несчастным видом за шустрой парочкой.

Макс отправил Кристобаля созвать Стива, Джули, Элеонору, Роксанну и священника, который проведет службу. Последний оказался высоким и элегантно одетым, с короткими седыми волосами, мудрым взглядом и добрыми глазами – идеальный образ служителя церкви. Вообще Том предпочел бы видеть в этой роли отца Келли, который тоже присутствовал. Он попытался пообщаться с коллегой, однако пришлый священник держался весьма холодно, так что в конце концов отец Келли махнул рукой. Купе Макса состояло из двух комнат. Том оглядел просторное помещение.

– Откуда у него такое?

– Он – Макс Пауэрс, – сказала Мисти.

Режиссер встал в центре и раздал всем скрепленные листы бумаги:

– Итак, вот текст сценария завтрашнего события. Тут расписана каждая сцена, то есть каждый фрагмент свадьбы.

Лэнгдон приблизился к Кристобалью, который заведовал находящимся в углу баром.

– Есть скотч?

– Боюсь, в наличии только односолодовый «Макаллан» двадцатипятилетней выдержки. Любимый напиток мистера Пауэрса.

Том уставился на ассистента:

– Ладно, думаю, сойдет. Не так ли?

– Я весь день печатал эти сценарии, – сказал Крестобаль. – Макс, естественно, вносил миллионы правок, как и всегда. Не могу не признать, что он гений.

Том отхлебнул виски и внимательно посмотрел на Элеонору, которая, кажется, изо всех сил старалась не встречаться ни с кем взглядом – особенно с ним. И можно ли ее за это винить? Она тщательно изучала сценарий, в то время как Макс раздавал всем указания.

Журналист едва набрался храбрости подойти к ней, когда в купе влетела Лелия и направилась к нему.

– Как я понимаю, тут проходит холостяцкая вечеринка, о которой мой мистер Лэнгдон забыл мне сообщить.

Взгляд Лелии остановился на Максе Пауэрсе. Том заметил, что при виде женщины тот попытался спрятаться за Мисти.

– Макс? Макс Пауэрс? – сказала Лелия. – Боже мой, так это ты.

Она поправила прическу и одернула платье, хотя и то и другое были в идеальном виде.

Макс повернулся и притворился удивленным:

– Лелия, это и вправду ты?

– Вы знакомы? – спросил Том.

– О, уже много лет, – тихо ответил Макс.

– Но, кажется, это было только вчера, – сказала Лелия. – Я пробовалась на роль второго плана в одном из его фильмов. Это было давно, но уже тогда он был легендой, – добавила она с восхищением.

– Ну же, Лелия, – нервно сказал Макс, – мое самомнение и без тебя достаточно высоко.

Женщина, похоже, не услышала его:

– Я не получила роли. Макс, помнишь тот фильм?

– Нет, милая, я правда не помню. С тех пор я потерял столько мозговых клеток.

– Это было «Наступление лета» – о том, как молодая парочка полюбила и разлюбила друг друга во время летнего отпуска.

– Да, точно, конечно.

– Я так и не узнала, почему мне не дали роль лучшей подруги героини – Бэмби Мур.

– Лелия, это, очевидно, одна из моих крупнейших ошибок. В начале карьеры я часто ошибался.

– Ну, по крайней мере, ты потрудился пригласить меня однажды на ужин. Помнишь?

– Конечно, ужин. Он был замечательный.

– А ужин перетек в завтрак. Надеюсь, ты не забыл эту часть проб, – Лелия приподняла брови и сморщила губы.

– Тащите выпивку! – крикнул Макс. – Пора по-настоящему отмечать репетицию.

* * *

Той ночью режиссерский талант Макса и склонность прорабатывать все мелочи проявились по полной. Он вновь и вновь заставлял их отрабатывать свои роли.

В конце концов Том попросил сделать перерыв; протест Макса был быстро перекрыт лесом поднявшихся в знак одобрения рук.

Лелия подошла к Элеоноре. Том с ужасом взирал на неизбежную стычку.

– Как я понимаю, вы – подружка невесты, а Том – шафер. Очень весело и удобно.

– Вы действительно так считаете? – поинтересовалась Элеонора. – Мне на ум приходят иные эпитеты.

– Мы с Томом едем на Тахо на Рождество.

– Вы проделали путь от Лос-Анджелеса до Канзас-Сити и сели на едущий обратно в Лос-Анджелес поезд, чтобы провести Рождество на Тахо? Весьма запутанный маршрут.

– Ну, мне нужно было попросить Тома кое о чем очень важном.

– Да? И о чем же?

– Жениться на мне.

Элеонора бросила на Лэнгдона разъяренный взгляд. Лелия продолжила:

– Мне говорили, вы с Томом однажды встречались. У вас, случайно, нет гепатита? – добавила она и усмехнулась, глядя на Тома.

– Прошу прощения?

– Знаете, Элеонора, это забавно... вас же зовут Элеонора, верно? Так вот: забавно, что Том ни разу вас не упоминал. Полагаю, эти отношения не

слишком отложились в его памяти.

– Ну, разумеется, он упоминал мое имя, – ответила Элеонора. – Возможно, когда вы были в постели.

Челюсть Лелии отвисла так сильно, что стали видны миндалины.

– Как вам выпивка? – все, что сумел вымолвить Том.

Элеонора метнула в него еще один яростный взгляд и обратилась к Лелии:

– Не волнуйся, дорогая, можешь его забирать.

Она унеслась прочь. Том поспешил было за ней, но Лелия перехватила его:

– Ты слышал, что она мне сказала?

Журналист остановился и смотрел, как Элеонора исчезает в конце коридора.

– Том, ты меня слышишь?

Он наконец удостоил ее взгляда:

– Лелия...

– Что?

– Заткнись.

Женщина, казалось, была готова взорваться, но вместо этого просто развернулась на каблуках и ушла.

Мир Тома рушился. Тем временем Роксанна встала и обратилась к Максусу:

– Так, малыш, давай перейдем к сути.

Она вытащила страницы сценария:

– Все это неплохо, но мне нужен простор для импровизации.

– Простор для импровизации? – нервно переспросил Макс.

– Да, ты понимаешь, о чем я: делать что-то на ходу, играть под настроение толпы.

– Но, Роксанна, это же свадьба. Ключ к успеху любого подобного мероприятия в подготовке. У меня записаны все песни, которые ты можешь исполнить, и их последовательность.

Стив и Джули с тревогой смотрели на спорщиков.

– Я подготовлюсь, но пойми, Макс, – птицы не поют в клетке. Они должны летать где им угодно, а иначе помрут.

– Но...

Проводница положила руку ему на плечо:

– Слушай, малыш, ты ведь доверяешь мне?

– Да, конечно, но...

– Это все, что я хотела услышать.

Она повернулась к молодой паре и похлопала их по рукам.

– А вам стоит пойти и хорошенько выспаться. Завтра весь поезд будет грохотать в вашу честь. Вы никогда не забудете Роксанну Джордан и «Саутвест Чиф», это я вам обещаю.

Все начали расходиться. Том же стоял с таким несчастным видом, что Макс подошел к нему:

– Похоже, тебе не помешает еще бокал.

Пауэрс сделал два коктейля. Мужчины уселись.

– Роксанна потрясная, не правда ли?

– Да, потрясная, – отозвался пребывающий в смятении Лэнгдон.

Макс хлопнул его по ляжке:

– Извини за то, что на холостяцкой вечеринке не было выпрыгивающей из торта девушки. Я думал, это будет неуместно с учетом присутствующих дам, да и, по правде говоря, «Амтрак» вряд ли бы разрешил такое.

Том наконец сфокусировал внимание на режиссере.

– Так ты... что... *встречался* с Лелией?

– Ну, я не назвал бы это свиданиями. Одна-единственная встреча, насколько я помню. Память уже не та, что прежде. Так, а я верно все расслышал? Лелия попросила тебя жениться на ней?

Том кивнул.

– М-да, похоже, в наше время женщины берут инициативу в свои руки. Стало быть, если вы разведетесь, это ей придется платить тебе алименты?

– Ей ничего не придется мне платить, потому что мы не поженимся.

– Слушай, Том, не хочу влезать в чужие дела и все такое, но Лелия красива и... кажется, много зарабатывает на каких-то мультиках?

– «Каппи – волшебный бобер», «Матрац Фредди», «Огурец Пити».

– Так вот, Каппи, Пити – все это неплохо. Кажется, приемные внуки одной из моих бывших жен их смотрели. К чему я клоню: она красива, у нее есть состояние, она попросила тебя на ней жениться. Так что не спеши принимать решение: другого шанса, возможно, не будет. Не хочу тебя обидеть – ты симпатичный парень и нравишься мне, – но уже далеко не первой молодости.

– Ты прав: она богата, красива и... Макс, я не люблю ее.

Пауэрс откинулся на спинку сиденья и издал тяжелый вздох:

– Я связывал себя узами брака уже четырежды. Кто знает, быть может, в пятый раз все получится.

– А ты любил каждую?

Режиссер наклонился вперед. Его лицо помрачнело.

– Первой женой была Патти. Поженились сразу после окончания средней школы. Я пошел служить в армию, потом переехал в Калифорнию. У нас было четверо детей. Мы жили в нищете, но она никогда не жаловалась. Она умела экономить лучше всех встреченных мной людей. Я пошел в кинобизнес и только начал раскручиваться, когда она умерла.

Макс притих и посмотрел в окно на мелькающую местность.

– Да, я любил Патти всей душой. И всегда буду любить. А три последующих бывших жены? – Он пожал плечами. – Я женился, хорошо проводил время, потом разводился, и на этом все. В некотором смысле я их любил, но не так, как Патти. Если бы она не умерла, то я бы и не посмотрел на других женщин. Наверное, в первой любви есть нечто особенное. Теперь я кручу романы с кем захочу, и это весело, но я этим не особо горжусь. Никаких постоянных отношений. Понимаешь?

Том кивнул:

– Понимаю.

Макс посмотрел на него:

– Ты когда-нибудь женился?

Лэнгдон снова кивнул.

– Любил ее?

– Скажем так: она была ни разу не Патти.

Пауэрс придвинулся ближе и тихо сказал:

– Повторюсь, я не лезу в чужие дела, но ты не мог бы ответить на один вопрос?

– Наверное, могу.

– Почему вы с Элеонорой не вместе?

– Ты видел, что произошло. Она просто взяла и умчалась.

– Ну, нельзя ее за это винить. Твоя девушка прилетает из Лос-Анджелеса, чтобы сделать предложение. Бог видит, я не эксперт в делах сердечных, но это не лучший способ снова добиться любви всей твоей жизни.

– Макс, я пытался. Я всерьез пытался.

– А знаешь что?

Том поглядел на него:

– Что?

– Если она и впрямь *твоя* Патти, то я бы пытался настойчивей.

Глава 24

Элеонора у себя в купе собиралась проглотить невероятных размеров таблетку снотворного, когда кто-то постучал в дверь.

– Уходи! – крикнула она.

– Элеонора? Это я.

Секунду она стояла в недоумении, пытаясь идентифицировать голос своим переутомленным сознанием.

– Джули?

Женщина подошла к двери и открыла. На пороге стояла завтрашняя юная невеста со слезами на глазах. В руках у нее был футляр для одежды.

– Что случилось? Случайно, не позвонили опять родители Стива?

Джули покачала головой:

– Нет. И мои родители тоже не звонили.

Элеонора выглядела озадаченной:

– Я не совсем понимаю.

– Можно я зайду на пару минут?

– Что? А, да, конечно.

Картер сунула таблетку в карман.

– Но сейчас поздно, а завтра у тебя важный день. Тебе надо отдохнуть.

Женщины присели на край кровати.

– Стало быть, твои родители не позвонили, и ты расстроена, потому что... – начала Элеонора.

– Полагаю, каждая девушка ожидает родителей на свадьбе. То есть большинство знакомых мне невест планировали свадьбу до мелочей, и я не чувствую себя беспомощной и все такое. Но все равно ты рисуешь себе картину, как отец расстается со своей маленькой девочкой, а мать заверяет, что все будет хорошо. А у меня ничего такого не будет.

Она внезапно разрыдалась и продолжала плакать. Элеонора крепко обняла ее. Когда рыдания прекратились, Джули смущенно вытерла глаза:

– Прошу прощения. Я взрослая женщина и должна держать себя в руках. Но мне так одиноко.

Элеонора вытерла ей лицо чистым платком:

– Ты имеешь полное право так себя чувствовать. А из меня, похоже, так себе подружка невесты.

– Ну, тебя же попросили в последнюю минуту. Ты даже совсем не знаешь меня.

– Это не должно иметь значения. Мы обе женщины, ты завтра выходишь замуж – это все, что мне нужно знать.

– А ты была замужем?

– Нет, – тихо ответила Элеонора. – Но я много думала о свадьбе. Представляла себе каждую мелочь, вплоть до того, какие там будут блюда и цветы. Но в последнее время я реже фантазирую об этом.

– Почему?

– Это просто вопрос времени. Годы летят, шансов сыграть свадьбу становится все меньше.

– Все, что нужно, – это человек, который любит тебя и которого любишь ты.

Несмотря на то что ей захотелось разрыдаться еще сильнее, чем Джули, Элеонора улыбнулась:

– Да. Это все, что нужно.

Она дотронулась до футляра, который Джули оставила на кровати.

– Что там?

Джули снова смутилась:

– Это мое свадебное платье. Я не примеряла его с момента покупки. Я подумала, может быть, – ну, ты понимаешь...

– Замечательная идея, – сказала Элеонора.

– Ты точно не против? По твоим же словам, уже поздно, и ты наверняка устала.

– Вообще-то, я *была* усталая, но теперь уже нет.

Элеонора помогла Джули надеть платье: простой, но элегантный кремово-белый наряд, сидевший на девушке идеально. Когда она собиралась надеть на Джули вуаль, та взяла ее и надела на голову самой Элеоноры. Женщины встали рядом напротив большого зеркала.

– Ты выглядишь прекрасно, Джули.

– Ты тоже.

Джули зашлась истерическим смехом, и Элеонора присоединилась к ней.

Позже, когда Джули ушла в ванную, Картер собиралась упаковать платье, но вместо этого снова надела вуаль, приложила платье к себе и посмотрелась в зеркало.

– Элли?

Она оглянулась: дверь купе отъехала в сторону из-за поворотов дороги и набирающего скорость поезда. Том уставился на нее. Она не могла пошевелить руками и просто стояла молча – накрытая чужим свадебным нарядом.

– Элли? – повторил Лэнгдон, делая шаг внутрь.

В этот момент Джули вышла из ванной и увидела их.

– Прошу прощения, если я помешала.

Элеонора опустила платье, сняла вуаль и тщательно все упаковала под взглядом Тома. Затем протянула футляр Джули, обняла ее и улыбнулась:

– Крепкого тебе сна. Завтра утром вся твоя жизнь изменится. К лучшему.

Джули поцеловала ее в щеку, повернулась и прошла мимо Тома, который выглядел и смущенным и озадаченным.

– Том, что тебе нужно?

– Элли, ты в этом платье выглядела просто неотразимой.

– Уже поздно. Разве ты не должен быть с Лелией?

– Я не люблю Лелию!

– Ну, она, похоже, тебя любит. Полагаю, ты выказал к ней определенную привязанность или же что-то ей пообещал, потому что мне трудно поверить, что женщина проделала бы весь этот путь, чтобы попросить тебя жениться на ней чисто по-дружески или по доброте сердечной. Говоря откровенно, она явно не из таких.

– Я же говорю, у нас были не такого рода отношения.

– Да? Тогда что побудило ее приехать сюда? – Картер скрестила руки на груди в ожидании ответа.

– Откуда мне знать, почему она так поступила? Она сумасшедшая.

– Вы сколько уже встречаетесь?

– Около трех лет, – быстро пробормотал Том. – Но только периодически.

– Периодически? В течение трех лет?

– Да!

– И ты ожидал, что она удовольствуется этим?

Журналист ответил полным недоумения взглядом.

Элеонора продолжила:

– Стало быть, она хотела вступить в серьезные отношения, а ты – нет. Ты был вполне счастлив наведываться время от времени, делиться радостями, но не горем и уходить когда пожелаешь, так?

– Это не так, Элли. Я теперь не такой.

– Ну, конечно. Ты не изменился. Ни капельки.

– Все было бы иначе. С подходящей женщиной.

Элеонора потеряла виски:

– Слушай, завтра мы отмечаем свадьбу. Чужую свадьбу. Мне надо выпасться.

– Мы не можем оставить все как есть.

– Конечно, можем. И оставим.

Он подошел, чтобы заключить ее в объятия, но она решительно оттолкнула его:

– Завтра мы исполним свой долг, доедем до Лос-Анджелеса, и там наши пути разойдутся. На этот раз навсегда.

– Элли!

– Спокойной ночи, Том.

Она поставила точку, закрыв дверь.

Глава 25

На высоких равнинах Колорадо, у границы Нью-Мексико наступил рассвет, однако солнца было не видно, поскольку небо заполнили угрожающего вида облака. Толстый слой снега покрывал землю и вездесущую полынь. Большинство предпочло позавтракать пораньше, поскольку по поезду быстро разнесся слух о грядущей свадьбе. Когда поезд приблизился к «Ла Хунта», возбуждение возросло. Практически все пассажиры и сотрудники поезда набились в вагон-люкс, так что для свадебной процессии почти не оставалось места. Она состояла из невесты с женихом, а также подружки невесты и шафера, которые ни разу не обменялись взглядами. Хоть они и шли рядом рука об руку, их будто разделяла невидимая стена.

Свадьба прошла без серьезных помех. Группа нанятых Максом музыкантов, севших в поезд ранее этим утром, играла традиционный «Свадебный марш» и другие мелодии. Кристобаль снимал все происходящее, а Макс старательно руководил – насколько это было возможно – процессом, хотя большинство пассажиров были даже не в курсе, что сценарий этой свадьбы спланировал Макс Пауэрс. Том и Элеонора исполняли свои обязанности, хотя случился неловкий момент, когда Том не мог найти кольцо, а потом еще более неловкий, когда он как будто собирался надеть его на палец Элеоноры, вместо того чтобы передать Стиву. Потом все устаканилось, а Том сделал шаг назад и стал размышлять, где и как лучше всего покончить с собой.

Новобрачные поцеловались прямо в тот момент, когда поезд остановился в «Ла Хунта». Джули потрясла кулаком в воздухе:

– Да!

В обычные дни отсюда был четко виден Пайкс-Пик, однако даже такую высоченную горную вершину закрыла облачная завеса. Всю церемонию Херрик Хиггинс тихо просидел в уголке, рассматривая зловещее небо.

Все находящиеся в поезде начали бросать рис, а снаружи на станции группа, состоящая в основном из сотрудников состава, сделала то же самое. Белые зерна быстро растворились в снежном вихре.

На «Ла Хунта» на «Чиф» установили третий дизельный двигатель, чтобы легче взбираться на перевал. Когда поезд тронулся, стоящая вдоль колеи толпа одобрительно проревела при виде нарисованной на последнем

вагоне надписи «Молодожены» и подвешенных гремящих жестяных банок. Завидное начало брачной жизни.

После этого в поезде начали по-настоящему отмечать свадьбу, чему способствовал также оплаченный Максом огромный стол с угощениями. Пока собравшиеся набивали животы, а официальный свадебный фотограф делал снимки, появилась Роксанна в нарядном костюме – явно не стандартная униформа «Амтрака». За ней следовали мальчишки из главного хора Лос-Анджелеса, тоже в лучших костюмах. Толпа притихла, музыканты приготовились, а Роксанна и хор начали петь. Это была грандиозная и в то же время нежная, прекрасная картина. Сначала они исполняли классику, потом блюз, хип-хоп, а затем самые разные песни: от Нэта Кинга Коула^[40] до Синатры. После этого Роксанна исполнила сольный номер, побуждая Стива с Джули «think... think...»^[41], за которым последовала «Chain of Fools»; женщина старательно подражала Арете Франклин и также исполнила фирменную песню королевы соула – «Respect». К этому моменту толпа так увлеклась концертом, что люди выкрикивали вместе с ней каждую букву: «R-E-S-P-E-C-T!» Голос женщины гремел, она кружилась по залу в сложном танце с удивительной для ее габаритов грациозностью и легкостью. С ее лица и шеи струился пот. Когда Роксанна выкрикнула последние «Amen», казалось, она одержима каким-то духом свыше.

Все, что оставалось делать Максу, – сидеть и улыбаться. Когда Роксанна посмотрела на него, он демонстративно порвал свой напечатанный сценарий. Она притянула режиссера к себе, и они начали танцевать. Вскоре все последовало их примеру. Хотя «Кэпитол Лимитед», вероятно, доводилось прежде видеть подобные зрелища, для «Саутвест Чиф» это было впервые.

Лелия потащила Тома танцевать, однако ему удалось быстро сбежать, сославшись на плохое самочувствие, что, к слову, не было ложью. Ночь действительно выдалась тяжелой: большую ее часть он провел в общей душевой, выпуская обратно выпитый алкоголь. Несчастливая брошенная Лелия огляделась и заметила пакующего аппаратуру Кристобая.

– Не хотите потанцевать? – спросила она привлекательного молодого человека. Кристобаль посмотрел на нее, и его глаза заметно округлились при виде ее эффектной фигуры и наряда.

– Вы работаете на мистера Пауэрса, не так ли?

Кристобаль кивнул.

– Я Лелия Гибсон.

Его глаза округлились еще сильнее.

– Лелия Гибсон – голос «Каппи – волшебного бобра»? – выпалил он.

Лелия была застигнута врасплох.

– Ну да. А вы знакомы с мультсериалом?

– Знаком ли я с мультсериалом? В детстве он был моим любимым. Мой младший брат до сих пор его смотрит. И для всех моих племянниц и племянников это передача номер один. Вы потрясающая. Я видел вас вчера вечером на вечеринке мистера Пауэрса, но не знал, как вас зовут. К тому же я знаю вас только по голосу.

Лелия выглядела взбудораженной.

– Смотрели в детстве? Ох, похоже, прошло уже столько лет с тех пор, как я начала озвучивать мульт-сериал, не так ли?

Кристобаль отбросил всякую сдержанность и профессиональное достоинство – настолько он был взволнован.

– А также Белку Сасси, Матрас Фредди и Оранжевый огурец Пити – все это классика. Я плакал при просмотре серии, где Пити угодил в бурю и с него смыло всю краску. Ваша озвучка придала ему такую глубину эмоций в этой трагической сцене. Я оправлялся от пережитого неделями. Послушайте, не хочу показаться чрезмерно эмоциональным, но я просто не могу поверить, что вы едете этим поездом. С моей стороны не будет наглостью попросить ваш автограф? Иначе родные мне просто не поверят. Мой младший брат сойдет с ума.

– Да, конечно, я дам вам автограф, гм...

– Ох, где же мои манеры? Кристобаль Голдмен.

Он потряс ее руку с таким энтузиазмом, что хрупкая Лелия чуть не слетела с восьмисантиметровых каблуков своих чрезвычайно дорогих туфель с открытым носом.

– Вот что я вам скажу, Кристобаль: я поставлю автограф на чем вам угодно, если вы со мной потанцуете.

Ошеломленный молодой человек отвесил глубокий поклон, и они закружились в танце.

* * *

Пока все были заняты свадебной церемонией и вечеринкой, еще из двадцати купе пропали вещи – от часов и колец до браслетов и даже ботинок Макса «Бруно Мальи». Вор вновь ушел незамеченным, хотя в

коридоре и мелькнул кто-то, возможно заметивший что-то подозрительное. Тем не менее никто не забил тревогу, и вор быстро вернулся, влившись в ряды празднующих. Мешок с краденными вещами неимоверно раздулся, а до прибытия в Лос-Анджелес оставался еще один день.

В ночь перед свадьбой шторм остановился на границе между Колорадо и Нью-Мексико. Практически пришипленные к месту антициклоном облака так налились влагой, что не могли не пролиться; и около трех часов утра, когда «Чифу» оставалось еще более восьми часов пути досюда, это произошло. Датчики для измерения уровня снегопада забились снегом за час; чрезвычайно прочные приборы, установленные для измерения скорости ветра, были повалены в течение получаса. Все коммерческие рейсы получили предписание огигать эту зону по широкой дуге, а все ближайшие лыжные курорты были закрыты.

Перевал Ратона уже успел перенести пять зимних штормов. Накопившийся в горах снег удерживался на месте благодаря низким температурам и собственному весу. Когда наконец налетел сегодняшней шторм, произошло два события: во-первых, температура поднялась на несколько градусов, во-вторых, новый снег падал так обильно и стремительно, что не просто образовал новый слой на старом, а начал сползать; за ним стало падать и сползать еще больше снежной массы. Такая грандиозная движущаяся сила образовалась в очень короткие сроки. К семи часам практически наступила белая мгла. В девять тридцать шторм внезапно начал стихать, а синоптики сообщили, что он исчерпал себя и вскоре рассеется. Смена направления ветров означала, что самая опасная часть шторма теперь обрушится на север и восток.

Кто-то однажды сказал Марку Твену, когда разразился внезапный ливень, что надеется, что непогода вскоре уляжется; писатель ответил: шансы на это велики – ведь она всегда так делала. Он также заметил, что погода в целом очень услужлива: если кому-то не нравится происходящее в данный момент, все, что ему нужно, – это немного подождать, и погода переменится. Твен никогда особо не верил прогнозам погоды, придя к вполне разумному умозаключению: ремесло предсказывать намерения матушки-природы в лучшем случае – жалкое подобие науки, а в худшем – игра в рулетку для дураков.

Так вот: кое-что с тех пор не изменилось, поскольку даже с помощью спутников, доплеровского суперрадар^[42] и других современных устройств следящие за нынешним штормом метеорологи сделали то, что метеорологи делают постоянно: ошиблись. Буран лишь сделал передышку. Теперь миллионы тонн пришедшей с Тихого океана влаги и штормовые

ветры были готовы попасть в историю.

Глава 26

Большинство отмечавших свадьбу к этому времени разошлись, однако Макс и Мисти, Кристоаль и Лелия и Херрик Хиггинс оставались в вагоне-люксе. Том и Элеонора ушли – по отдельности – сразу после того, как Роксанна закончила петь, и с тех пор их не видели. Роксанна ушла заниматься делами, а также развести хор мальчиков по купе отдыхать после усердного труда. Уже женатым Стиву и Джули отвели отдельный двойной люкс, чтобы они могли приятно отметить официальное начало медового месяца.

«Чиф» к настоящему моменту оставил далеко позади Тринидад, штат Колорадо, и твердо нацелился на перевал Ратона. Все следили, как поезд начинает восхождение. По мере того как уклон становился круче, а завывание трех двигателей – громче, среди пассажиров распространялось беспокойство. Повсюду виднелись огромные сугробы, которые спихивал с колеи установленный спереди снегоочиститель. Удивительно, что машинист вообще разбирал дорогу, когда повсюду летали белые хлопья.

– Гм, а что произойдет, если один из вагонов отцепится? – спросил Кристоаль. – Мы съедем прямо в бездну?

– Нет, автоматическая система тормозов активируется, и вагон остановится. За прошедшие годы поезда сильно усовершенствовались. – Хиггинс указал в окно. – На высшей точке маршрута мы взберемся на высоту 7580 футов.

– Довольно высоко, – заметил Кристоаль.

– Ну, это не самая высокая точка маршрутов в США. Вот калифорнийский «Зефэ» проезжает Денвер на высоте чуть более 9200 футов. В Южной Америке – не помню, в какой стране, – есть колея, взбирающаяся так высоко, что пассажирам приходится раздавать кислородные маски. Мы же проедем через тоннель под перевалом длиной в полмили и окажемся в Нью-Мексико. Спустимся по восточному склону гор Сангре-де-Кристо и въедем в Ратон. Ратон находится на 6666 футов над уровнем моря, так что хоть спуск и непростой, но высота не так уж велика.

Пораженная Мисти схватила Макса за руку:

– Говорите, шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть футов?

Хиггинс поглядел на нее из-за чашки кофе:

– Верно, мэм.

– Вы уверены в этом? Именно столько футов?

– Да, мэм. Такие вещи замеряют весьма тщательно.
– О господи! – воскликнула Мисти.
– В чем дело, дорогая? – поинтересовался Макс.
– Разве ты не видишь? 6–6–6–6 – это самая ужасная из возможных комбинаций цифр. Даже хуже тройной шестерки.
Макс побледнел:
– Ты права: число зверя плюс еще шестерка. У нас очень плохая карма.
– Разве это проблема? – нервно спросил Кристобаль.
– В моем деле ситуации хуже не бывает, – выразительно произнесла Мисти. – Мы можем остановить поезд?
– Тут нет тормозного троса, как в фильмах? – спросила Лелия. Она сидела рядом с Кристобалем и взволнованно сжимала его руку.
– Гм, в наши дни уже нет, – сказал Хиггинс. – Просто успокойтесь, все будет хорошо. «Чиф» ездит здесь дважды в день – на восток и на запад.
Он глянул на часы:
– Скоро мы въедем в тоннель.
– Там темно? – любопытствовал Кристобаль.
– В большинстве тоннелей темно, сынок, – рассудительно ответил Хиггинс. – Но мы там надолго не задержимся. И глазом моргнуть не успеете, как проедем Ратон и границу с Нью-Мексико.

* * *

Том уставился на бриллиантовое кольцо в своей руке. Оно принадлежало матери. После ее смерти он не расставался с ним. Собственно, он чуть было не вытащил и передал это кольцо Стиву вместо другого, положенного. Тогда же он, спутав, хотел было вручить его Элеоноре, вместо того чтобы передать жениху, дабы тот надел его на палец невесте. Том сунул кольцо в карман, рассмотрел себя в зеркале, пригладил чуть взлохматившиеся волосы, поправил одолженный ему на свадебную церемонию Кристобалем галстук, сделал глубокий вдох и в сотый раз мысленно сказал себе, что должен это сделать.

Через несколько минут он постучался в купе Элеоноры. Та отдернула занавеску, посмотрела на него, задернула ее и заперла дверь на замок. Лэнгдон постучал по стеклу:

– Элли, мне очень нужно поговорить с тобой. Немедленно.
– Убирайся!

– Мне нужно спросить тебя кое о чем, и я собираюсь сделать это прямо сейчас.

Она распахнула дверь с такой силой, что послышался лязг ударяющегося о металл металла.

– Кажется, я более чем ясно выразилась!

Том сунул руку в карман за кольцом и начал вставать на трясущиеся колени.

* * *

Когда «Чиф» въехал в тоннель, внутренние помещения поезда окутал мрак. Затем события стали разворачиваться с ужасающей быстротой. Весь лежащий на южном, ближайшем к рельсам, хребте горы снежный покров под диким напором неустанных порывов ветра и тонн свежевыпавшего снега пришел в движение. Официально лавина началась в 11.15 по горному времени^[43] и ринулась вниз по склону с ошеломляющей скоростью; снега набралось столько, что, если бы его растопили, он образовал бы приличных размеров и глубины озеро. Лавина врезалась в расположенный между колеей и горным склоном забор, возведенный именно с целью предотвращения повреждений железнодорожного пути. Удар оказался такой силы, что стальной забор не просто смяло, но сорвало с опор и понесло вниз.

От удара в диспетчерскую службу «Амтрака» поступил автоматический сигнал тревоги. Та, в свою очередь, сразу же приказала машинисту «Саутвест Чиф» немедленно остановить поезд и ожидать дальнейшего развития событий.

«Чиф» только-только выехал из тоннеля под перевалом Ратона, когда пришел приказ. Машинист нажал на тормоза – очень быстро, как и требовала сложившаяся серьезная ситуация. Собственно, он и не нуждался в предупреждении диспетчеров «Амтрака», потому что ясно видел захватывающее дух зрелище через переднее стекло, хоть оно и происходило гораздо дальше по колее. Приливная волна из снега и камня была настолько мощной, что распространялась в ширину, и ее заметный отросток направился прямо к «Чифу» – такой потенциально смертоносный, что ездивший этим маршрутом четырнадцать лет машинист шепотом попрощался с женой и детьми. Он повидал за свою службу многое, но ничего подобного тому, что сейчас обрушивалось на него и на его поезд. Он

зажмурился, уверенный, что в следующие секунды «Саутвест Чиф» со всеми пассажирами будет уничтожен.

Когда поезд, накренившись, остановился, пассажиры начали догадываться, что это не предусмотренная стоянка. Когда неподвижно стоящий поезд начало трясти, словно во время землетрясения, сомнения переросли в твердую уверенность. К счастью, они не видели того же, что и машинист, однако все уловили нарастающий рокот. Те немногие, кому прежде доводилось слышать такой звук, сразу же поняли, что происходит.

– Это лавина! – воскликнул Том, посмотрев в окно.

Элеонора побледнела:

– Боже.

Он сорвал с кровати матрас, схватил Элеонору, повалил на пол, накрыл матрасом и сверху своим телом. Поезд продолжал трястись и раскачиваться, а шум сходящего с горы снежного покрова стал оглушительно громким.

Все находившиеся в вагоне-люксе попрятались под столы. Одни корябали на салфетках завещания, другие вспоминали давно забытые молитвы. Макс с Мисти прижались друг к другу, как и Лелия с Кристобалем. Тот обнял ее своими длинными руками.

Хиггинс также залез под стол, однако по-прежнему смотрел в окно. Его худшие кошмары внезапно воплотились в жизнь.

Каким-то чудом гигантский отросток, выброшенный лавиной, остановился раньше, чем сбил поезд с рельсов. Однако когда машинист открыл глаза, то увидел только непроницаемую снежную стену.

Ему удалось доложить о случившемся в «Амтрак» и получить ответ, что предположительно вторая лавина по другую сторону тоннеля смела второй забор. Парой минут раньше, парой минут позже – и «Чиф» валялся бы на дне ущелья; никому из пассажиров уже не пришлось бы волноваться о грядущих праздниках. Да, им повезло, как сказали диспетчеры, хотя машинист видел это и сам. С другой стороны, поезд теперь застрял, зажатый с обеих сторон, и не мог продвинуться ни вперед, ни назад, а шторм явно только начинался.

Метеорологи выпустили обновленный прогноз – на сей раз верный. Регион накрыла такая зимняя буря, каких не видывали уже тридцать лет. Ее предшественница унесла больше шестисот жизней, включая умерших от голода, которых отрезало от цивилизации. Те люди находились в отдаленных труднодоступных районах – совсем как беспомощный «Чиф» сейчас.

Хиггинс посмотрел на небо: мощные ветры задули со стороны горы с

такой силой, что невероятно тяжелый поезд шатался туда-сюда, накрываясь под тревожно высокими углами. За все годы железнодорожной службы Хиггинс никогда не оказывался в такой ситуации. Достаточно было посмотреть в окно по левую сторону, чтобы понять, что лететь вниз придется долго. Снег продолжал падать, и нельзя было исключать возможность новой лавины. Которая вполне способна увлечь за собой «Саутвест Чиф».

Глава 27

Через час Роксанна дала официальное объявление по громкой связи, разъясняющее пассажирам, что произошло и какие меры по спасению предпринимаются. Последних оказалось немного, поскольку прямо сейчас мало что можно было поделать. Как она объяснила, две горы снега преграждали и путь к Лос-Анджелесу, и обратно в Чикаго. Поезд находился прямо посередине. А в условиях накрывшего регион бурана с его мощными ветрами и снегопадом максимум, что можно сделать, – сохранять спокойствие и оставаться в своих купе. Следовать этим указаниям было нелегко, и в коридорах постоянно толпились встревоженные пассажиры в надежде получить больше информации.

Херрик Хиггинс ушел поговорить с машинистом и вернулся с еще более обеспокоенным видом. Том и Элеонора присоединились к компании Мисти и Макса в вагоне-люксе. Они поочередно смотрели в окно на белое снежное полотно, напрягаясь с каждым ударом ветра о стенки вагонов, и время от времени оглядывались на груды снега высотой в двести футов слева от поезда. Лелия благоразумно ретировалась в купе вместе с новым знакомым – земляком Кристобалем.

– Я знала, что это произойдет, – сказала Мисти. – Четыре шестерки – разве могло быть иначе?

– Вообще-то, мы ездим тут очень давно, и подобного никогда не случилось, – сообщил Хиггинс. – Поезд – самый безопасный из доступных здесь способов путешествия, даже безопаснее самолета, если сравнить число катастроф.

– Может ли сойти новая лавина? – спросила Мисти. – Которая угодит в поезд?

– Все на милости матушки-природы, – ответил старик, – так что может произойти что угодно. Но думаю, раз было уже две лавины, большая часть снега сошла.

Том посмотрел на пожилого железнодорожника:

– И что теперь? Как они доберутся до нас? Мы же не можем ждать весеннего таяния снегов.

– Нет, не можем. Однако добраться до нас непросто. Владеющая этой железной дорогой грузоперевозочная компания весьма приличная, с обширными ресурсами, но при заваленной снегом колее и при такой погоде они мало что могут сделать. Тут узко, недостаточно пространства для

маневра. А маленькому самолету или вертолету здесь совсем негде приземлиться, даже если буран уляжется.

– Утешающие известия, – заметил Макс.

В вагон вошла усталая Роксанна. За последний час она моталась повсюду: успокаивала пассажиров, утешала мальчиков из хора, следила, чтобы были предприняты все возможные меры для комфорта пассажиров. Она села, переводя дух.

– Вдобавок ко всему прочему орудовавший в «Кэпе» воруга, похоже, сел на «Чиф»: многие пассажиры сообщают о пропаже вещей.

Макс покачал головой:

– Просто изумительно.

Он и Мисти переглянулись.

– Есть и хорошая новость, – сказал Хиггинс, – на «Ла Хунта» мы установили третий двигатель, так что теперь нам помогает дополнительная силовая установка.

Роксанна кивнула.

– Что вы имеете в виду? – спросил Макс.

– Я имею в виду электричество, которое поддерживает освещение, температуру и прочее – оно вырабатывается электрогенераторами в двигателях: их питают движки на дизельном топливе. Так называемая головная сила.

– Стало быть, когда у нас закончится топливо, то закончится и электричество, – заметил Том.

– По сути верно. Но благодаря дополнительному двигателю у нас в запасе больше времени.

– Насколько больше? – спросил Макс.

– Трудно сказать. Мы запаслись дополнительным топливом в Канзасе, однако дозаправиться «Чиф» должен был в Альбукерке, который примерно в двухсот пятидесяти милях отсюда.

– А на то, чтобы взобраться на перевал, ушло много топлива, так что дизельные баки отнюдь не полны, – заметил Том. Хиггинс кивнул. – Следовательно, не исключено, что до отключения электричества остались считанные часы.

– Ну, машинист делает все возможное, чтобы сэкономить топливо.

– Разве нельзя посадить всех пассажиров в несколько вагонов и отключить подачу электричества в остальные? – предложил Макс.

– Нет, система так не работает. Двигатели генерируют электричество по тому же принципу, что и в отеле: три ли вагона нагреваются или десять, расход топлива одинаков. Когда я виделся с машинистом, мы выработали

стратегию. Он переключается между тремя локомотивами, переводя сначала один, а затем другой в режим ожидания – оптимальный для подачи электричества во время стоянки. Так расход топлива распределяется равномерно между локомотивами и экономится, потому что находящиеся не в режиме ожидания двигатели медленно работают вхолостую и расход топлива минимален.

– Почему бы просто не выключить часть двигателей? – спросила Элеонора.

– Чтобы завести их снова, потребуется слишком много топлива, – ответила Роксанна.

Хиггинс кивнул и добавил:

– Еще одна проблема – отсутствие антифриза в охлаждающей системе поездов: он потребляет слишком много воды. Приходится держать двигатели в работающем состоянии, чтобы трубы не замерзли. В такой холод стоит только отключить головную силу, как температура упадет и меньше чем через час трубы начнут замерзать. После чего не останется воды для приготовления пищи, питья и санитарных нужд.

– Хорошо, что мы погрузили дополнительные припасы в Канзас-Сити, – сказала Роксанна. – Начнем ограничивать порции прямо сейчас, раз неизвестно, сколько мы здесь пробудем.

Она поднялась – надо идти работать дальше.

– Если что-то понадобится, я могу рассчитывать на всех вас, верно?

Все кивнули в ответ. Женщина храбро улыбнулась и ушла. Четыре часа спустя стемнело. Большинство пассажиров вернулись в купе, накрылись одеялами и теперь размышляли над своей возможной трагической участью.

Том зашел к читающему Библию отцу Келли.

– Знаете, отец, возможно, вам стоит провести в поезде службу, чтобы подбодрить людей.

– Но не все тут католики, – заметил священник.

Том посмотрел в окно. Снег по-прежнему падал, а ветер по-прежнему бился в стенки вагонов.

– Не уверен, имеет ли это теперь значение.

– Боюсь, я подрастерял навыки.

– Это как езда на велосипеде: научившись, уже никогда не забываешь.

Лэнгдон обнаружил Макса и Мисти в двойном люксе прижавшимися друг к другу. Мисти все еще пребывала в депрессии, а вот к Максимуму вернулось веселое настроение, даже несмотря на пропажу «Бруно Мальи».

– Думаю, тому, кто их забрал, они нужнее, чем мне.

- Щедро с твоей стороны, – заметил Том.
- У меня и так слишком много вещей. Однако, должен сказать, все произошедшее станет основой для великолепного фильма – если только я это переживу и смогу заняться съемками.
- Макс! – возмущенно произнесла Мисти.
- Всегда думал, что я погибну в какой-нибудь грандиозной катастрофе. Но и подумать не мог, что это случится в поезде.
- Спасибо, Макс, очень обнадеживает, – заметила Мисти.
- Ну, Мисти, – судьба же написана звездами. Скажи мне, каково твое предсказание? Что говорят тебе карты?
- Макс, не сейчас.
- Хочешь сказать, одно маленькое происшествие – и ты перестала во все это верить? Какая-то слабенькая вера.
- Женщина со вздохом вытащила карты Таро, перемешала и стала выкладывать по одной. Сначала она выглядела совершенно не заинтересованной процессом и бросала в окно встревоженный взгляд после каждого мощного порыва ветра. Но постепенно сосредоточилась на переворачивании карт и нахмурилась, отчего лоб прорезала глубокая морщина. Наконец она произнесла:
- Забавно.
- Что забавно? – спросил Том.
- Похоже, нас спасут.
- Хорошие вести, – сказал Макс. – А как?
- С помощью чего-то шестиногого, вот так вот.
- Шестиногого? – недоверчиво переспросил Том.
- Еще одна шестерка, итого пять. Разве это не хуже, чем четыре шестерки? – спросил Макс.
- Нет, карты говорят, что шесть ног придут и спасут. Что есть, то есть. Макс встал и направился к бару в углу:
- Что ж, пока шестиногое не появилось, я, пожалуй, выпью бурбона. Том, ты со мной?
- Может, позже. Мне надо кое-что сделать.
- Что, например?
- Найти шестиногое – вот что.

* * *

История попавшего в ловушку поезда разнеслась по национальным и международным новостям. Мир ожидал дальнейшего развития событий. Увы, несмотря на то что Соединенные Штаты были готовы бросить все кадры и ресурсы на спасение поезда, у непослушной природы-матушки имелись иные планы. В такую погоду ни один самолет не взлетит, а даже если бы мог, ему некуда сесть. Вертолетам тоже приходилось оставаться на земле. Все ждали улучшения погоды. А поскольку в составе имелись запасы топлива, тепла и продовольствия, ситуация, несмотря на всю серьезность, не угрожала жизни людей и срочное вмешательство не требовалось. Поезду передали сообщение ждать – помощь в конце концов придет.

А вот в штабе «Амтрака» разработка спасательной операции шла полным ходом. Темпы были довольно быстрыми. Установили контакт с грузоперевозочной компанией, владеющей колеей, на которой застрял «Чиф». Две организации совместно планировали операцию, которую осуществят, как только наладится погода.

Также по всей стране разослали запросы на оборудование и рабочие руки, которые, несомненно, понадобятся для расчистки рельсов. Сотрудники «Амтрака» не были уверены, что откликнутся многие, учитывая, что на дворе почти Рождество. Однако кто-то догадался упомянуть в разосланном сообщении, что в попавшем в ловушку поезде едут Роксанна Джордан и недавно «ушедший в отставку» Херрик Хиггинс. В течение нескольких часов в компанию поступили тысячи звонков и электронных писем: железнодорожники со всей страны вызывались добровольцами, жертвуя своим Рождеством, чтобы оказать помощь.

Теперь у «Амтрака» были рабочие руки, а оборудование должно вскоре прибыть. Тем не менее со все ухудшающейся погодой ничего поделать было нельзя.

Глава 28

За окном все темнело. Тишину нарушали только шум ветра да падающего на крышу и барабнящего в окна снега. Отдыхать было нелегко. После каждого хруста и скрипа всем представлялись не разгрызание рождественских леденцов и не толстяк с оленями, а своя мучительная кончина.

Помимо ограниченных запасов топлива и продовольствия имелась и другая проблема; к счастью, ни один пассажир о ней не знал, в отличие от сотрудников поезда и Хиггинса. Все дело в накапливающемся на крышах вагонов снеге. Вес его чудовищен. Хоть вагоны и построены на совесть, у конструкции был свой предел, и тонны нападавшего сверху снега испытывали его на прочность. Ветер помогал тем, что постоянно сдувал накапливающийся снег. Тем не менее снежные шапки продолжали расти и быстро восполняли потери от ветра.

Большинство предпочло не ужинать в вагоне-ресторане, а остаться у себя в купе и либо перекусывать, либо вообще не есть, беспомощно уставившись в окно. Это снижало расходы провианта, однако рано или поздно все пассажиры захотят есть, а запасов провизии в поезде хватит только на день-два. Роксанна отправила бригаду залезть под днища вагонов и проверить трубы. Ей доложили, что пока ни одна не замерзла. Все мужчины тепло оделись, однако даже после столь короткого пребывания снаружи их накрыл слой снега и била неконтролируемая дрожь.

Проблема с топливом была еще более серьезной. Хиггинс объяснил положение дел Тому с Элеонорой за ужином, пока те молча ели в вагоне-ресторане:

– Как только топливо закончится, у нас появится ряд стремительно нарастающих проблем. Отсутствие воды, разрыв труб, отсутствие тепла...

– А если у нас закончится топливо, то даже если спасатели доберутся до нас, как они приведут поезд в движение? У нас тут не авиация – это самолет можно дозаправить в воздухе, – добавил Том.

– Ну, они установят на «Чиф» двигатели с полными баками, и он поедет. Но, как ты верно заметил, спасателям надо сперва добраться до нас. Я ходил к головному двигателю и видел, сколько накопилось снега на рельсах впереди – очень много. Расчистить его – дело небыстрое.

– Так, может, вместо того чтобы ждать, пока помощь доберется до нас, нам самим следует добраться до тех, кто поможет нам?

– Это куда? – спросила Элеонора. – Том, оглянись вокруг: мы застряли невесть где.

– Вы не представляете нашего приблизительного местонахождения, Херрик? – спросил Том. – Вы знаете коммуникационную систему «Амтрака» лучше всех.

Хиггинс ненадолго призадумался:

– Вообще между штатами есть шоссе I-25, которое идет параллельно проходу между Ратоном и Тринидадом и затем сворачивает на север, к Денверу.

– Шоссе – это уже что-то, – сказал Том. – Поезд помогал нам, а мы поможем ему.

– Вот только шоссе перекрыто из-за шторма, – заметил Хиггинс.

– Хорошо, еще какие варианты?

Ветеран-железнодорожник снова ненадолго призадумался, после чего решительно покачал головой:

– Нет, это не сработает.

– Что именно? Скажите.

– Нет, ничего не выйдет, – настаивал на своем Хиггинс.

– Херрик, сейчас я готов выслушать даже самую безумную идею. Быть может, мы сумеем воплотить ее в реальность.

Старик пожал плечами и наклонился вперед:

– Неподалеку в горах есть курорт. Зимой это горнолыжный курорт, а летом – ранчо «Динго». Ему всего несколько лет, но он крупный, прекрасно оборудованный и многолюдный. Я ездил туда несколько раз с сыновьями и их семьями и встречался с владельцами: это пара иммигрантов-австралийцев, заработавших состояние на Уолл-стрит и уехавших на Запад в поисках новых интересных ощущений. Загвоздка в том, что добираться туда придется часа четыре по весьма труднопроходимой местности. В нормальную погоду люди в хорошей физической форме могут это сделать, однако пешком в такой бурян рассчитывать не на что.

Том внимательно посмотрел на него:

– Пешком – да, а на лыжах – нет.

– Ты везешь с собой лыжи? – спросил Хиггинс.

– Я собирался провести Рождество на Тахо. Я также везу всевозможную верхнюю одежду, ботинки, перчатки, сигнальные ракеты, компас, шлем с фонарем – в общем, все предусмотрено.

– Том, там очень сложная местность.

– Херрик, я ездил на лыжах практически везде и практически в любых условиях. Все, что мне нужно от вас, – это направление движения и

сведения об окружающей местности.

– Ты всерьез думаешь, что справишься? – спросил Хиггинс.

– Могу пообещать, что приложу все силы, не более того. И потом, что нам терять?

– А что насчет твоей жизни? – подала голос Элеонора.

– Ну, так это моя жизнь, верно? Не то чтобы кто-то станет меня оплакивать.

После этих слов она встала и ушла.

Хиггинс быстро собрал проводника, Роксанну и машиниста в вагоне-ресторане. Ни машинисту, ни проводнику план не понравился.

– Он пассажир, – сказал проводник. – Том, я ценю – правда ценю – ваше предложение, но, если с вами что-то случится, ответственность ляжет на меня. Я не могу отпустить вас. Нам надо просто подождать, и помощь придет.

– Можете связаться с центральным управлением «Амтрака»? Или, быть может, мы свяжемся с хозяевами «Динго», и они пришлют сюда кого-нибудь, – обратился к машинисту Хиггинс.

Мужчина покачал головой:

– Буря глушит сигналы. Последний звонок в центральное управление я сделал несколько часов назад. С тех пор дозвониться до них не получалось.

Роксанна добавила:

– Мы даже проверили все мобильные телефоны – ни у одного нет сигнала. Мы не можем дозвониться ни до центрального управления, ни до курорта, ни до кого-либо еще. Все равно что в каменном веке.

– Послушайте, – сказал Том. – Я не собираюсь сидеть и ждать, пока шторм пожрет нас. Я подпишу любую бумагу, какую вам угодно, и сниму с вас ответственность, если со мной что-то случится. Мне уже приходилось подписывать такое, когда я делал репортажи за рубежом. Я большой мальчик и умею позаботиться о себе.

– Том, дело не только в этом, – сказала Роксанна. – Мы не хотим, чтобы с тобой что-то стряслось, дорогой. Сейчас совсем не прогулочная погода.

– Роксанна, я бывал и в худших передрыгах, поверь мне. – Он обвел всех взглядом. – Дайте мне попробовать: это все, о чем я прошу. Если не получится пробиться, я просто вернусь назад.

Все переглянулись. Наконец проводник и машинист медленно кивнули:

– Хорошо.

Том отправился с Роксанной в багажный вагон и достал свое лыжное

снаряжение. Он собирался у себя в купе, когда услышал, как кто-то подходит. Это была Элеонора.

– Я собираюсь, – тихо сказал Том.

– Ясно.

Она просто стояла.

– Тебе что-нибудь нужно? Я очень занят.

– Я не хочу, чтобы ты уходил.

– Так, довольно. Я все равно пойду.

– Похоже, ты думаешь, что собираешься спасти поезд и всех пассажиров.

Он бросил на нее резкий взгляд:

– Да, в целом план таков. Можно не благодарить меня за геройствование.

Элеонора подошла и присела на край сиденья.

– А тебе не кажется, что ты просто убегаешь?

– Я собираюсь пойти в буран и рискнуть жизнью, чтобы получить помощь, а ты называешь меня трусом. Чертовски огромное спасибо тебе.

Она не дрогнула от этого словесного выпада.

– Хочешь знать, почему я бросила тебя в Тель-Авиве? Наверное, стоит послушать, раз ты можешь не вернуться.

Он бросил на нее долгий взгляд, а затем тоже сел.

– Должен заметить, ты выбираешь время не менее неудачно, чем я. Впрочем, ладно, слушаю.

Женщина собралась с мыслями и заговорила:

– Том, ты одиночка, и тебе это нравится. Ты несешь ответственность только за себя, ни за кого больше.

Он начал возражать, но она остановила его одним взглядом.

– Я целые годы ждала возможности это сказать и скажу, а ты будешь слушать. – Она сделала паузу и продолжила: – Том, я любила тебя всей душой. Любила. Мое сердце целиком и полностью принадлежало тебе.

– *Принадлежало* – в прошедшем времени.

– Ты не осознаешь, что, пока мы были вместе, тебя похищали, бросали в тюрьму и трижды чуть не убили? Ты продолжал безумно рисковать собой ради очередного репортажа и никогда не задумывался, что чувствую я. Каждый раз, когда ты выходил за дверь, я не знала, вернешься ли ты. Не замечал, что я делала все меньше репортажей и волновалась все больше? Мне хотелось лишь отправиться домой. Я хотела найти место, где мы поселимся и будем жить вместе. Я не хотела лететь куда-то еще. Я не хотела смотреть, как ты уходишь на очередное задание, и гадать, увижу ли

тебя снова. После всех этих лет странствий мне хотелось иметь дом с белым забором, дворик с садом и мужа, который уходит в девять и приходит домой в пять. Вот только ты так и не сделал предложения. Видимо, странствия для тебя были важнее, чем я.

– Элли, ты выдвинула мне ультиматум. Дала несколько минут на принятие решения, меняющего жизнь.

– Нет. Я просила годами, ты просто не желал слушать. Когда я вернулась в то утро и сказала, что хочу улететь, это было не спонтанное решение. Я набиралась духу неделями. После той прогулки я наконец нашла в себе смелость. И получила ответ.

Она встала.

– Можешь вставать на лыжи и отправляться пытаться спасти поезд. В очередное приключение. Надеюсь, с тобой ничего не случится и ты напишешь отличный репортаж. Только не воображай, что ты делаешь это ради кого-то, кроме себя.

Она ушла. Том сидел и смотрел ей вслед. Рука в кармане бесцельно теребила кольцо.

Глава 29

Вагон-ресторан был полон жаждущих завтрака пассажиров. Роксанна с тревогой наблюдала, как запасы продовольствия на кухне стремительно тают. Еда в вагоне-люксе закончилась еще прошлой ночью, и уже начали появляться недовольные. Ей пришлось пустить в ход чувство юмора и дипломатические навыки, чтобы утихомирить каждого. В поезде было немало младенцев. Запасы подгузников и молока тоже заканчивались, и раздающиеся повсюду детские крики еще больше трепали всем нервы.

Отец Келли наконец набрался смелости провести службу в вагоне-люксе, на которую собралась многочисленная паства, включая представителей всевозможных вероисповеданий, – даже несколько ищущих утешения агностиков. Священник с непривычки иногда запинался, однако старался искренне. После службы люди подходили и благодарили его за поднятое настроение.

Он признался помогавшей ему в проведении службы Агнес Джо, что уже много лет не чувствовал себя так хорошо. Это даже заставило его задуматься, а стоило ли уходить в отставку.

Когда Хиггинс перестал совещаться с работниками поезда насчет оптимальных способов экономии топлива и электричества, он вышел наружу в шторм и лично залез под днища вагонов проверить, не замерзли ли трубы. Когда он вернулся, уже наступило время ланча. За чашкой кофе старый железнодорожник делился с присутствующими в вагоне-ресторане историями Дикого Запада: про Джесси и Франка Джеймсов, Билли Кида и других лихих людей. Не только дети, но и взрослые прислушивались с трепетом и с широко открытыми глазами. Он также поведал историю легендарного носильщика из пульмановского вагона Джона Блера, который в конце 1800-х годов практически в одиночку спас пассажиров целого поезда, угодившего в лесной пожар в Миннесоте.

– Они оказались в весьма отчаянном положении, – рассказывал Хиггинс, – потому что нет ничего хуже огня. Если выбирать между огнем и снегом, – он махнул рукой в сторону окна, – я всегда выберу снег. Может, сейчас вам так не кажется, но в этом отношении нам повезло.

Роксанна улыбнулась, оценив по достоинству, что именно пытается донести до всех Хиггинс, и налила ему еще чашку кофе.

Агнес Джо довольно долго сидела, уставившись в окно вагона-ресторана. Когда Роксанна спросила ее, куда она смотрит, та указала на что-

то неразличимое среди падающего снега:

– Знаешь, сейчас ведь сочельник.

Роксанна кивнула:

– Ты права, дорогая.

Чуть позже подошла Элеонора. Агнес Джо с Роксанной смотрели в окно, Элеонора проследила за их взглядами. Снаружи двое тепло одетых мужчин с трудом затаскивали в поезд что-то покрытое брезентом.

– Что происходит? – спросила Элеонора.

– Скоро узнаешь, – ответила Роксанна.

Когда первый зашел внутрь, таща груз за свой конец, женщина увидела, что это проводник спального вагона Барри. Брезент сполз с перетаскиваемой вещи, и стало видно, что это малорослая елочка – видимо, со склона горы. Большую часть снега стряхнули снаружи, однако твердые куски прочно прилипли к ветвям и тощему стволу. Когда второй мужчина залез в вагон, капюшон слетел с его головы. Элеонора ахнула: это был Том.

– Какое Рождество без рождественской елки, – пояснил он. – Вообще это была идея Агнес Джо.

Они установили елку в вагоне-люксе на спешно сооруженной подставке. Прибежавшие дети стали украшать ее по своему усмотрению. Час спустя елочка смотрелась просто потрясающе – или как минимум любопытно: ее увешали всем подряд – от бижутерии до бейсбольных карточек из жвачек, от резинок до пластиковых фигурок и гирлянд мишуры, которые одна женщина везла на Рождество своей семье в Альбукерке. Дети склеили из бумаги большую звезду, выкрасили в ярко-серебристый цвет и водрузили на макушку елки, что оказалось нетрудно, учитывая, что высота дерева всего четыре фута. Тем не менее пойманым в ловушку в «Чифе» людям елка казалась захватывающей дух красавицей со всеми ее карточками, фигурками и прочим.

Том сидел с чашкой горячего кофе и смотрел, как скромная елочка превращается в нарядное праздничное дерево.

– Она прекрасна.

Он оглянулся. Элеонора смотрела на елку, затем перевела взгляд на него.

Том нервно тронул пальцем кофе.

– Ну, она неплохо отвлекает людей от других мыслей. К тому же приятно слышать детский смех.

– Не против, если присяду?

Он сделал приглашающий жест в сторону пустого сиденья.

– Я думала, к этому времени ты уже уйдешь, – сказала Картер.

- Иногда если не люди, то планы меняются.
- И как изменились твои планы?
- Я решил не уходить, а остаться здесь. Один за всех и все за одного.

Элеонора откинулась назад.

– Должна сказать, я удивлена. Не думала, что какие-то мои слова могут... – Она затихла.

Том закончил за нее:

– Пробриться в мой толстый череп? – Он слабо улыбнулся. – Слушай, Элли, я просто решил, что лучше остаться и помогать здесь. К тому времени, когда я доберусь до лыжного курорта – *если* доберусь, – буран, скорее всего, уже закончится и придет помощь. – Он сделал паузу и добавил: – А если нет... ну, тогда все равно лучше быть здесь.

Их взгляды встретились. Когда этот момент затянулся, Лэнгдон резко встал.

- Куда ты? – спросила Элеонора.
- Мне надо кое с чем разобраться. Давно пора.

Через несколько минут он зашел к Лелии сообщить, что отвечает отказом на предложение пожениться.

– Ты мне нравишься, и ты мне дорога, но я не стану жениться на тебе и заводить восьмерых детей. Надеюсь, ты меня поймешь.

Судя по ее виду, она совершенно не понимала. По лицу женщины покатались слезы. Она сжала его руку.

– Могу ли я сказать или сделать что-то, что заставит тебя передумать? Мы так подходили друг другу.

Том покачал головой:

– Лелия, я не люблю тебя. И уверен, если ты хорошенько подумаешь, то осознаешь, что тоже не любишь меня.

– Просто мы были вместе так долго...

– Совместимость не любовь.

Она всхлипнула в носовой платок и сказала дрожащим голосом:

– Не знаю. Может быть, ты и прав.

В этот момент из ее ванной комнаты вышел Кристобаль и посмотрел на них:

– Я не помешал?

– Нет, – Том бросил суровый взгляд на всхлипывающую Лелию, – но, очевидно, я мешаю.

Лелия невинно посмотрела на него:

– Он помогал мне пережить эти трудные времена. И он замечательно делает педикюр и массаж спины.

– Не сомневаюсь, – он перевел взгляд на Кристобаля. – Чао.

Том вышел из купе и зашагал по коридору. Он давно не испытывал такого облегчения: теперь на нем больше не вис волшебный бобер Каппи. Ему было немного жаль Кристобаля, но тот уже большой мальчик.

Произошло одно удивительное позитивное событие: все похищенные в «Чифе» и многие из украденных в «Кэпитол Лимитед» вещи вернулись к своим владельцам. Никто ничего не видел и поэтому не знал, почему вор так резко передумал. Роксанна и отец Келли просто сочли это рождественским чудом.

После ужина, декорированного в честь праздника в красно-белые тона, всех попросили собраться в вагоне-люксе. Там пассажиры с удивлением увидели стоящую в конце вагона самодельную сцену. Макс выступал в роли конферансье – сначала подогревал ожидания публики, а затем указал на сцену и выкрикнул:

– Что я слышу? Не грядет ли нечто особенное?

Все внимание сосредоточилось на сцене. Когда там появилась кукла, один из детей с восторгом воскликнул:

– Это волшебный бобер Каппи!

Затем раздался голос другого маленького маль-чика:

– А это огурец Пити!

Затем белка Сасси и матрас Фредди присоединились к своим знаменитым друзьям, и началось веселье.

Марионетками управляли из-за сцены Лелия и Кристобаль. Лелия всегда носила с собой кукол-марионеток на тот случай, если повстречается с детьми, и часто раздаривала их. Женщина превосходно озвучивала всех кукол, переключаясь с предмета мебели на огурец, а затем на лесного зверя с легкостью истинного профессионала.

Во время перерыва Кристобаль шепнул ей:

– Я никогда в жизни не достаивался такой чести.

Они поцеловались за кулисами, в то время как на сцене Сасси и Каппи тыкались друг в друга головами, а все дети и даже взрослые ревели от смеха.

Санта пришел точно по расписанию. Его играл крепко сбитый Барри в настоящем костюме Санты, который хранили в поезде как раз на такой случай. Должность Санты пользовалась такой популярностью, что на протяжении всего года работники «Амтрака» боролись, делали ставки, занимались подкупом и самовывдвижением, чтобы заполучить на Рождество эту ведущую роль. Эльфы Санты, которых играли Том, Элеонора, Макс и Мисти, прилежно раздавали подарки. И сами пассажиры обменивались

захваченными с собой упакованными подарками. Все держались любезно и много шутили, а счастливый детский смех сильно смягчал гнетущее взрослых напряжение.

Отец Келли – опять-таки при содействии Агнес Джо – руководил общей молитвой и прослужил своего рода рождественскую мессу. Обручившего Стива с Джули священника тоже пригласили поучаствовать, но тот отказался и остался в купе. Стива и Джули почти не видели. Очевидно, даже лавина не могла помешать им отмечать медовый месяц – и кто мог их за это винить.

Мальчишеский хор пел рождественские куплеты вместе с Роксанной. Все присоединились к ним, стараясь изо всех сил. Порой казалось, что у каждого есть мелодичный голос. Когда стало совсем поздно и ребята начали все чаще зевать, все начали прощаться. Незнакомые люди хлопали друг друга по спине и говорили, что это замечательный сочельник. Затем пассажиры отправились спать.

Элеонора и Том пошли с Роксанной укладывать мальчиков. Они уже собирались уходить, когда один из ребят позвал проводницу.

Она присела рядом с маленьким мальчиком по имени Оливер.

– Что случилось? – спросила Роксанна. Том и Элеонора стояли рядом.

Глаза Оливера казались огромными, размером чуть ли не с него самого. Его голосок мог очаровать и восхитить самого жестокого человека на планете, и обычно он вел себя беззаботно, однако сейчас выглядел встревоженным.

– Патрик сказал, что Бога не существует.

Роксанна ахнула:

– Что? Патрик, подойди-ка сюда.

Подошел Патрик в полосатой пижаме и в очках. Это был один из старших мальчиков – высокий и худой, держащийся очень уверенно. Он постоянно читал и был одаренным ребенком.

Роксанна нависла над ним, положив руки на свои широкие бедра.

– Объяснись. Почему ты сказал ему это?

Другие мальчики подняли головы, готовясь смотреть и слушать. Том с Элеонорой обменялись взглядами.

– Это просто процесс отсеивания, по сути, эволюционный цикл.

Он поправил очки, словно очень юный профессор, обращающийся к аудитории.

– Что-что?

– Ну, в начале была Зубная фея. У тебя выпадает молочный зуб, ты кладешь его под подушку, на следующее утро зуб пропадает, и на его месте

появляются деньги. Большинство детей осознают, что это небылица, примерно в пять лет. Хотя я, естественно, понял это гораздо раньше.

– Патрик, тебе сейчас десять, – сказал его брат Тони, – а ты по-прежнему кладешь зубы под подушку.

– Тони, это потому, что мне хочется получить деньги, а не потому, что я все еще верю в фею. – Патрик повернулся обратно к Роксанне. – Другой пример – пасхальный кролик: еще одна небылица, которую разоблачают лет в семь. Далее идет Санта-Клаус. Взять, к примеру, сегодняшнего: разве его играл не один из пассажиров...

Роксанна перевела взгляд на детей помладше, которые, похоже, были готовы расплакаться от слов Патрика.

– Патрик, давай перейдем к главному, – прервала она, – к Богу.

– Хорошо. Если бы добрый Бог существовал, разве он позволил бы случиться такому? Сейчас мы, по идее, должны находиться дома, проводить Рождество с семьями. Вместо этого застряли посреди снежной бури, и у нас заканчивается топливо и продовольствие. Если бы Бог существовал, разве он допустил бы это?

Несмотря на уверенный вид, Роксанна чувствовала, что Патрик напуган не меньше остальных, и на самом деле надеется, что она объяснит, почему Бог *существует*, а не согласится, что его *нет*.

Роксанна усадила Патрика рядом с собой, а Оливера – на колени.

– Ну, проблема твоих умозаключений в том, что ты предполагаешь, что застрять здесь – это плохо.

Патрик поправил очки:

– Это и в самом деле плохо, разве нет?

– Не совсем. Сначала надо бы рассмотреть и проанализировать факты. Что произошло сегодня вечером?

– Снегопад усилился, а на кухне закончилась еда.

– Помимо этого.

Оливер подал голос:

– Мы отпраздновали сочельник и открыли подарки. Это хорошо.

– Мы могли бы сделать это с родными, – возразил Патрик.

– Верно, – сказала Роксанна, – но разве твои родные были бы напуганы и голодны и разве находились бы в странном месте в окружении незнакомцев?

– Ну, нет, – ответил мальчик, подумав.

– В отличие от пассажиров этого поезда, верно? Пассажиры совсем не хотят находиться здесь, потому что это не их дом, а хотят быть с любимыми и семьей, верно?

– Верно, – с энтузиазмом сказал Оливер.
– Но это подтверждает мои слова, – заметил Патрик.
– Нет, насколько я помню, ты говорил, как может существовать Бог, если происходят такие скверные вещи. А я задаю вопрос, так ли скверно, если группа незнакомых, напуганных и голодных людей, желающих находиться на Рождество где угодно, но только не здесь, проводят вечер вместе и так веселятся, что смеются и поют вместе, а также раздают приготовленные для своих родных подарки незнакомцам.

Она посмотрела на Тома с Элеонорой:

– Вы сегодня отлично провели время, не так ли?

Элеонора улыбнулась детям:

– Это был один из лучших сочельников в моей жизни.

– Что ж, в этих словах есть смысл, – уступил Патрик.

– Быть может, Бог сделал так, что вы оказались в этом поезде, чтобы вы могли петь и помогать напуганным людям на время позабыть о проблемах с помощью прекрасной музыки, – добавил Том.

– Тоже хороший довод, – сказал обрадованный Оливер.

– Да, верно, – согласился Патрик.

– Видите, – Роксанна сняла Оливера с коленей и отвела Патрика на его место, – часто говорят, что пути Бога неисповедимы. Вам необходимо всерьез обдумывать, что Он пытается сделать. Нельзя с ленцой верить в Бога – это не так просто. Чтобы по-настоящему верить, необходимо иметь силу духа и страсть. Как и с большинством достойных целей в жизни, усилия вернутся вам сторицей. Только в случае с верой вы получаете намного больше.

Она помогла Патрику забраться в постель и накрыла одеялом.

– Еще вопросы? – спросила женщина.

Оливер поднял руку:

– Только один, мисс Роксанна.

– Хорошо. Какой?

– Можете отвести меня в туалет?

* * *

Позже ночью Том с Элеонорой стояли бок о бок и смотрели в окно на снег.

– Что ж, – заметил Том, – на дворе почти Рождество, а все глухо. Даже

мышы не скребутся.

– Прямо сейчас я бы предпочла старине святому Нику и его топчущимся по крыше северным оленям спасательную команду Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям.

– Где же твой приключенческий дух, где твой романтизм?

– Я израсходовала весь его запас с тобой, – парировала женщина. И коснулась его руки. – Почему ты не пошел? Скажи правду.

– Забыл смазать лыжи.

– Том, я серьезно.

Он посмотрел на нее:

– Элли, я говорил себе, что отправляюсь в это путешествие, чтобы исполнить желание отца. Но на самом деле я отправился потому, что в моей жизни зияет большая дыра, и я понятия не имею, что с ней делать. Она зияет уже давно, и статьями для «Женского журнала» ее не заполнить.

Он пожал плечами.

– Но наружу я не пошел, – он указал за окно, – именно из-за твоих слов. Знаешь, все эти годы я считал, что ты ушла от меня, что ты меня бросила. Я никогда не понимал, что на самом деле все было наоборот. – Он сделал паузу. – Мне очень жаль, Элли. Правда жаль.

Она медленно протянула руку и взяла его ладонь в свою.

Он озадаченно огляделся:

– Знаешь, я не шутил. Тут и впрямь тихо. Слишком тихо.

Чего они не знали – так это то, что ранее была израсходована последняя капля топлива последнего дизельного двигателя. А пока они разговаривали, резервное аккумуляторное питание тоже иссякло. «Саутвест Чиф» наконец затих и погрузился во тьму.

Тишину разорвал грохочущий звук. Поезд затрясся, из купе раздались крики. Том и Элеонора посмотрели друг на друга.

– Господи, – воскликнула женщина, – новая лавина!

Глава 30

Если и существует такое явление, как контролируемый хаос, то именно оно сейчас наблюдалось на «Саутвест Чиф». Причиной текущей кризисной ситуации стала угроза новой лавины, которая сметет поезд в небытие. Падающий снег образовал справа от поезда такую высокую гору, что из окон теперь ничего не было видно. От сокрушительного веса снега состав начинал крениться набок. План ответных действий оказался прост: тотальная эвакуация. Учитывая обстоятельства, это было легче сказать, чем сделать. Тем не менее 341 пассажир прошел из вагона в вагон вплоть до последнего купейного, а работники «Амтрака» считали и пересчитывали всех и обыскивали каждый уголок, чтобы удостовериться, что никого не забыли.

Под прикрытием одеял, зонтиков и прочих более-менее защищающих от снежной бури вещей длинная вереница людей с электрическими лампами и фонариками на батарейках с трудом покрывала короткое расстояние до тоннеля. Пожилых, маленьких пассажиров и инвалидов несли или же помогали им идти. Должно быть, сказывался дух Рождества: незнакомец помогал незнакомцу, здоровый – калеке. Никто не жаловался и не злился из-за своего места в длинной веренице или же свалившихся на него или на нее обязанностей.

Из поезда вытаскивали лампы, фонарики, воду, одеяла, подушки, аптечки первой помощи, оставшиеся запасы провизии и все предметы, которые могут пригодиться. Жаловался только машинист, винивший себя за то, что не загнал состав в тоннель, пока еще было топливо, и не желающий теперь покидать свой пост. После беседы с Роксанной и Хиггинсом – последний заметил, что они тоже не додумались дать задний ход и что, быть может, накопившийся сзади поезда снег все равно сделал бы этот маневр невозможным, и, наконец, он сможет следить за составом из конца тоннеля – машинист Ральф Перкинс все же согласился уйти со своего места у руля. Хиггинс не стал упоминать, что, возможно, машинист увидит, как его любимый поезд снесет в ущелье надвигающееся снежное цунами.

Том, Элеонора, Макс, Мисти, Кристоаль, отец Келли и Агнес Джо трудились не менее усердно, чем железнодорожники: тянули, тащили, помогали, упрашивали и перетаскивали до тех пор, пока все не укрылись в безопасном месте – большом тоннеле. Агнес Джо, как оказалось, особенно хорошо управляла толпой и отдельными людьми. Кроме того, она обладала

немалой физической силой, которую неоднократно продемонстрировала в ходе эвакуации.

Том догадался достать свои лыжи и снаряжение, а Элеонора одолжила лыжи у женщины-пассажира, которая тоже планировала поездку на Тахо. Вместе они перетаскали по утрамбованному снегу много грузов, причем довольно быстро.

В тоннеле разбили лагерь. Том сходил туда и оценил ситуацию. Освещение было крайне скудным, провизии мало, одеял не хватало. Но хуже всего – холод. Учитывая низкую температуру, пониженный уровень кислорода на этой высоте и то, что тоннель продувался мощными ветрами, было ясно, что ни пожилые, ни самые юные пассажиры долго не продержатся.

Том обдумал ситуацию и сделал неизбежный вывод. Он сходил к проводнику, машинисту и Роксанне и провел с ними тихий, но напряженный разговор.

Помогавшая людям разместиться на новом месте Элеонора оглянулась и заметила проходящее совещание. Она подошла как раз в тот момент, когда Роксанна говорила:

– Том, ты не обязан это делать, но я тебя за это люблю.

– Я пойду с тобой.

Все повернулись к Элеоноре.

– Нет, не пойдешь, – возразил Том.

Элеонора посмотрела на остальных:

– Это я научила его всем приемам катания на лыжах.

– Элеонора, я не могу позволить тебе отправиться со мной.

– Я не спрашиваю разрешения. Если хочешь путешествовать один – дело твое; к тому времени, когда ты доберешься до курорта, я оставлю там для тебя кофе.

Роксанна приподняла брови:

– Полагаю, гораздо разумней с твоей стороны объединить усилия с этой женщиной, а не пытаться идти одному.

Том обежал всех взглядом и наконец остановился на Элеоноре.

– Еще одно совместное дело?

– Идем.

* * *

Пока Элеонора собиралась, подошел Макс и сел рядом:

– Я слышал, ты вместе с Лэнгдоном собираешься идти на лыжах, чтобы спасти нас.

– Ну, мы попытаемся.

– Элеонора, там опасно. Ты в этом уверена?

– Я давно не испытывала такой уверенности в чем-либо.

– Том – большой сильный парень, он может справиться самостоятельно. Он даже рассказывал мне, что как-то тащил человека в гору под минометным огнем.

Элеонора перестала паковать вещи и посмотрела на режиссера:

– Макс, человеком, которого он нес, была я.

Несколько секунд Макс таращился на нее, затем произнес очень тихо, лишенным обычной бравады голосом:

– Я просто не хочу лишиться тебя, Элеонора.

Она села рядом. Они обнялись.

– Я вернусь хотя бы для того, чтобы написать этот сценарий и выиграть «Оскар».

– Ты и впрямь любишь этого парня, не так ли?

– Макс, ты веришь во второй шанс?

– Наверное, должен верить: мне их давали более чем достаточно.

– А мне никогда не давали. До сегодняшнего дня. И я не собираюсь упустить его. Вряд ли я получу еще один.

Попрощавшись, полностью экипированные Том и Элеонора направились обратно на северо-восток через тоннель. Хиггинс по памяти нарисовал для них приблизительную карту местности и маршрут к «Динго». Том обернул ее пластиком и положил в карман. Они пройдут через тоннель, взберутся к расщелине в горе, а оттуда направятся на северо-запад в сторону курорта. Если повезет, вскоре они выпьют горячего кофе у потрескивающего очага. Воздух на этой высоте был холодным и разреженным. Вскоре оба начали тяжело дышать. В тоннеле стояла полная темнота, так что они включили встроенные в шлемы фонари на батарейках. Лыжи пришлось нести в руках, так как внутри тоннеля не было снега.

– По крайней мере, нам не придется волноваться насчет возможного столкновения с поездом, – заметил Том.

– А я уж думала, у нас сплошная полоса неудач.

Они прошли эти полмили до другого конца тоннеля взявшись за руки. В конце тоннеля надели лыжи.

– Готова? – спросил Том. Элеонора кивнула.

Они вышли в буран, сумели отыскать расщелину в условиях почти

абсолютно белой мглы и направились вверх. Каждый взмах лыжной палки давался с трудом. В течение нескольких минут грозные объятия снежной бури полностью скрыли их из виду.

Они продирались сквозь ветер и стену снега. Тела покрыл лед, конечности слушались все хуже. Они постоянно меняли направление движения, так как Том уточнял их местонахождение. У него был компас, но не было полной уверенности, что прибор показывает правильно. А попытка отыскать лыжный курорт, пусть и довольно крупный, среди снежной бури на вершине горы оказалась тяжелее, чем Лэнгдон предполагал. Тем не менее они продолжали решительно двигаться вперед.

* * *

Том с Элеонорой одолели немало крутых подъемов. Зачастую им приходилось цепляться руками, ногами и палками за скалистые склоны, чтобы удержаться. Несколько раз приходилось снимать лыжи и просто карабкаться с помощью веревок. Преодолев все эти преграды, они попали на ровную местность и пошли вперед на лыжах в хорошем темпе, несмотря на то что дувший навстречу ветер словно усиливался с каждым толчком лыжных палок.

Первая катастрофа случилась, когда под Томом провалился тонкий наст и он свалился в дыру глубиной футов в десять. С помощью Элеоноры, тянувшей за сброшенную ему веревку, Том сумел выбраться, однако потерял мобильный телефон, и, что еще хуже, компас оказался поврежден.

Они обдумывали, не вернуться ли – при условии, что получится найти обратный путь, но решили идти дальше. Том, как ему казалось, определил нужное направление и с помощью нескольких ориентиров придерживался верного курса. Конечно, учитывая, что снег летел со всех сторон и из-за мечущейся пурги предметы то скрывались из виду, то появлялись вновь, ориентиры были не так уж и надежны.

Из-за суровой непогоды каждый шаг, каждый спуск, каждый подъем становился стократ тяжелее. Им регулярно приходилось останавливаться, отворачиваться от ветра и искать среди скал укрытие, чтобы перевести дух. Их легкие горели, а специально сшитая для подобных условий одежда едва-едва спасала от окоченения.

Они нашли хорошее укрытие и съели простенький обед, хотя захваченная с собой вода превратилась по большей части в лед.

Передохнули и снова отправились в путь.

Когда начало темнеть, Элеонора заметила:

– Не уверена, стоит ли блуждать ночью, спотыкаясь, на лыжах. Быть может, лучше разбить лагерь.

– Хорошая идея. До курорта должно быть не так уж далеко.

По крайней мере, он на это надеялся. Кто знает – возможно, на самом деле они находились в десяти футах от поезда.

Они поставили палатку, а Том зажег захваченное с собой стерно^[44]. На нем они приготовили быстрый ужин и растопили лед. После еды улеглись под одеяла поближе друг к другу, чтобы сохранять тепло, и смотрели, как вокруг палатки растут горы снега.

Шторм, похоже, ослабевал. Наступало затишье. Теперь они могли разговаривать не перекрикиваясь.

– Просто чтобы ты знала: я ответил Лелии отказом. Она восприняла это очень спокойно.

– Я удивлена.

– Я тоже был удивлен, пока не выяснил, что у нее новый кавалер.

– Что? И кто же?

– Крестобаль.

– Крестобаль! Да ты шутишь.

– Уверен, они будут счастливы вместе. Лелия может придумать очередного мультперсонажа – боа – и назвать его «Палка^[45] Крис».

Они затихли и прижались ближе друг к другу.

– Надо сохранять тепло, – пояснил Том.

– Безусловно, – она вздохнула и затем добавила: – Слушай, если мы не вернемся...

Он закрыл ей рот ладонью:

– Давай настроимся позитивно. Мисти небось назвала бы это фиолетовой аурой силы или чем-то подобным.

Она сжала его руку в своей.

– На случай, если мы не вернемся, я хочу, чтобы ты знал кое-что.

Он посерьезнел.

– Что?

– Я никогда не переставала любить тебя все эти годы.

Он обнял ее.

– Мы вернемся.

Когда женщина задрожала от холода, Том обхватил ее обеими руками, пытаясь передать тепло своего тела.

– Кто бы мог подумать, что мы вновь сойдемся после всех этих лет на горе посреди бурана? – сказала Элеонора.

– Эй, если б это было просто, то любой мог бы это сделать.

Он попытался рассмеяться, но рот его не слушался.

Лэнгдон вспомнил, какой сегодня день.

– Элеонора?

Она поглядела на него:

– А что случилось с «Элли»?

– Элеонора, с Рождеством.

Ей удалось улыбнуться в ответ:

– С Рождеством.

Он расстегнул молнию и вытащил что-то из кармана:

– Знаю, сейчас самое неподходящее время, но, как я уже говорил, я король неудачных стечений обстоятельств.

Он встал, опустил на колено и осторожным движением надел ей на палец кольцо.

Она посмотрела на него. Ее губы приоткрылись, а глаза округлились в изумлении от происходящего.

– Я понимаю, что выжидал долго, – честно говоря, слишком долго. Но ты единственная женщина, которую я любил за свою жизнь, и я сделаю все возможное, чтобы ты была счастлива. Ты примешь меня со всеми моими недостатками, слабостями, причудами характера, упрямством и откровенной глупостью? – Том сделал паузу, глубокий вдох и добавил: – Элеонора, ты выйдешь за меня?

Она расплакалась сразу после того, как ответила «да».

* * *

Только они поцеловались, официально отмечая помолвку, как палатку сорвало и прямо на них упала куча снега, едва не похоронив заживо. Том выбрался из-под снежной груды и вытащил Элеонору.

– Надо найти укрытие! – перекричал он завывающий ветер.

Теперь, когда они были официально помолвлены, Том собирался сделать все, что в его силах, чтобы быть уверенным – свадебная церемония состоится.

Они продвигались с трудом. Элеонора слабела с каждой минутой – до такой степени, что не могла идти без посторонней помощи. Тому пришлось

чуть ли не нести ее на себе еще примерно с четверть мили, пока он тоже не выдохся. Он уложил ее на землю, снял с себя двухслойную куртку и накрыл женщину. Затем оглядел мрачные окрестности. Насколько было видно, путники находились на ровной местности. Со всех сторон виднелись силуэты высоких пиков. Это все, что он мог разглядеть: падающий снег застилал дальнейший обзор. Лэнгдон помолился напоследок, после чего лег сверху на Элеонору, закрывая ее от снега своим большим телом. Он нашел ее руку в перчатке и крепко сжал. В сознании всплыло воспоминание о том, как он тщетно ждал в больнице момента, когда мать поднимет фотографию. Он сосредоточил все мысли и осязательные рефлексы, чтобы уловить, не ослабеет ли хватка Элеоноры. Он понятия не имел, что сделает, если та начнет отключаться. Наверное, просто скажет «прощай» – слово, которое он не произнес много лет назад.

Казалось, они лежат так уже часами. Ветер выл, снег бил ему в спину; каждый удар – словно вонзающийся маленький кинжал. В воображении Тома к нему протягивал руку маленький мальчик. Это был Том-ребенок: он тянулся к своей взрослой версии, затыгивал обратно в относительную безопасность детства. Сознание порой проделывает подобные трюки. Тому случалось попадать в отчаянные ситуации и прежде, однако он был вынужден признать, что опасность никогда не была столь велика. Он пришел к выводу, что на сей раз – после того, как он многократно оказывался на грани пропасти на своем переменчивом жизненном пути, – ему, вероятно, настала пора покинуть этот мир. Он посмотрел на Элеонору и поцеловал ее в губы. Та не отреагировала. По замороженным щекам Лэнгдона в конце концов начали катиться слезы.

Образ маленького мальчика становился все четче и четче. Теперь Том явственно ощущал, как пальчики касаются его щеки, ерошат волосы. Маленький мальчик говорил с ним, спрашивал, в порядке ли он. Это видение выглядело реальней и убедительней, чем любой его сон. Лэнгдон не отпускал руки Элеоноры, даже когда обратился к юному Тому и ответил ему.

Ребенок снова потрогал его. Глаза Тома открылись, зажмурились и вновь открылись. Сияние солнечного света оказалось болезненным: он так давно его не видел.

– Мистер, вы в порядке? – спросил присевший рядом с ним на корточки мальчик.

Том нашел в себе силы сесть и осмотреться. Буря пропала, бескрайнее небо лазурного цвета, теплое солнце, воздух прохладный и свежайший – такой бывает только в горах. Том уставился на мальчика, не уверенный, в

раю он или нет, и наконец сумел произнести:

– Что ты делаешь здесь, так далеко от дома?

– Я живу здесь, – ответил мальчуган.

– Здесь – это где?

Он указал куда-то за спину Тома:

– В «Динго».

Журналист оглянулся через плечо. В ответ на него посмотрел величественный курорт «Динго» во всей роскошной красе, с огромными домами из красного дерева. Они с Элеонорой чуть не погибли в пяти футах от очага, горячего шоколада и ванны.

Том встал на пошатывающихся ногах и нежно растормошил Элеонору.

– Мы умерли? – спросила та, не открывая глаз.

– Нет, но знай: ты помолвлена с идиотом.

Он понес ее к главному зданию. На помощь подбежали несколько наконец заметивших их взрослых.

* * *

Оба конца тоннеля заливал солнечный свет, однако никаких запахов готовящейся еды не было, поскольку продуктов не осталось. По крайней мере, буран улегся. Хиггинс, Роксанна, проводник, Макс, Мисти, Лелия, Кристоаль, отец Келли и Агнес Джо сидели на земле и обсуждали, что делать дальше.

– Полагаю, – сказал с глубочайшей грустью отец Келли, – пора провести панихиду. По Тому и Элеоноре, я имею в виду.

– Еще рано, падре, – раздраженно возразил Макс.

– Если бы они добрались до «Динго», то сейчас мы бы уже об этом знали: погода прояснилась, – сказал проводник. – Никто бы не выжил снаружи столько времени. Мне не следовало отпускать их. Это моя вина.

– Они пытались помочь. Это самые храбрые люди из всех, что я знала. – Роксанна вытащила носовой платок и вытерла глаза.

В круг собравшихся ворвался проводник спального вагона Барри и крикнул:

– Скорее, вам надо это увидеть! Я выходил наружу осмотреть другой конец тоннеля, – забормотал он. – Вам непременно надо пойти и самим посмотреть.

Они последовали за ним в другой конец тоннеля.

– Глядите! – сказал Барри.

Все уставились на приближающуюся к ним длинную, впечатляющего вида процессию из лошадей и всадников. Там были даже большие сани, которые тянули упряжки, загруженные самыми разнообразными припасами. Они будто перенеслись назад во времени и теперь лицезрели караван из фургонов колонистов, следующих в девственные земли Запада, чтобы начать новую жизнь.

Один из передовых всадников приподнял шляпу и окликнул их.

– Это Том, – сказала Роксанна.

Соседний всадник помахал рукой.

– А это Элеонора, – заметил Макс.

Он побежал навстречу им, увязая и скользя в снегу, но не сбавляя шагу.

– Шестиногое, – сказала сама себе Мисти.

– Что? – спросил Кристобаль.

– Нас спасло шестиногое. Четыре ноги лошади и две – всадника.

Шесть ног.

Она радостно закричала и побежала вслед за Максом; ее длинный шарф поблескивал в прекрасном и столь желанном солнечном свете.

Своевременное появление привезенной добрыми людьми из «Динго» еды и других припасов подняло всем настроение. Пока одни ели и пили, другие столпились вокруг Тома и Элеоноры – услышать невероятную историю их выживания.

– Парни с курорта знали этот путь к колее, по которому могут пройти лошади и фургоны. Намного легче того пути, по которому шли мы, но из-за шторма и дороги-то не было видно, – Том покачал головой. – До входной двери оставалось пять футов, а мы и понятия не имели. Никогда в жизни мне так не везло.

– Это не везение, Том, – сказал отец Келли. – А чудо. Я молил о чуде специально для вас.

Рация проводника зашумела. Он поднес ее к уху и нажал кнопку:

– Говорите.

– Центральная диспетчерская служба «Амтрак» – «Саутвест Чиф», прием.

Проводник почти прокричал в ответ:

– Центральная служба, это «Саутвест Чиф»!

– Где все? – спросил голос.

– Мы эвакуировались из поезда. Находимся в тоннеле. Когда будет спасательная команда?

– Гомер, просто выгляните из тоннеля, – ответил голос.

Все побежали к выходу из тоннеля. Оттуда доносился оглушающий рев: пара вертолетов вылетела из-за гребня горы и зависла над поездом.

– С западной стороны обвала мы подогнали запасной состав с тремя двигателями с полными запасами топлива, – сообщили из рации.

– Но как нам добраться до вас? – спросил проводник Гомер. – Нас разделяет снежная гора. И правая сторона поезда тоже завалена снегом.

– Это ненадолго. Мы работаем над решением этой проблемы уже долго. Просто ждите.

– Вас понял, – ответил Гомер.

Через десять минут они услышали серию громких хлопков. У них на глазах стена снега перед составом высотой в двадцать футов обрушилась и безобидно сползла вниз по склону горы. Это сделали свое дело очень аккуратно заложенные в ключевых точках небольшие заряды взрывчатки. За исчезнувшей стеной обнаружился поезд на замену. Его мощные двигатели гудели – этот звук особенно радовал слух всех пассажиров давно затихшего «Чифа». Затем им велели вернуться в тоннель. Вертолеты, наклонив носы вниз, пролетели с правой стороны состава и сдули с него сухой снег, благодаря чему «Чиф» теперь прочно стоял на колее.

Сотни добровольцев выбежали из поезда на замену и начали расчищать остальную часть колеи. Следом пришла еще одна команда и стала ремонтировать то, что пострадало от лавины, в то время как остальные добровольцы счищали снег с обеих сторон и с крыши «Чифа». В это время пассажиры постепенно возвращались в поезд.

На все это ушла большая часть дня. К тому же у пассажиров какое-то время заняло позирование для фотографий, звонки друзьям и родным и изложение приукрашенных версий своих приключений – историй, обрастающих все более фантастическими подробностями с каждым пересказом. Журналисты дозвонились по мобильникам до некоторых пассажиров, и вскоре по всему свету разлетелись вести о полной драматизма спасательной операции и подвигах Тома и Элеоноры – несомненно, как только поезд доберется до Лос-Анджелеса, истории приумножатся. Дети играли в снегу и лепили ангелов, отчего Роксанна заметила, что за «Чифом» явно присматривало немало этих прекрасных созданий.

К следующему раннему утру колея была готова, новые двигатели установлены, и впервые за долгое время колеса «Саутвест Чиф» начали вращаться. Из-за специальных распоряжений состав сделает лишь несколько из предусмотренных расписанием остановок, включая долгую стоянку в Альбукерке. Поезд начал спускаться с горы согласно маршруту:

через Нью-Мексико, далее – в Аризону и наконец в Калифорнию, а пассажиры занялись тем, чего не делали уже довольно давно, – мирно отдыхали.

Глава 31

Когда поезд покатился по территориям Нью-Мексико, где не было снегопада, земля приобрела красновато-коричневый оттенок. Повсюду виднелись высокие крутые скалы, цвет которых был ближе всего к оранжевому. Полынь усыпала этот прекрасный, хоть и навязчивый пейзаж, а пассажиры уставились в окна, надеясь увидеть время от времени попадающиеся фермы.

Они остановились в Альбукерке примерно на три часа, чтобы подзаправиться топливом, загрузить побольше припасов и позволить так долго заключенным в тесном пространстве пассажирам прогуляться и насладиться хорошей погодой после выдержанной ими на перевале Ратон тяжелой схватки со стихией.

Том и Элеонора рассказали остальным о своей помолвке. Все восприняли новость благожелательно, особенно Макс. Лелия даже обняла Тома и пожелала ему всего наилучшего. Судя по тому, как она льнула к Кристобалу, и по влюбленному выражению на лице молодого человека, их собственная свадьба, как подумал Лэнгдон, лишь вопрос времени. Том и Элеонора сообщили друзьям, что, возможно, последуют примеру Стива и Джули и обменяются клятвами в поезде. Но это только летом, заявила Элеонора. Лавины не должны помешать ее свадьбе.

Возле станции находился рынок, где индианки продавали украшения – и не только. Там же стоял приспособленный под торговую точку старый автобус. Том и Элеонора прогуливались на солнце и говорили о совместном будущем.

– Между прочим, ты мне так и не сказала, с кем встречалась в Вашингтоне, прежде чем сесть в поезд, – сказал Том. – В твоей жизни есть аналог Лелии?

– Не совсем. Это моя бабушка.

Они зашли в маленькое кафе, выпили и перекусили. Присоединившаяся Агнес Джо поздравила их с помолвкой и под ярким солнцем выпила с ними холодный лимонад, попутно осматривая окрестности.

– Иногда я подумываю выйти в отставку, поселиться здесь и продавать украшения пассажирам останавливающихся тут поездов.

Том посмотрел на нее проницательным взглядом:

– Выйти в отставку? Я думал, вы уже на пенсии.

- Скоро выйду, – загадочно ответила женщина.
- И чем вы занимаетесь? – продолжал расспросы журналист.
- О, тем-сем понемногу.
- Забавно, что вор вернул украденные предметы, сделав эдакий подарок на Рождество.
- В жизни не слыхивала более невероятной истории, – согласилась Агнес Джо.
- Весьма щедро со стороны этого негодяя, – заметила Элеонора.
- Не так уж щедро. Он ведь лишь возвращал людям их собственность, – возразила Агнес Джо.
- Или она, – тихо пробормотал Том.

* * *

Гид-индеец сел в поезд и около часа потчевал пассажиров историями про эти места, индейские резервации и свой народ. Он сошел в Галлапе, известном как Индейская столица мира, потому что там собирались на встречи различные племена, в том числе хопи, зуни и акома.

После обеда многие пошли в вагон-люкс поглядеть сделанное Кристобалем и Максом видео свадебной церемонии. Стив с Джули смотрели, смеялись и иногда плакали: особый момент их жизни демонстрировался публично. Лэнгдону показалось, что Стив выглядел особенно усталым, и он улыбнулся, когда сразу после окончания видео Джули схватила мужа за руку и утащила обратно в купе отмечать медовый месяц.

Поздно ночью они въехали в Аризону. Том не мог заснуть. Он оделся и пошел гулять по коридорам. Он заглянул к Элеоноре, но та крепко спала, а он не хотел ее будить.

Когда Лэнгдон прошел мимо купе Макса, то мог поклясться, что учуял фимиам – что вполне логично. Он побоялся приближаться к купе Лелии из-за звуков, которые могли доноситься оттуда. Том знал по личному опыту, что женщина, вдохнувшая жизнь в таких невинных милашек, как Каппи, Сасси и Пити, была куда непристойней в личной жизни. Бедняга Кристобаль не представлял, что его ждет.

Пока он бродил, поезд замедлил ход, а затем остановился. Том посмотрел в окно. Тут была станция, но вроде бы до Лос-Анджелеса больше не должно быть остановок. Он пожал плечами и продолжил путь,

пока не остановился возле купе Агнес Джо. Патефон по-прежнему играл рождественские мелодии. В ее купе было темно; Том предположил, что она заснула с включенной музыкой. Затем патефон начал прерываться, повторять вновь и вновь одну и ту же мелодию и наконец докатился до неприятного визжащего звука. Очевидно, женщина крепко спала и не слышала. Он постучал по стеклянной части входной двери:

– Агнес Джо? Агнес Джо, ваш проигрыватель слетел с катушек.

Ответа не последовало. Он постучал снова, погромче. Визжащий звук становился только громче. Том огляделся по сторонам и открыл дверь.

– Агнес Джо?

Когда глаза привыкли к мраку, стало видно, что в купе пусто. В ванной не горел свет, но Лэнгдон все же негромко постучал в дверь и не получил ответа. Он посмотрел на вещевой мешок в углу и испытал искушение вновь проверить его содержимое. Том раскрыл его и засунул туда руку. Газета исчезла, зато появилось несколько предметов, включая часы, пару сережек и очень дорогие на вид солнечные очки, вероятно принадлежащие Кристобалью. Вот явное доказательство. Том стоял и пытался понять, что же делать дальше, когда услышал приближающиеся шаги. Он сунул вещи обратно и закрыл мешок, затем дверь купе и юркнул в ванную. Он молился, чтобы это оказалась не Агнес Джо, однако Бог, очевидно, остался глух к молитвам, поскольку дверь купе открылась и снова закрылась. Свет включился, послышались шаги. Том оставил щель в ведущей в ванную двери и теперь подглядывал через эту полоску.

В купе находилась Агнес Джо, одетая в синие брюки и свитер; в руке у нее был листок бумаги, она выглядела очень серьезной. Ему оставалось надеяться, что ей не понадобится идти в уборную, но как ему сбежать? Ждать, пока она не заснет? Женщина явно не собиралась ложиться спать. Так или иначе, какие у него были варианты? Том огляделся и уже собирался податься назад, чтобы сесть на унитаз, когда поезд снова тронулся. От резкого движения он потерял равновесие, стукнулся спиной о стенку, невольно выбросил руку, чтобы восстановить равновесие, ухватился за душевой кран и случайно включил. От потока ледяной воды Том выкрикнул слова, за которые, будь он католиком, ему пришлось бы исповедаться в грехах у отца Келли и в наказание прочитать много раз «Аве Мария».

Он отключил душ как раз вовремя, чтобы встретить взгляд Агнес Джо. Та открыла дверь и теперь разглядывала его, словно экзотическое животное в зоопарке.

– Привет, дорогая, – сказал Том с робкой улыбкой.

– Не будешь ли ты так любезен выйти и объяснить, что делаешь в моей душевой?

Он вышел, вытерся полотенцем и рассказал про патефон, про вторжение в купе и что перепугался, слышав шаги.

Эта отмазка могла сработать, если бы он застегнул молнию вещевого мешка до конца. Однако в темноте Том не сумел этого сделать. Агнес Джо поглядела на мешок, затем снова на него.

Журналист решил пойти в любовную атаку: открыл мешок и вытащил вещи.

– Не будете так любезны объяснить, зачем вам это все? Я готов выслушать.

Агнес Джо сунула руку в карман. При виде того, что она вытащила и показала ему, Том отступил на шаг, шокированный.

* * *

Несколько минут спустя бледный как мел Том забарабанил в дверь Макса. Тот отозвался через несколько секунд, а дверь открыл спустя минуту-другую.

– Мне нужна твоя помощь, – сообщил Лэнгдон. – И Кристобая тоже.

Макс бросил взгляд за спину Тома и заметил там Агнес Джо.

– Это важно, – сказал журналист.

Они забрали Кристобая из купе Лелии, встретив сопротивление со стороны дамы, которая выразила свое возмущение тоном, совсем не приличествующим волшебному бобру Каппи. Они также разбудили Роксанну и захватили с собой отца Келли. В вагоне-люксе все уселись за стол напротив Тома. Он вытащил фирменные солнечные очки Кристобая, «Бруно Мальи» Макса и крест отца Келли и положил их перед их хозяевами.

Один человек был совершенно потрясен при виде лежащей перед ними вещи – настолько введен в ступор, что не заметил, как Агнес Джо наклоняется к нему.

Отец Келли издал вопль: наручники защелкнулись на его запястьях. Он попытался встать, но его удержали Макс и Кристобаль.

Агнес Джо предъявила удостоверение – это же действие ранее так ошеломило Тома в ее купе.

– Я из полиции «Амтрак». Подразделение работы под прикрытием. А

ты, Джон, наш вор.

– Джон? – Том посмотрел на нее.

Агнес Джо кивнула:

– Я получила его отпечатки пальцев на стакане пива, прежде чем мы застряли в перевале Ратона. На одной из станций я послала запрос об идентификации и на только что покинутой нами станции получила ответ. Его настоящее имя – Джон Конрой, и он никакой не священник.

Она уселась напротив мужчины, который выглядел таким несчастным, что Том невольно посочувствовал ему, хоть тот и являлся преступником.

Агнес Джо продолжала объяснять:

– С помощью патефона я заставляла людей думать, что нахожусь у себя в купе, когда меня там не было. Я боялась, что вор заметит, что я брожу рядом, и решит на время залечь на дно. Когда мы застряли на перевале, я помогала ему служить мессу. Он, очевидно, католик и сумел провести обряд, но совершил достаточно ошибок, чтобы я стала относиться к нему еще подозрительнее.

– А что насчет вещей, которые я нашел у вас в мешке? – спросил Том.

– Роксанна достала эти вещи у некоторых пассажиров для меня в качестве свидетельства, которое может потом понадобится. Я вовлекла в свой план тебя, Макса и Кристобая, чтобы взять Конроя так, что он ничего не заподозрит и никто не пострадает. Я вытащила его крест у него в купе. Когда я положила его перед ним, это должно было озадачить его до такой степени, чтобы я без проблем надела на него наручники. Ты, Конрой, не юнец, но моего опыта у тебя нет. Всегда предпочтительнее застичь их врасплох.

– Не хотелось признаваться, но я раньше осматривал ваш вещмешок, и там были только газеты, – заметил Том.

– Да, знаю – я поняла, что кто-то туда залезал, и подумала, что это, скорее всего, ты. Найденные Реджиной в мусоре газеты попали туда из мешка Конроя. Он набил его доверху старыми газетами, чтобы тот выглядел полным. Но в поезде сразу выбросил их и получил пустой мешок, который можно заполнять краденым.

Все повернулись к пожилому мужчине. Тот, сидя в наручниках, скукожился и явно пал духом.

– Не хочешь сделать чистосердечное признание, Джон? – спросила Агнес Джо. – Я в курсе, что у тебя есть судимость, но ты мог бы добавить некоторые подробности.

Тот покачал головой:

– Что будет, то будет.

Они позвали внушительных габаритов Барри сторожить вора и дружно направились в купе псевдосвященника. Там в его мешке обнаружилось немало – ничего особо ценного, но тем не менее это были украденные вещи.

– Отдам их хозяевам, – сказала Агнес Джо.

– Чего я не пойму – так это почему он вернул столько вещей. Какой преступник так поступает? – спросил Том.

– В этом есть нечто странное, – согласилась Роксанна. – Но, по крайней мере, мы нашли нашего вора. Теперь давайте поспим.

* * *

Этим Том и занимался вплоть до шести утра, когда раздался стук в дверь. Он проснулся и сказал «войдите».

На пороге стояла Агнес Джо с двумя чашками горячего кофе:

– Я подумала, что стоит принести кофе в знак извинения за столь раннюю побудку.

Она была в синих брюках и свитере и выглядела бодрой и деловитой.

– Из вас вышла бы прекрасная актриса, – сказал Том. – Я понятия не имел, что вы не просто, ну, как сказать...

– Эксцентричная пожилая женщина, которой некуда деваться на праздники? Да, отличное прикрытие. В ее обществе люди говорят то, что в иной ситуации ни за что бы не сказали. Я разоблачала наркоторговцев, мошенников, воровские шайки и множество других нехороших людей благодаря своей бестолковой наружности, дурацким нарядам и...

– ...и обращению «дорогой».

– Именно.

– Ну, думаю, теперь вашего прикрытия больше нет.

– Ничего страшного. Я не шутила насчет ухода в отставку. Пора двигаться дальше.

– А что-нибудь из вашего рассказа является правдой?

– Я работала на братьев Ринглинг, только не гимнасткой, а наездницей. Дважды выходила замуж, у меня есть взрослая дочь. – Она сделала паузу и добавила: – И мы с ней не видимся.

– Печально.

– Но она прочла в новостях, что «Чиф» попал в ловушку, и прошлой ночью позвонила узнать, в порядке ли я. Первый контакт за долгое время.

Мы встретимся, когда я приеду в Лос-Анджелес. Она действительно работает в цирке и находится на Западном побережье. Предпримем новую попытку наладить отношения.

– Рад, что вы получили эдакий поздний рождественский подарок. Так зачем вы хотели повидать меня?

– Ну, у меня тут возникла небольшая дилемма, и я хотела услышать твой совет. Я разузнала больше о нашем фальшивом священнике. Его судили за мелкие кражи много лет назад – почти тридцать четыре года. С тех пор он честно трудился: настоящая работа и все такое.

– И зачем снова заниматься преступлениями после стольких лет?

– Жена, с которой он прожил больше тридцати трех лет, только что умерла. Я поговорила с Конроем, он немного разоткровенничался. Теперь, когда ее нет, он не знал, что делать. Он одинок, просто хотел внимания. У них было двое детей, но один погиб из-за несчастного случая, а другой умер от рака.

– Ох, это, должно быть, тяжело. И, похоже, он забросил преступную карьеру, когда женился.

– Именно. Конечно, я имела дело с множеством преступников, слышала самые разные слезливые истории, и они меня не трогают. Но дилемма возникла потому, что он рассказал кое-что еще.

– Что?

– Он вернул украденные вещи как подарки в сочельник. Те немногие, которые он не вернул и которые мы нашли в его мешке, ничего ценного не представляют; к тому же он оставил вместо них более чем достаточно наличных. Я удостоверилась в этом, поговорив с владельцами вещей. Он не желал никому вреда. Говорил только о своей жене. И он оказал реальную помощь, когда поезд застрял.

Том издал тяжкий вздох:

– Понимаю вашу дилемму.

– Как поступил бы ты?

Он призадумался:

– Я получил второй шанс в этом путешествии – быть может, Джон Конрой тоже заслуживает его. Вы уже вызвали полицию?

– Да, но никаких подробностей пока не сообщала.

– Поезд еще будет делать остановки?

– Может остановиться в Фуллертоне – это за пару часов до Лос-Анджелеса.

– Что ж, думаю, поезду стоит остановиться в Фуллертоне.

– Возможно. Не думаю, что Конрой снова начнет совершать

преступления. Собственно, у меня есть там знакомые, которые способны ему помочь. – Она встала. – Спасибо, Том. Думаю, мы приняли правильное решение.

Он улыбнулся ей:

– Так каково ваше настоящее имя?

Фигура Агнес Джо обвисла, лицо раздулось, а волосы, казалось, поседели прямо на глазах Тома.

– Если бы я сказала, это перестало бы быть тайной, не так ли, дорогой?

Глава 32

В Фуллертоне поезд остановился, с него сошел пожилой, усталого вида джентльмен – уже не в одежде священника. Джон Конрой уехал вместе с ожидавшими его друзьями Агнес Джо – хочется верить, навстречу лучшей жизни, чем та, которую могло бы обеспечить воровство в поездах.

Том пошел в общие душевые помыться перед приездом в Лос-Анджелес. Навстречу ему из кабинки вышел проводящий медовый месяц Стив. Молодой человек по-прежнему выглядел очень усталым, но Том не жалел его, прекрасно зная причину усталости.

– Я думал, у вас в номере есть душевая.

– Ее оккупировала моя жена, – ответил Стив.

– Тебе стоит к этому привыкнуть, приятель, – шутливо сказал журналист, – и наслаждаться этим, пока можешь.

После ухода Стива Том пошел в раздевалку и начал снимать с себя одежду, когда заметил лежащий под полкой кошелек. Он подумал, что тот может принадлежать Стиву, и нагнулся за ним. Когда Том взял кошелек, часть содержимого высыпалась, так что ему пришлось встать на колени, чтобы все собрать. Он бросил взгляд на одну из поднятых карточек и испытал сильнейший шок – пожалуй, даже сильнее, чем когда узнал, что этим поездом едет Элеонора.

Он поднял карточку поближе к свету и рассмотрел. Это была карточка членства в ГКС – Гильдии киноактеров США с именем Стива Сэмюэля. Том быстро просмотрел остальное содержимое кошелька: водительское удостоверение – *калифорнийское* водительское удостоверение, фотография Стива и Джули, подтверждающая личность Стива. Вот только он был не студентом Университета Джорджа Вашингтона: ему было двадцать восемь лет, он состоял в Гильдии киноактеров и платил членские взносы.

* * *

По иронии судьбы, «Саутвест Чиф» прибыл на прекрасный вокзал Лос-Анджелеса в стиле ар-деко на несколько минут раньше пересмотренного расписания.

Херрика Хиггинса встретили несколько высокопоставленных сотрудников «Амтрака». Они поздравили его и поблагодарили за

проявленный героизм. Затем ему сделали предложение вернуться на прежнее место работы. Херрик тут же его принял.

Сошедший с поезда Макс Пауэрс отвечал на многочисленные вопросы журналистов. Он оглянулся на Роксанну и хор мальчиков: они были заняты тем же самым.

– Эй, – обратился он к Роксанне. – Я буду на связи, можешь быть уверена.

Та улыбнулась:

– Уверена, малыш, уверена.

Затем он с группкой пассажиров, включая Кристобалья, Лелию и Мисти, вышел из вокзала и сел в ожидавший снаружи длинный лимузин.

Водитель пошел за багажом, а Макс внутри лимузина вытащил три конверта и протянул поочередно Стиву, Джули и священнику. Затем откупорил бутылку шампанского и налил всем по бокалу пенящегося напитка.

– Отличная работа, ребята, – сказал Макс. – Вы все попадете в мою следующую картину. Кто знает – возможно, она будет про поезд.

– Макс, когда ты рассказал мне, что ты сделал, я ушам своим не поверила, – заметила Мисти.

– Ну, милая, хоть мы и знакомы совсем недолго, я знал, что ты сумеешь хранить это в секрете ради благой цели.

– Настоящая любовь, – с придыханием сказала женщина.

– Ты не могла поверить, – вмешалась в разговор Лелия, – а что, по-твоему, чувствовала я? После стольких лет Макс Пауэрс звонит мне и просит сделать ему одолжение. Ну и одолжение: прилететь в Канзас-Сити и притвориться, что предлагаешь пожениться. Не знаю, что бы я делала, если бы он согласился.

– Лелия, я хорошо знал его. Я был вполне уверен, что он откажется.

– «Вполне уверен»!

– Мне нужно было удостовериться, что он не любил тебя по-настоящему, а ты – его.

– Конечно, не любила, особенно после инцидента с Эриком.

Кристобаль сочувственно кивнул:

– Даму нужно баловать. И теперь это моя работа, котенок.

Она погладила его по руке.

Макс просиял:

– Ты отличная актриса. И сама видишь, каким выгодным для тебя оказался мой маленький план.

– Ты не говорил мне, что связался с Лелией и вовлек ее в свой план, –

заметил Кристобаль. – Я понятия не имел, кто она, пока она не представилась.

– Я человек с ненасытной потребностью удивлять других, – ответил Макс.

– Какую роль играл ты, Макс? – спросила Лелия.

– Макса Пауэрса, конечно, кого же еще, – ответила Мисти.

Макс улыбнулся:

– Как у Оливье^[46] с Гамлетом, это моя величайшая роль.

– Между прочим, вы оказались правы, сэр. Он спросил меня насчет дат бронирования и затем, как вы и предсказывали, пошел к Реджине.

– Он репортер мирового класса, Кристобаль; он не поверил бы тебе на слово. Поэтому я договорился с Реджиной.

– И ты сделал все ради Элеоноры? – спросила Мисти. – И она понятия об этом не имеет?

Макс кивнул:

– Ни малейшего. Элеонора – дочь, которой у меня никогда не было. Я сделал бы для нее что угодно. Сколько я ее знал, она никогда не была счастлива. Я знал, что у нее в прошлом имелись какие-то отношения. Она мне так и не сказала его имя, но я провел расследование и выяснил, что отсутствующим звеном ее жизни оказался Том Лэнгдон. Она не могла двигаться дальше, пока либо не станет ясно, что с отношениями покончено, либо они решат пожениться. Так что я около полугода следил за парнем. Когда он заказал билет в эту поездку, представился идеальный шанс, а мне действительно хотелось снять фильм про поезд.

– А что насчет свадьбы? – спросила Мисти.

– Есть ли лучший способ заставить людей, которые должны были пожениться, переосмыслить возможные отношения, чем вынудить их вместе пойти на свадьбу? Так что Джули оказывается из тех же мест, что и Элеонора, а Том читает Стиву нотацию, после того как тот начинает сомневаться в своем решении. Это был отличный поворот: Лэнгдон все равно что озвучивал свои чувства. Разумеется, все это было спланировано заранее. Каждый раз, когда Том и Элеонора ссорились, у нас наготове имелся план.

– А они очень часто ссорились, – устало заметил Кристобаль. – Тяжело было не отставать от них все путешествие.

– Ты хорошо поработал, Кристобаль. И я *не* стану резать тебе зарплату. Счастливых празд-ников.

– Ты предусмотрел множество мелочей, Макс, – сказала Мисти.

– Милая, я же режиссер. Вся моя жизнь состоит из мелочей.

– Гм, сэр, а вы, случайно, каким-то образом не срежиссировали лавину? – любопытно спросил Кристоаль.

– Брось, даже я не настолько крут.

Раздался стук в окно.

– Должно быть, багаж, – заметил режиссер. Он опустил стекло. Том наклонился вперед и обвел их взглядом.

– Здорово, Том, – нервно сказал Макс. – Я тут просто подбрасываю новобрачных к их медово-месячному дворцу.

– Не сомневаюсь, – ответил Лэнгдон и протянул Стиву кошелек. – Ты выронил его в душе. Там твоё водительское удостоверение и карточка ГКС. Думаю, они тебе еще пригодятся.

– Том, я могу все объяснить, – сказал Макс.

Журналист поднял руку:

– Мне остается сказать вам всем только одно.

Макс откинулся назад:

– И что же?

– Спасибо.

Лэнгдон обменялся с Пауэрсом рукопожатием, затем посмотрел на остальных.

– С Рождеством и счастливых праздников, – поздравил он.

Том отошел от лимузина и увидел Элеонору с вещами. Она смотрела на него с любопытством.

– Кто был там, в лимузине? – спросила женщина, когда он приблизился.

Том повернулся и бросил взгляд на отъезжающий автомобиль. Затем снова посмотрел на Элеонору:

– Санта-Клаус.

– Санта-Клаус? Ну конечно. Мы немного староваты, чтобы верить в Санту.

Том обнял ее одной рукой. Они зашагали прочь.

– Что ж, во время Рождества стоит верить в волшебство. Кто знает, может, твоё желание исполнится.

Благодарности

Мишель – за то, что всегда подсказывала мне, какие слова подходят, а какие нет.

Ларри, Морин и Джейми за потраченное на чтение и отзывы время. Ваши поддержка и энтузиазм по поводу всех моих начинаний очень важны для меня.

Новому члену команды Рикку Хоргану за глубоко продуманную редактуру. Ваши комментарии сделали книгу намного лучше. Спасибо, Рик. Выпьем за будущую работу!

Работникам «Уорнер Букс», вкладывающим столько энергии и усилий в каждую мою книгу.

Тине Андреадис за то, что она лучший пиарщик в мире и прекрасный друг.

Аарону Присту: как и всегда, ваши советы были мудры.

Марии Рефт из «Пэн Макмиллиан» за проницательность и комментарии к рукописи.

Лизе Эрбач Ванс и Люси Чайлдс за то, что приводили все дела в порядок.

Деборе Хокатт и Линетт Коллин за то, что поддерживали плавный ход этого «состава». И Даниэлю Хокатту за чудесную работу с сайтом.

Работникам «Кэпитол Лимитед» и «Саутвест Чиф» компании «Амтрак» за всю оказанную помощь. Особые благодарности Ли Джонсу, Беверли Стюард, Моник Бейли и Кейт Вильямс из «Кэпитол Лимитед». Никогда не забуду, как ехал с вами по рельсам и слушал в поздний час замечательные истории.

Работникам «Амтрака», которые помогли мне понять специфику поездов, в том числе Дэнни Стюарту, Джимме Абойе, Кристоферу Стритеру, Дэвиду Вильневу, Брайану Перри, Винсенту Тилу, Джудит Мартин, Эдварду Кидвеллу, Дебории Блэквелл, Брайану Розенвельду и Дугласу В. Адамсу. Вы все потрясающие!

Особая благодарность Клиффорду Блэку, начальнику отдела государственных программ «Амтрака», за то, что ответил на кучу вопросов и позволил мне заглянуть за кулисы. Клифф, вы настоящий джентльмен и профи.

И Дэвиду Лессеру из журнала «Эррайв» компании «Амтрак» за поддержку проекта и проявленный энтузиазм.

notes

Примечания

1

Здесь: продажа программ сразу нескольким вещателям.

2

Ок. 188 см.

3

Почти 100 кг.

4

Писатель потерял троих детей и жену.

5

Система железных дорог, протянувшаяся от Бостона до Вашингтона.

6

Космическое судно из фантастического сериала «Звездный путь».

7

Одна из рас в «Звездном пути».

8

Острое блюдо из лобстера, яиц, масла и сливок с добавлением коньяка и хереса.

9

Спальные вагоны американского типа – некупейные.

10

Прозвище Чикаго.

11

Озеро в районе горного хребта Сьерра-Невада.

12

Информационный центр для туристов.

13

Улица в Нью-Йорке, в центре Манхэттена.

14

Презрительное прозвище белых американцев-бедняков из южных штатов.

15

Известная фраза Элвиса Пресли, которую тот постоянно повторял на выступлениях.

16

Военная президентская медаль США, вручаемая погибшим или получившим ранение на службе.

17

Модель боевой машины пехоты.

Джон Браун (1800–1859) – один из первых белых сторонников отмены рабства в США, поборник вооруженной борьбы за отмену рабства, возглавлявший отряд повстанцев.

19

Дункан Файф (1768–1854) – знаменитый американский краснодеревщик, работавший в стиле неоклассицизма.

Дункан Хайнс (1880–1959) – американский ресторанный критик, первым начавший составлять рейтинги ресторанов для путешественников.

Обыгрываются латинские названия, используемые в систематике биологических видов: «американские законники-людоеды».

Профессиональный клуб американского футбола в штате Висконсин.

Аллеганы – горный массив в составе Аппалач.

24

Стрит – комбинация карт разной масти по возрастанию достоинства:
дырявый стрит – такой, где одной карты внутри последовательности не хватает.

25

Аналог поговорки «Назвался груздем – полезай в кузов».

Роберт Эдвард Ли (1807–1870) – главнокомандующий армии Юга в конце Гражданской войны в США 1861–1865 гг.

Эбenezер Скрудж – персонаж «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса, воплощение алчности и скарелности, чье имя стало в английском языке нарицательным для обозначения злобного скряги.

«Питтсбург Стилерз» – профессиональный клуб американского футбола.

«Да» на норвежском.

Воспаление десен.

31

Торговая марка парацетамола.

Тот, кто ходит обнаженным в людных местах.

Арета Луиза Франклин (1942–2018) – знаменитая американская певица в стилях ритм-энд-блюз, соул и госпел; по версии журнала «Роллинг стоун» – величайшая поп-вокалистка в истории.

Здесь: жанр афроамериканской музыки, основанный на смешении народной музыки и религиозных песнопений.

Американский журналист, известный прежде всего многолетним участием в утренней воскресной программе сети CBS.

Фронт освоения Дикого Запада.

Город в Канзасе, один из символов эпохи Дикого Запада.

Перл Бейли (1918–1990) – американская джазовая и блюзовая певица и музыкальная актриса.

Билли Холидей (наст. имя Элеанора Фейган; 1915–1959) – одна из наиболее выдающихся джазовых вокалисток в истории.

Нэт Кинг Коул (наст. имя Натаниэль Адамс Коулз; 1919–1965) – американский джазовый пианист и певец.

«Думать... Думать...» (*англ.*); из песни А. Франклин «Think».

Доплеровский радар – прибор для измерения на расстоянии скорости движущихся объектов.

Горный часовой пояс в США и Канаде предшествует тихоокеанской прибрежной зоне; название получил благодаря горной системе Кордильер.

Спиртовое топливо в банках-горелках.

Игра слов: *англ.* слово «stick» многозначно и не только условно описывает форму тела змеи и навевает неприличные ассоциации, но и может означать «дубина» как в прямом, так и в переносном значении («болван»).

Лоренс Керр Оливье (1907–1989) – выдающийся британский актер.

Table of Contents

[Дэвид Болдаччи Рождественский экспресс](#)

[Глава 1](#)

[Часть 1. «Кэпитол Лимитед», Вашингтон – Чикаго](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Часть 2. «Саутвест Чиф», Чикаго – Лос-Анджелес](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)